

Дей Кин

Миссис убийца

Глава 1

Когда такие вещи случаются с вами, вы реагируете на них совершенно иначе. Патриция сидит очень спокойно, скрестив руки на коленях. Только глаза ее возмущаются. Время от времени она вскидывает их на меня, потом переводит на окно комиссариата, за которым уже спустилась ночь. Итак, она меня обманула. Но по ее лицу этого не заметно. Ее волосы по-прежнему такие же рыжие, а глаза синие. Она, так же как и я, продолжает дышать. Это все та же очаровательная женщина, которую я подцепил между двумя вальсами на одном из балов, устроенных в нашем квартале, когда ей минуло восемнадцать лет, а я только начинал свою деятельность в полиции.

Мы соединились и обещали друг друга уважать и беречь наш священный союз. Ну а теперь она все затоптала в грязь. Губы ее дрожали, рыжие волосы были в беспорядке, а глаза распухли от лживых слез.

«Шлюха! Я должен был бы надавать ей пощечин», – думал я.

Толпа вновь прибывших устраивается в кабинете капитана Карвора: полицейские в форме, помощники прокурора, детективы отдела. Большинство из них действительно опечалены тем, что произошло со мной, а некоторые выражают фальшивое сочувствие.

Убитый меня не беспокоит. Убитые нередко встречаются по ходу моей работы. Но мысль, что Пат предала меня, вызывает у меня тошноту. Я повернулся к ней спиной и стал смотреть в окно. Сейчас около часу ночи, но это не мешает некоторым людям прогуливаться по улицам. Некоторые прислонились к запертым дверям. Мы тоже когда-то так делали: Пат и я. В нескольких домах еще горит свет: поздно вернувшиеся мужчины или супруги, занимающиеся любовью, или родители, успокаивающие проснувшегося ребенка. Крадущимися шагами проходят бродяги, в одиночку или компанией. Вон прошел пьяный. Вероятно, ищет какой-нибудь ресторанчик, который поздно закрывается и не слишком разборчив в клиентах. Доллар направо, доллар налево, и у него уже есть выпивка и девица.

Я смотрел на целующихся влюбленных и думал, как все-таки скверно зарабатывать себе на жизнь детективом. Все равно, на какой должности ты находишься. Всю жизнь флик копается в грязи. В течение многих лет не видишь ничего, кроме мошенничества и мерзости. С людьми встречаешься только тогда, когда они попадают в беду: кражи, шантаж, наркотики, убийства, рэкет... Замужние женщины предлагают свое тело. Мужчины предлагают своих сестер и дочерей.

Я глубоко вздохнул. И вот неожиданно все, что имело для меня смысл, заколебалось, и только вера, которую я потерял, могла бы сейчас помочь мне. Я подошел к окну и уселся на подоконник. Маленького роста, недавно окончивший гарвардский колледж, маменькин сыночек, с розовыми щеками и очка-ми, сидящими на носу, помощник прокурора Хаверс выглядел очень современно, об этом же свидетельствовала и его манера разговаривать.

– Сделайте над собой усилие и войдите в наше положение, миссис Стен. Это тяжелая обязанность, но мы ее должны выполнить.

Зря он это говорит. Я знаю, как мне себя держать. Хаверс же думает только о своей карьере, и это дело кажется ему подходящим случаем. Он, конечно, поступит по всем правилам. Это такой парень, который, не задумываясь, осудит собственную мать, если ему покажется, что это логично и по правилам.

– Мы знаем все, – продолжал он. – Лил Кери вступал в связь с замужними женщинами, чтобы потом использовать их в своих целях. Его смерть не является потерей для общества. – Хаверс замолчал и аккуратно протер стекла очков. – К тому же, если вы будете благоразумной и подпишите заявление, что стреляли в него, я могу вас заверить, как член прокуратуры, что, установив причину убийства, мы будем требовать для вас наказания в виде принудительных работ.

Пат отрицательно качнула головой.

– Нет.

– Что нет? – удивился Хаверс.

Пат вновь повторила то, что говорила раньше.

– Я не стреляла в Кери и не была его любовницей. И совершенно не знаю, каким образом очутилась в его квартире.

Хаверс взглянул на капитана Карвора, стоявшего позади нее.

– Не знаете ли вы случайно, капитан, люди на той машине с рацией, которые совершили арест, все еще здесь?

Джим Пурвис ответил раньше, чем Карвор успел открыть рот.

– Конечно! Я сказал им, чтобы они не уходили.

– Отлично.

И Хаверс послал за ними Монта.

Пат посмотрела на меня глазами, полными слез. Я ответил ей безразличным взглядом, дав тем самым понять, что все это меня не волнует: она перестала быть моей женой. Всего лишь курочка, которая длительное время спала в моих объятиях. Это было давно – прошлой ночью. Я сделал вид, что интересуюсь револьвером, который рассматривал Джим. Самый обычный, никелированный, серийного производства. Джим взял его в руки и засунул в дуло карандаш.

– Тем не менее, в этом необходимо разобраться.

– Насколько я знаю, это уже сделано, – сказал я.

Я нервно закурил. Выходит, Пат была любовницей Кери, и он пытался ее шантажировать. Почему она ничего мне не рассказала? Почему не рассказала Джиму? Я был ее мужем, Джим был ее другом. Я работаю детективом, а Джим – шеф уголовной бригады восточного Манхэттена. Чем больше я думал над создавшейся ситуацией, тем ужаснее она мне казалась.

Або Фитцел, парень из «Дейли Мирор», первый назвавший меня Большим Германом и

всерьез считавший, что я обнаруживаю убийц при помощи черной магии, подошел к нам и спросил меня:

– Что ты обо всем этом думаешь, Герман?

Я проглотил добрую порцию дыма.

– Что ты хочешь, чтобы я думал?

– Ты попробуешь сделать что-нибудь для Пат?

– Еще не знаю.

Я внимательно посмотрел на Пат. Она постаралась по мере возможности привести в порядок свои волосы. Длинные локоны ниспадали ей на плечи. С такими локонами изображали на портретах пажей итальянского Ренессанса. Пат могла сделать из своих волос что угодно, и все было красиво. Но сейчас лицо у нее опухло, а глаза были красными и заплаканы слезами. Она перемазалась губной помадой, и красивое платье больше не шло ей. У нее был совершенно потерянный вид, и она была мало похожа на ту девчонку, с которой я познакомился на балу.

«Добрый день, малютка!» – бросил я ей тогда.

«Вот как, полиция! – улыбнулась она. – Салют, дружок!»

Это смешно, когда в голову приходят такие воспоминания. Прогулка по Вашингтон-скверу. Вишневый торт и кофе в баре. Пощечина, которую я заслужил в первый же вечер, когда захотел выглядеть слишком современным. А потом она начала плакать из-за этого – она была уверена, что я больше не приглашу ее. И никогда никакой нечестности.

Я постарался представить себе, что она должна сейчас чувствовать. Она была совершенно одна среди большой толпы.

Толпы людей, которых она называла по именам, с которыми кутила сотни раз в течение десяти лет нашего супружества, типы, которые с удовольствием поедали ее блюда. А теперь они чужие. И она ждет чего-то, потрясенная, по другую сторону барьера, у которого она меня видела столько раз с того времени, как я стал располагать машиной с рацией, прикрепленной к этому комиссариату.

Монт вернулся вместе с Жилем и Маком. Хаверс бросил взгляд на рапорт, лежавший возле его локтя.

– Агенты Жиль и Мак?

– Да, сэр! – отрапортовал Жиль за двоих.

– Вы отправились узнать, что произошло, потому что вам сообщили, что слышали, как в 22.05 кричала женщина?

– Да, сэр.

– На последнем этаже трехквартирного дома, расположенного позади клуба «Флибустьеры» на Гроув-стрит?

Тут Жиль обнаружил, что в комнате присутствуют высокие чины, и снял фуражку.

– Совершенно верно, сэр.

– И там вы обнаружили миссис Герман Стен?

– Да, сэр.

– И как оказалось, кричала она?

– Да, сэр.

– В каком состоянии она находилась?

Жиль бросил на меня растерянный взгляд.

– Жиль, – сказал я, – помощник прокурора задал тебе вопрос.

– Она была без одежды и в состоянии опьянения, – выдавил он.

– Значит, она была голая и пьяная?

– Да, сэр.

Хаверс посмотрел в свои записи.

– Я вижу, что вам пришлось взломать дверь?

– Совершенно верно, дверь была заперта изнутри. – Сначала (Жиль указал на своего товарища) Боб и я стали спорить, что нам делать, но потом все же решили взломать дверь и посмотреть, кто кричит и почему.

– Какова была реакция миссис Стен, когда вы взломали дверь? Что она сказала?

Жиль вертел фуражку в руках.

– Я хочу сказать, что она была на грани истерики. Она все время кричала: «Герман, Герман, на помощь! Умоляю тебя, уведи меня отсюда!» И страшно стонала. А потом она пыталась выбежать на лестницу как была, совсем голая.

– А потом?

– Боб снял куртку и накинул ей на плечи, а потом держал ее, пока я не обошел все помещение. Вот тогда я и обнаружил этого типа мертвым. Он находился в другой комнате.

– Как выглядело помещение?

Жиль не долго останется простым фликом. От него ничего не ускользало.

– Так вот, там была небольшая вечеринка на две персоны. Одна пустая бутылка из-под спиртного и два стакана на низеньком столике возле дивана. Сам диван был опрокинут, то есть почти опрокинут. Но, в общем, гостиная была в порядке, не считая того, что я нашел белье миссис Стен, а также ее обувь и платье. Они валялись на ковре, но не так, как если бы их с нее сорвали, а как будто она торопилась снять их.

Пат принялась кричать:

– Он врет! Я никогда бы не смогла поступить так, никогда бы ничего не сделала во вред Герману! Ведь ты это отлично знаешь, ты ведь знаешь, Герман? – добавила, она повернувшись ко мне.

Я остался безмолвным. Миссис Андерс, работающая в полиции, погладила ее по плечу и

протянула чистый платок.

– Ну, малютка, успокойтесь, – сказала она.

– А как выглядела другая комната? – осведомился Хаверс у Жилья.

– Настоящий бордель.

Жиль снова надел фуражку, но, вспомнив о присутствующих, опять снял ее.

– По всей кровати брызги крови. Постель в таком состоянии, как будто на ней боролись, понимаете? На трупе одни ботинки и ничего больше. Он лежал, наполовину свесившись с кровати. Возле окна на полу валялся плащ. А стена возле кровати была вся запачкана – ну так, как будто кому-то было плохо.

– Это я, – всхлипнула Пат. – Мне было очень плохо, когда я пришла в себя. Мне было невероятно плохо.

– Вы взяли эту массу на исследование? – спросил Хаверс у Пурвиса.

– Да. В лаборатории этим как раз сейчас и занимаются, – сказал Джим.

Хаверс взял фотографию Пат, стоявшую на письменном столе капитана Карвора. Это была одна из шести фотографий, которые она сделала у очень хорошего фотографа, чтобы подарить мне на день рождения. На ней красовалась надпись:

"Лилу, моей любви. На всю жизнь,

Патриция".

– Нет! – категорически воскликнула Пат. – Нет!

Хаверс сделал вид, что ничего не слышал.

– Где вы нашли это фото, как вас там?

– Жиль, сэр, – подсказал тот. – На камине. Но я не дотрагивался до него, как и вообще ни до чего в комнате. Как только я обнаружил этого типа мертвым, я спустился на нижний этаж, чтобы позвонить в участок. Дежурный сразу же сказал, что высылает наряд.

– Вы разговаривали с соседями, пока дожидались наряда?

– Да, сэр, с теми, от которых я звонил.

Жиль вытащил из кармана записную книжку.

– Пожилой мужчина, некто Чарлз Свенсон. Я разговаривал с ним и с его женой.

– И что они вам сообщили?

– Они сказали, что ждали, что случится что-нибудь подобное.

– Почему?

– Потому что они с женой думали, что молодая рыжая женщина замужем. Она приходила к Кери потихоньку два или три раза в неделю в течение примерно шести месяцев.

– Следовательно, со слов мистера Свенсона, эта молодая женщина и миссис Стен одно и то же лицо?

– Он не знал ее имени, но я попросил его подняться вместе со мной. Боб в это время караулил миссис Стен, которая не переставала вопить во все горло. И он признал в ней ту молодую женщину, которая приходила в квартиру Кери.

Помощник прокурора повернулся к Пат.

– Что вы на это скажете, миссис Стен?

– Он лжет, – заявила она. – Можете не сомневаться: он лжет.

– Опять двадцать пять...

– Я не знала никакого Лида Кери. И никогда раньше его не видела. Я увидела его впервые, когда пришла в себя в его квартире, совершенно голая и больная.

– И вы продолжаете настаивать на своем, хотя есть свидетельства обратному?

– Да.

Пат вновь уставилась на меня сквозь слезы. Я больше не знал, как держать себя. Все доказательства налицо, но она-то не из таких. А если все-таки из таких? Кровь бросилась мне в голову. В сущности, я совершенно не знал, чем она занималась после полудня и вечерами, когда я работал.

Распухшие губы Пат снова задрожали. Она опустила глаза. Ее грудь бурно поднималась и опускалась в такт дыханию.

Хаверс закурил сигарету.

– Последний вопрос, сержант... Как вела себя миссис Стен, пока вы ждали наряд?

Жиль положил свою записную книжку в карман.

– О! Как все женщины, когда слишком много выпьют. Временами была неподвижна, потом неожиданно приходила в себя. Она пыталась оттолкнуть нас, кричала, что ей нужно вернуться домой, чтобы накормить Германа обедом. Но, должен сказать, ничего грубого она не говорила.

– Спасибо, – проронил Хаверс. – Это все, сержант... как вас там?

– Жиль, – терпеливо напомнил тот.

Хаверс пересек кабинет и подошел к Пурвису и ко мне.

– Я вас покидаю, – сказал он Джиму. – Постарайтесь вести дело как можно деликатнее: это в наших же интересах. – Затем он снизошел до меня. – Я очень огорчен, Стен. По-моему, ее виновность не вызывает сомнения. Я считаю, что будет лучше, если вы уговорите ее признаться. Тогда она хоть не вызовет недовольства судей и присяжных.

Я не произнес ни слова. Хаверс вышел из кабинета. Джим вопросительно посмотрел на меня.

– Ты хочешь поговорить с ней, Герман?

– Нет, – ответил я, качнув головой.

Клубы дыма в кабинете сгущались, без конца звонил телефон. Телетайп продолжал отбивать дробь. Большинство полицейских начальников удалились после ухода помощника прокурора Хаверса. Женщина изменила мужу и убила своего любовника? Ну и что?

Джим взял стул и уселся напротив Пат.

– Как дела, малышка?

Она попыталась улыбнуться.

– Не очень-то хорошо, Джим.

– Хочешь что-нибудь выпить?

– Нет. – Она отрицательно качнула головой.

Джим Пурвис был худой, слегка поседевший мужчина. О чем-то задумавшись, он провел по волосам своими желтыми от никотина пальцами. Я не представлял себе, о чем он в данный момент думает. Джим очень любит меня, но он любит и Пат. Все это ему ужасно неприятно, ему бы очень хотелось, чтобы кто-то другой прикончил Кери. Он предпочел бы сейчас быть простым патрульным на полицейской машине или кем-нибудь еще, только бы не заниматься тем, чем он, шеф уголовной бригады Восточного Манхэттена, должен был сейчас заниматься.

– А если мы начнем с самого начала, детка? – предложил он Патриции.

Она вытерла щеки рукавом своего платья.

– Как хотите, Джим. – Она снова попыталась улыбнуться и добавила: – Ведь это ваша обязанность.

– О да, – прошептал Джим.

Он взял со стола Карвора записи ее показаний.

– По вашим показаниям вчера в полдень вы отправились сдавать кровь, и у вас взяли пятьсот граммов крови. После этого вы пошли по своим делам... в универсам.

– Да, это так.

– Вы сделали покупки и решили вернуться к себе, а по дороге остановились у закусочной, чтобы купить Герману сигареты.

– Да.

– Там не было «Кэмела», но Майерс сказал вам, что ожидает их с минуты на минуту, и вы решили подождать. В ожидании сигарет вы выпили у прилавка «кока-колы». – Он бросил взгляд на рапорт. – Один вишневым «кока-кола», как здесь сказано. И после этого единственное, что вы можете вспомнить, то, что вы оказались в совершенно незнакомом месте и вдобавок совершенно обнаженной. С Кери, лежащим мертвым на своей кровати.

Преодолевая комок в горле, она выдавила чуть слышно:

– Да.

– Вы поехали к Кери на своей машине?

– Нет! – возмутилась Пат. – Как бы я могла это сделать?

– Ах да, конечно! Последнее воспоминание, оставшееся у вас, то, что вы сидели за прилавком Майерса.

– Да.

– А в тот вечер вы впервые были в квартире Кери?

– Да.

Пурвис посмотрел на портрет Пат с дарственной надписью.

– Я не могу объяснить этого. И не представляю себе, каким образом фотография оказалась там.

– Но надпись на фото сделана вашим почерком...

Пат взглянула на надпись со слезами на глазах.

– Да, похоже на мой почерк.

– А чулки, пеньюар, щетки, пудра, белье, духи, которые мы обнаружили в квартире Кери, они, без сомнения, принадлежат вам.

Пат с трудом удерживалась от истерики.

– Я не знаю, – рыдала она, – я не знаю, как все это там очутилось.

Джим похлопал ее по коленям.

– Послушайте, моя дорогая, не приходите в такое отчаяние. У нас случаются совершенно невероятные вещи. Я хочу вам помочь. И Герман тоже. Ведь я ваш друг, мы все ваши друзья. Но нужно, чтобы вы нам тоже помогли, Пат. Необходимо, чтобы вы сказали правду.

Пат посмотрела на меня.

– Я говорю правду. Я не знаю, каким образом мои вещи очутились в комнате этого мужчины. Я не знаю, каким образом очутилась у него моя фотография. И я никогда не была его любовницей. Я была девушкой, когда вышла замуж за Германа. И никогда в жизни у меня не было другого мужчины.

Джим продемонстрировал необыкновенное терпение и выдержку.

– Но послушайте, Нат, – он поискал глазами заключение полицейского врача и громко прочитал: «Кровь на правом бедре, на руке и на животе. И хотя молодая женщина это отрицает, но осмотр неоспоримо свидетельствует, что она имела сношение с мужчиной, возможно, даже, не один раз. По моему мнению, не позже двух часов назад. И никаких следов насилия».

Пат неожиданно вскочила с места, взмахом руки откинула волосы назад, гордо выставила вперед подбородок, но не смогла сдержать рыданий.

– Мне наплевать на этот паршивый рапорт. Я не обманывала Германа. Я бы предпочла лучше умереть. И если меня изнасиловали, то это тогда, когда я потеряла сознание.

– Осторожнее, – вмешалась миссис Андерс, – сейчас она потеряет сознание.

Я бросился вперед и подхватил ее безвольное тело. Я ощутил знакомое тепло и понял совершенно определенно: что бы ни сделала Пат, я не переставал любить ее и буду любить всегда.

– Итак? – вмешался Або Фитцел.

Я взорвался.

– Великий Боже! Тебе не надоело без конца задавать вопросы? Убирайся отсюда, иди писать свою чепуху! А что буду делать я, я еще сам не знаю.

Фитцел скорчил обиженную физиономию.

На письменном столе Карвора затрезвонил телефон. Он взял трубку, а потом передал ее Джиму.

– Это вас. Полицейский врач.

– Пурвис слушает. Понимаю... – Он сделал знак Монту. – Пишите: выстрел в голову с близкого расстояния, пуля вышла через левое ухо. Калибр – 6,35. Около восьми часов или часом раньше. О'кей. Большое спасибо, старина. Это соответствует найденному револьверу.

Джим повесил трубку и набрал другой номер. Я обнаружил, что все еще держу Пат в своих руках, и посадил ее на стул.

Миссис Андерс положила ей на затылок салфетку, смоченную водой.

– Вы знаете, – призналась она мне, – я иногда рада, что уродилась некрасивой.

Действительно, это так. Пат же очень красива. И к тому же она моя жена.

– Понимаю, – сказал Пурвис по телефону. – Никаких следов хлорала, но 0,17 миллиграмма алкоголя в крови. А его рука в оспинах от пороха? Да, я ожидал этого. Один из дешевых револьверов, которые легко купить.

Пат открыла глаза.

– Я ничего такого не делала, – слабым голосом проговорила она. – Я не смогла бы сделать такое Герману.

Миссис Андерс похлопала ее по плечу.

– Спокойнее, малютка.

«Какая противная баба эта Андерс со своей фальшивой жалостью», – подумал Герман.

Пурвис повесил трубку и подал знак мужчине, сидящему возле двери.

– Теперь поговорим с вами.

Человек встал.

– Да, сэр.

– Ваша фамилия Свенсон? – обратился к нему Джим.

– Да, сэр, Чарлз Свенсон.

– Ваш аппарат хорошо работает? Вы хорошо слышите?

– Отлично! – удивился Свенсон.

– Это вы предупредили нас, что слышали, как в квартире Кери кричит женщина?

– Да, сэр. И я сказал Бен, это моя жена, когда мы услышали крик: «Слышишь, кричат? Наверно, там происходит что-то страшное, в квартире наверху. Я позвоню в полицию». И я позвонил.

– Вы слышали звук выстрела?

– Нет, сэр, мы слышали только крики.

– Что дало вам повод думать, что там происходит что-то особенное?

Свенсон развел руками.

– Это должно было случиться раньше или позже. При такой жизни, которую вел мистер Кери. Он принимал у себя женщин в любое время суток и очень похвалялся этим.

Пурвис указал на Пат.

– Вы уже видели эту даму, мистер Свенсон?

Тот надел очки с сильными стеклами.

– Да, сэр. Она ходила к мистеру Кери. И очень часто.

Немного подумав, он добавил:

– В общем, я не видел, как она входила к нему, но видел, как она поднималась по лестнице этажом выше.

– Вы видели ее на лестнице в этот день?

– Да, сэр.

– С Кери?

– Нет, сэр, она была одна.

– А что, вид у нее был совершенно нормальный? Я хочу сказать, она не была под действием наркотиков или алкоголя?

Свенсон отрицательно покачал головой.

– Нет, сэр. Могу сказать, что у нее был совершенно естественный вид. Как обычно. – Тон у старика был почти извиняющийся. – Все это нас совершенно не касается. Но миссис Свенсон и я не могли не замечать ее. Она так часто проходила мимо нашей двери, когда поднималась выше...

– Она часто бывала у Кери?

– Два-три раза в неделю.

Пурвис стал перелистывать досье, пока не нашел то, что искал.

– Вы сказали сержанту, что вы и миссис Свенсон думали, что это замужняя женщина,

обманывающая своего мужа. Что дало вам повод так думать, мистер Свенсон?

– Ну, во-первых, на ней было обручальное кольцо. А однажды, когда она целовала Кери на пороге квартиры – наша дверь была тогда случайно открыта, – мы слышали, как она сказала, что с радостью осталась бы с ним подольше, но ей необходимо вовремя приготовить Герману обед, чтобы он ничего не заподозрил.

– Вы лжете, лжете! – закричала Пат голосом, дрожащим от возмущения. – Старый дурак! Вы лжете!

Мистер Свенсон вежливо возразил Пат:

– Простите меня, миссис, но зачем мне лгать?

Пурвис решил закончить со стариком.

– Благодарю вас. Вы свободны.

Мистер Свенсон бросил боязливый взгляд в темноту за окном.

– Очень не люблю находиться на улице в такое время.

Джим вышел из кабинета вместе с ним. Что ж – он был действительно очень доброжелателен по отношению ко мне и Пат. Он действительно сделал все, что было возможно. Теперь ему оставалось сделать только одно: отправить Пат в тюрьму и предъявить ей обвинение в убийстве. Но Джим хотел, чтобы у меня не было сомнений.

Фитцел горел желанием передать по телефону свое сообщение, но ему хотелось иметь законченную историю...

– Итак, мадам? – снова спросил он.

Я встал на колени возле стула, на котором сидела Пат, и одним пальцем приподнял ее лицо за подбородок. Она пыталась улыбнуться, но губы ее еще дрожали. Неверной рукой она провела по губам и залитым слезам щекам и попыталась поправить волосы. Даже в состоянии ужасной паники она все же хотела быть для меня красивой.

Я прикурил сигарету и сунул ей в губы. Это добавило ей пикантности. Мне она всегда нравилась – во всех видах и позах. А потом? Потом вы женитесь на красивой девушке, и начинаются ваши переживания. Ваше счастье летит к черту, и беда сваливается вам на голову.

– Это ты, Пат, убила Кери?

Она энергично покачала головой.

– Нет!

– Ты спала с этим типом?

Ее сигарета дрожала когда она отвечала мне:

– Ты отлично знаешь, что нет. Герман... – Слезы вновь потекли по ее щекам. – Как я могла пойти к другому, когда ты для меня все?

– Последнее, что ты помнишь, это то, что ты сидела у прилавка Майерса и пила «кока-колу»?

– Да.

– Ты раньше никогда не бывала у Кери?

Дым попал ей в глаза, и я вынул сигарету у нее изо рта. Она взглядом умоляла меня, чтобы я ей поверил.

– Я никогда не была у него.

– И ты не давала ему свое фото?

– Нет.

Я проглотил дым, потом выпустил его, не спуская с нее пристального взгляда. Если Пат лжет, то делает это так искусно, как мне еще не случалось видеть.

«Добрый день, малютка!» – бросил я ей.

«Вот как, полиция! – ответила она мне. – Салют, дружок!»

На горе и радость соединил я свою жизнь с ее. И вот теперь такой случай. Случай, когда я должен слепо верить в нашу любовь, так же слепо, как я верю в Бога.

– Скажи-ка мне...

Она дотронулась кончиком пальчика до моей щеки.

– Это не я, – твердила она, – это не я. Можешь мне верить, Герман.

В кабинет возвратился Джим Пурвис.

– Ну, что она сказала? – осведомился он.

Я встал с колен и решительно ответил:

– Я принимаю сторону Пат.

– Но доказательства, Герман... – начал он.

Я резко оборвал его:

– К черту доказательства! Пат не была любовницей Кери! И она не убивала его. Все это было подстроено.

– Кем?

– Не знаю.

– А зачем? И почему это нужно было проделывать именно с Пат?

– Не знаю, как ты понимаешь.

– А фотография?

– Я не знаю, как она туда попала.

Джим Пурвис умолк, затем холодно, как представитель власти, проговорил:

– А показания свидетеля, утверждающего, что она ходила к Кери два или три раза в неделю в продолжении полугода?

– Я не верю в это. Не верю, что она могла так поступать. И мне наплевать на тех, кто это утверждает.

Пурвис нервно жевал сигарету.

– Я вынужден буду задержать ее, Герман.

– Да, конечно, я понимаю.

Я помог Пат встать. Осторожно и с нежностью. Не как флик, а как муж. Ее взгляд все время спрашивал меня. И я сказал ей все, без всяких утаек:

– Нужно смотреть фактам в лицо, дорогая. Ты попала в грязную историю, и Джим обязан отвести тебя в тюрьму. А я ничем не могу помочь тебе.

Я приподнял ее подбородок и поцеловал.

– Все это уже не смешно и будет еще хуже. Хитрые флики вывернут наизнанку всю твою и мою жизнь. Тебя будут допрашивать долгие часы. Прокурор предъявит тебе обвинение в убийстве. Ты будешь одна среди волков в течение многих дней. «Жена полицейского убила своего любовника на холостяцкой квартире в Гринвич-Вилледж». – Я бросил взгляд на Або Фитцела. – Все газеты в городе будут заниматься только тобой, тебя объявят виновной. Виновной в измене мне, виновной в убийстве Кери. Хотя это не так – и то и другое. Ты так сказала, и я тебе верю.

– Я прошу тебя, Герман... – начал Або.

– Закрой пасть и поторопись продать свой товар! – выпалил я в его сторону. – Нужно, чтобы Джим увел тебя, – повернулся я к Пат, целуя ее в волосы. – Это его обязанность, но я хочу, чтобы ты помнила о двух вещах.

Пальцы Пат вцепились в мою руку.

– Да?

– Пока тебе придется все это пережить. А я, со своей стороны, сделаю все возможное, чтобы вернуть тебя домой. Ты должна крепиться, малышка, понимаешь?

Пальчики Патриции еще крепче вцепились в меня. Грудь ее вздымалась, она похорошела прямо на глазах. Ее губы все еще дрожали, но в глазах уже не было выражения безысходного отчаяния. На ее бледном лице они блестели, как звездочки, как теплые сапфиры.

– Понимаю, – выдохнула она.

Пат нежно провела рукой по моей щеке и с надеждой посмотрела мне прямо в глаза.

– Понимаю, – прошептала она и шепнула мне на ухо, чтобы никто не слышал: – Теперь я буду спокойна.

Итак, я все взял на себя. Я ее муж.

Глава 3

Я влез вместе с Пат в полицейскую машину. Шины шелестели по пустынной дороге.

Влюбленные покинули тротуары. Скверные парни ушли по своим делам. Дети накормлены, а мужчины получили то, что хотели. Манхэттен засыпает.

По дороге в тюрьму ни Пат, ни я не произнесли ни слова. Пока выполнялись все формальности, я стоял возле нее, обняв рукой за плечи. Джим сам следил за всем. Чувствовалось, что все это ему очень неприятно.

– Позаботься о ней, парень, – сказал я ему.

– Ты знаешь, что можешь рассчитывать на меня, Герман.

Пат забеспокоилась, потому что у нее не было ночной рубашки. Я сказал ей, что приготовлю маленький чемоданчик со всем необходимым и занесу его завтра утром. После этого, поцеловав ее, я покинул помещение. Лучше сдохнуть, чем видеть, как за ней захлопнется дверь тюремной камеры.

Джим позвал меня, но я сделал вид, что не слышу, и вышел не оглядываясь. Дежурил старый Хенсон, который поинтересовался:

– Ночная работа, Герман, а? Что случилось? Какая-нибудь потаскушка замочила своего парня или что?

Я посмотрел старику прямо в глаза. Нет, он задал этот вопрос без всякой задней мысли. По всей вероятности, он был пока не в курсе. И все же мне было весьма неприятно. Пожалуй, это единственный тип из всей полицейской бригады, который еще не знает, что Большой Герман обзавелся парой ветвистых рогов. Парни, которые меня любят, очень опечалены. А прохвосты, которые меня боятся, вне себя от радости.

– Да, там был порядочный шум, – ответил я Хенсону.

Инспектор Греди ожидал меня у выхода: он дышал свежим воздухом. В тот момент, когда я проходил под зеленым светом, он сделал мне знак сигаретой.

– Салют, парень!

Я остановился из вежливости и из субординации. Меня мучал вопрос, что делать дальше. Сказать Пат, чтобы она не беспокоилась, это одно, но действовать вопреки всему, это другое. Все доказательства налицо, все факты против нее. Нескольких людей, даже при меньших доказательствах, я отправил на электрический стул.

Греди вынул сигарету изо рта.

– Скверное дело для твоей жены, Герман.

– Да, очень скверное, – согласился я.

Я держал в руке свою старую шляпу и критически рассматривал ее. Она уже давно нуждалась в чистке и восстановлении формы. Но, с другой стороны, скоро уже приобретать новую.

– Как говорят добрые люди, довольно обычная штука, – продолжал инспектор. – Тем не менее, отвратительно. Обидно, что не существует способов, при помощи которых любой мужчина мог бы знать, обманывает его жена или нет.

Я ответил ему, что верю Пат на слово.

Он сунул сигарету в рот.

– Она все еще притягивает тебя, а, Герман?

Я надел шляпу.

– Что вы хотите этим сказать? – тут я неожиданно вспомнил, с кем разговариваю, и добавил с некоторым запозданием: – Инспектор...

– Не больше того, что сказал, – отпарировал Греди.

Я сунул руку в карман. Не следует позволять себе лишнего в разговоре со старшим по чину, чтобы не оказаться перед дисциплинарной комиссией.

– О'кей, остановимся на этом. Она все еще притягивает меня.

Я спустился вниз на несколько ступенек, но он схватил меня за руку.

– Тебя не удивил тот маленький спектакль, который она устроила Джиму, а? – Греди постарался сымитировать женский голос: – «Последнее, что я помню, это то, что я пила у прилавка кока-колу». – Потом продолжал своим естественным резким голосом: – Ты видел когда-нибудь, чтобы кто-то терял сознание, выпив кока-колу?

Я вынужден был признаться, что не видел.

Греди выпустил мою руку.

– Я знаю, дорогой, как это тяжело. И как глубоко ранит даже одна мысль о том, что женщина способна на такое. Забуди ее. Она не стоит того, чтобы за нее так переживать. Такая же шлюха, как и многие другие. Возьми два дня отдыха или неделю. Хорошенько наклюкайся и утешься с какой-нибудь куклой. Все курочки одинаковы. Поверь мне, парень, я знаю, что говорю.

Я выплюнул сигарету. Пока она летела, от нее сыпались искры.

– Пат не шлюха. И это не она прикончила Кери. Это все подстроено...

– Кем? – удивился он.

– Не знаю.

– Но кто мог втянуть ее в эту историю?

– Вы слишком многое спрашиваете.

– И вообще, что бы все это значило?

– Не знаю.

Греди сдвинул шляпу на затылок.

– Черт возьми, Герман, не будь же таким хлюпиком! Люди будут думать о тебе не очень хорошо. Это происходит каждую ночь. Тысячу раз в ночь. – Он широким жестом обвел вокруг себя. – В шикарных отелях и в тех, что похуже. На задних сиденьях машин, в канавах, в конторах, на улице, в трущобах и в шикарных кварталах. И муж ничего не подозревает, пока не случится чего-нибудь, вроде того, что случилось с Пат сегодня вечером. Она поссорилась с Кери и пристрелила его. – Я спускался по лестнице. А Греди продолжал вещать мне вслед: – О'кей! Проводи расследование, но не надейся, что друзья тебе помогут. Это дело дрянь. Все парни Восточного Манхэттена в курсе дела. На твой счет, разумеется.

Я резко повернулся к нему.

– Гнусная ложь!

Греди возразил мне с той же живостью:

– Это правда. Я могу сказать тебе о том, о чем ты по своей молодости не думал. Я мог бы предсказать все это еще пять месяцев тому назад. Послушай, я отлично знаю, что вы, молодые, думаете обо мне. Вы полагаете, что я старая ирландская развалина, у которой в глазах миражи, а в жилах вместо крови течет уксус. Но если это и так, то только потому, что я сорок лет занимаюсь девками, ворами и убийцами, и это изменило меня. Послушай, парень. Я уже был инспектором, когда ты еще писался в колыбели. И конечно, ты слышал немало всяких басен на мой счет, и не слишком приятных для меня. Но слышал ли ты хоть раз, чтобы меня называли лжецом?

Я был вынужден признать, что нет.

Старик снова надел шляпу и сунул сигарету в рот.

– О'кей. По крайней мере, раз шесть я видел Пат и Кери вместе. Я лично, собственными глазами. У меня еще хорошее зрение. Спроси в «Линде». В «Пороке». В клубе высоких. У Эдди Гюнес.

Греди резко повернулся и вошел в здание. Некоторое время я постоял на ступеньках, потом шагнул на тротуар.

Один из парней пригнал мою машину к комиссариату: он обнаружил ее неподалеку от дома Кери. Кто-то засунул штраф за стоянку в неподобающем месте. Я взял эту бумажку и выкинул. Весь руль был в пудре, и я вспомнил, что было написано в рапорте: найденные отпечатки пальцев принадлежали только Пат.

Закрыв глаза, чтобы дать им возможность немного отдохнуть, я снова увидел дрожащие, с размазанной губной помадой, губы Пат на ее бледном лице, когда она кричала:

«Мне наплевать на этот рапорт! Я не обманывала Германа. Я никогда не хотела этого и не смогла бы сделать. Я предпочла бы умереть. И если меня изнасиловали, то это тогда, когда я потеряла сознание».

Забавная история, сочиненная отчаянной лгуньей. Мой лоб покрылся потом, я вынул платок, чтобы вытереть его. Сколько же глупости в типе ростом около шести футов и весом двести фунтов? До какой степени можно быть слепым? И глухим? Неудивительно, что Джим, Корк, Або, Монт и помощник прокурора Хаверс вели себя подобным образом. Они знали, что делали. Им ведь все это было известно. Во второй половине дня и вечерами, когда я работал, Пат играла в папу-маму с Кери. В последние шесть месяцев.

Инспектор Греди очень четко высказался на этот счет. Это происходит каждый вечер. Триста шестьдесят пять вечеров в год. В больших отелях и маленьких забегаловках. И среди типов, обитающих в трущобах, и у тех, кто платит сотни долларов за один день проживания в апартаментах. Почему бы детективу уголовной полиции, живущему в конце Риверсайд Драйв, быть исключением?

Мое сердце сжималось все сильнее. До какого же предела я дошел? Ведь я сказал Пат, чтобы она не беспокоилась, что я люблю ее и верю ей.

Я открыл дверцу машины, чтобы вернуться и сообщить ей все, что я услышал от инспектора Греди, но затем одумался. Зачем? Она станет лгать еще больше. Я сказал себе, что с меня хватит. Самое правильное – это последовать совету инспектора. Я возьму несколько дней

отпуска, поеду куда-нибудь и надерусь. Я позвоню какой-нибудь курочке, одной из тех, которые вешаются мне на шею, и приглашу ее на бутербродик. И буду вести такую жизнь в течение восьми дней. А потом?

Легкий бриз ласкал мою щеку. Нежно, как пальцы Пат. А потом? Ответ довольно прост. Мне сейчас совсем не хочется напиваться. У меня нет желания положить в постель первую попавшуюся девицу, которая, может, и будет довольна моим обслуживанием. Единственное, что я хочу сейчас, это остаться одному, безразлично где. Мне необходимо все хорошенько обдумать.

Я тронул с места, не зная, куда ехать и не думая об этом. Так я очутился в квартале базаров и складов. Я открыл дверцу машины, чтобы выйти со стороны тротуара. Прodelывая это, я свалил бумажный пакет, содержимое которого вывалилось на землю. Ворча, я стал подбирать все и класть обратно в мешок. Тут оказались эскалопы, бычье сердце, салат, картофель, цветная капуста и несколько консервных банок. Я сложил все это обратно в мешок, но продолжал держать в руке бычье сердце, не заметив, что испачкал кровью пиджак и брюки.

Вареное или жареное с соответствующим гарниром бычье сердце одно из моих любимых блюд. Но Пат не могла его есть. Она объясняла это тем, что его слишком часто давали в интернате, где она воспитывалась. Она дала себе слово, что когда вырастет, не притронется к нему. Но так как я очень любил это блюдо, Пат все же готовила его.

Кровь опять начала стучать в моих висках, и я стал восстанавливать в памяти проведенный Пат день. После возвращения из клиники, где она сдавала кровь, – она сдала пол-литра, – до того, как пойти на свидание с человеком, с которым она обманывала меня, Пат зашла в магазин и среди всего другого купила и бычье сердце.

Что-то тут не вяжется. Это нелогично. Курочка, которая обманывает своего мужа, перед свиданием скорее пойдет в парикмахерскую, чтобы навести красоту для своего любовника.

Я медленно покачал головой. Что-то тут не то!

Тем хуже для инспектора Греди. Это невозможно. Он не мог видеть ее вместе с Кери. Но все доказательства свидетельствовали против нее.

Пат хорошая и верная девочка. Она всегда все доводила до конца. Для нее не существовало полумер. Если бы она захотела спать с Кери, она не стала бы тайком ходить к нему после полудня, сделав покупки для нашего обеда. Она спала бы с ним все ночи, и прощай, Герман Стен!

Где-то на площади, среди серого света зари, стала гнусаво кричать какая-то мерзкая птица. Я осмотрелся по сторонам, чтобы выяснить, откуда шел этот звук.

Я стал думать, кто же я такой? Кто я такой, чтобы сомневаться?

Я старательно уложил бычье сердце в пакет поверх других покупок. Потом сел за руль и отъехал от этого места.

Будь проклято то, что видел, или думал, что видел, инспектор Греди! Будь прокляты доказательства, свидетельствующие против Пат! Бывают в жизни обстоятельства, когда мужчине только и остается, как сделаться глупым! Бывают в жизни обстоятельства, когда необходимо просто верить!

И я как раз нахожусь в такой ситуации, при таких обстоятельствах.

С Гудзона потянуло свежестью. Майерс стоял на пороге своей комнаты в белой ночной рубашке, развевающейся вокруг его волосатых ног, и более чем когда-либо был похож на сына. На сына, который носит очки в серебряной оправе с толстыми стеклами.

– Да, совершенно верно, мистер Стен, – подтвердил он. – Как я сообщил вашим коллегам, миссис Стен находилась в моем заведении вчера во второй половине дня.

– В котором часу?

Майерс немного подумал и сказал:

– Около четырех часов. – Затем он наклонил свою плешивую голову и уточнил: – Нет, теперь я припоминаю – было без пятнадцати пять. Я вспомнил, что взглянул тогда на часы. Она хотела купить сигареты «Кэмел», но у нас их не оказалось, а торговец запаздывал, и я сказал ей, что он должен прибыть с минуты на минуту. Тогда миссис Стен заявила, что немного подождет.

– А были ли еще посетители в вашем заведении?

– Как я могу точно помнить об этом, мистер Стен? – Майерс развел руками. – Люди постоянно входят и выходят. Без этого я бы не смог делать свое дело.

– Другими словами, вы не имеете понятия, что за люди были тогда у вас?

– Ни малейшего представления.

– Вы случайно не видели, как уходила моя жена?

Майерс потер нос.

– Нет, я не могу вспомнить этого момента. В эту минуту я, вероятно, выполнял чей-то заказ. Теперь, когда я думаю об этом, мне вспоминается, что, кажется, миссис Стен взяла с полки журнал-ревью и устроилась с ним у прилавка. – Он сделал жалобную мину. – Если бы я продавал все журналы, которые читают посетители в ожидании, пока их обслужат...

Я немного ослабил воротничок рубашки. До сих пор все идет правильно. Пат не курит. А окурки, в большом количестве разбросанные у Кери, были от египетских сигарет, даже те, что были вымазаны губной помадой. «Кэмел» предназначался для меня. Пат показала, что она пила кока-колу возле прилавка. До сих пор все совпадало. Я осведомился у Майерса, как зовут его парня.

– Симон, Карл Симон.

– А где он живет?

Майерс с сожалением качнул головой.

– Этого я вам сказать не могу, мистер Стен. Во всяком случае, сейчас. В конторе у меня записан его адрес. Он живет где-то поблизости. Но некоторое время тому назад он переехал в отель, где-то в нижнем квартале, около Таймс-сквер. Не помню его названия.

– Сколько времени работает у вас Симон?

Он пожал плечами.

– Два месяца, может быть, девять недель. А может, даже десять. Вы же знаете, какие это парни. Они никогда долго не задерживаются на одном месте. – Майерс, по всей вероятности, слышал сообщение по радио. – Но поверьте мне, мистер Стен, ваша жена не была усыплена в моем заведении, если это та причина, по которой вы меня разбудили в половине пятого утра. У меня никогда не продают никаких наркотиков. Это я могу клятвенно заверить. К тому же...

Майерс пожал плечами и умолк. Я схватил его за ворот ночной рубахи.

– Продолжай, мне очень интересно, старина. «К тому же» – что?

Майерс провел языком по губам.

– Ну, ко мне они никогда не приходили вместе. Я бы сказал ей: «О, миссис Стен, как вам не стыдно!» Но я видел ее несколько раз в компании с этим человеком.

Я ударил его по лицу.

– Вы лжете!

Майерс решил не сдаваться.

– Драться с вами я не могу: вы слишком сильны. К тому же, вы из полиции. Но лгать, это нет, я не лгу. Я много раз видел, как миссис Стен встречалась с этим человеком в конце улицы, недалеко от моего заведения. А однажды, когда мы с миссис Майерс выходили из кинотеатра и направлялись поужинать, мы встретили их у «Порока». Они сидели за столиком в углу, держась за руки.

Я выпустил его.

– Вы совершенно в этом уверены?

Майерс клятвенно поднял правую руку.

– Да.

Теперь я не знал, что и думать.

– О'кей. Сожалею, что ударил вас.

– В этом нет ничего ужасного, мистер Стен. Такие вещи случаются часто. Но я представляю себе, что вы должны испытывать.

И он закрыл дверь перед моим носом. Я задержался немного на пороге, чтобы посмотреть на туман, поднимающийся с залива. День был душным и жарким.

Я медленно спустился по ступенькам и прошел под желтым светом фонаря, направляясь к своей машине. Что-то во всей этой дикой истории есть неестественное. Для женщины, которая обожает свой дом, которая ни единого раза не опоздала приготовить все к моему приходу... Пат, если верить свидетелям, действительно проявила чудеса ловкости и хитрости. Сомнения снова зашевелились в моей душе. Весьма вероятно, что я просто все время ошибался, и Пат гораздо хитрее, чем я полагал.

Я взглянул на часы. «Порок» и «Линда» закрыты, но у меня есть шанс застать открытым еще Эдди Гюнеса. Эдди не особенно стесняется, так как среди его клиентуры имеются и важные полицейские чины.

Я проехал до Бродвея и свернул на Мэй-авеню, точнее, на Таймс-сквер. На улицах почти

никого не было, за исключением уборщиков улиц. Слишком поздно для гуляк и слишком рано для рабочих. Ник Казарас, прикрепленный комиссариатом к 47-й улице, наблюдал за отелем «Астор». Я остановил машину и подал ему знак.

– Хочешь оказать мне услугу, Ник?

– С удовольствием, Герман.

– Постарайся найти одного типа по имени Карл Симон. Насколько я знаю, он небольшого роста, лет двадцати пяти. Темные волосы зачесаны назад. Немного глупый вид. Служит подавальщиком в заведении Майерса на 62-й улице. Похоже на то, что он живет в каком-то отеле именно в этом квартале.

Казарас улыбнулся.

– Можешь считать, что он у тебя в кармане. Хочешь, чтоб я привел его к тебе или мне просто найти его?

– Найди его, и этого будет достаточно. Я позвоню тебе по телефону, когда ты закончишь работу.

– Буду ждать звонка. – Неожиданно его улыбка потеряла веселость. – Как дела, Герман?

– Пока ничего хорошего.

– А мы ничего не можем для тебя сделать?

Я покачал головой.

– Нет. Благодарю за предложение, Ник. Я этого не забуду.

Я вновь тронулся в путь, спустился по Седьмой авеню до Гринвич-Вилледж и остановился перед клубом Эдди Гюнеса. Заря уже окрасила улицы в розовый цвет. Перед клубом было припарковано несколько машин. Я толкнул дверь и вошел. Оркестр уже закончил свою работу, официанты убирали со столиков.

Четверо мужчин и три женщины сидели около бара, основательно надравшись виски. Две женщины не обратили на меня никакого внимания: они были слишком заняты друг другом. Одни и те же сцены в разных забегаловках. Один из мужчин обернулся и опустил руку вдоль бедра. Третья женщина, еще девчонка, которой едва минуло двадцать лет, схватила меня за руку, когда я проходил мимо.

– Добрый вечер, дорогой, – проворковала она и потерлась бедром о мое бедро с видом совершенно пьяной женщины. – Не предложишь ли мне бокал вина?

Резким движением я избавился от нее. Рядом с баром стояли Рег Хоплон и двое его парней. Хоплон, высокий и красивый парень, который испортил себе репутацию папенькиного сынка тем, что стал добывать деньги совсем другим путем. Он был зол на меня.

– Смотри-ка, да ведь это Герман, – насмешливо проговорил он. – Что это мне сказали? У вашей красивой рыженькой жены сегодня неприятности?

У меня ничего не было против Хоплона, зато другие давно уже жаждали его крови, но никак не могли его ни в чем уличить. Я не произнес ни слова. Он продолжал:

– Можно предполагать, что женщина должна бы удовлетвориться любовью такого большого и красивого флика. Но приходится думать, что ему не хватало еще кое-каких талантов, а,

Герман?

Я двинул его так стремительно, что он ударился о стойку, потом отлетел от нее и растянулся на полу. Из его носа потекла кровь. Гюнес за стойкой бара заметил:

– Послушайте, Герман, Рег сказал это не со зла, он не думал ничего плохого. Просто он совершенно пьян.

Я взглянул на типов, сопровождавших Хоплона.

– Платите за свою выпивку, забирайте эту падаль и быстренько сматывайтесь отсюда. А когда он очухается, передайте ему: если встретит меня на улице, пусть сразу же переходит на другую сторону.

Один из типов хотел было вмешаться, но потом одумался.

– Как хотите, Стен.

Он положил на стойку банкноту и с помощью своего напарника помог Хоплону выйти. Тот уже немного пришел в себя и изрыгал ругательства. Та же девчонка глубоко вздохнула и, повернувшись в мою сторону, пробормотала:

– Мальчик, а вы мне нравитесь.

Я прошел в глубь бара. Выйдя из-за стойки, за мной последовал Гюнес. Это был жирный, с двойным подбородком мужчина. Когда он ходит, пол трещит под его ногами. Пройдя в глубину зала, мы остановились и посмотрели друг на друга.

– Послушайте, – проговорил толстяк, – мне известно, что вы представитель власти и порядка. Но что вы имеете против меня, Герман? Я не хочу портить с вами отношений. Может быть, я должен был вас предупредить? Поставьте себя на мое место. Я подумал, что она достаточно взрослая и может делать то, что ей хочется.

– Другими словами, Пат встречалась здесь с Кери?

– Очень часто.

– Как часто?

Гюнес сложил свой подбородок вдвое.

– По меньшей мере два раза в неделю после полудня, и один или два раза вечером. Это продолжалось в течение пяти месяцев.

– А когда это было в последний раз?

Гюнес на секунду задумался.

– Два дня назад. У них здесь произошла сцена. Она хотела, чтобы они пошли к нему, а он не хотел. Соображаете?

Я стал рыться в своих воспоминаниях, но во вторник я работал до трех утра.

– Почему? – буркнул я.

– Насколько я мог понять, Кери она уже надоела. – Он достал бутылку рома и стакан и поставил их рядом. – Кери вертелся вокруг другой женщины, певицы моего оркестра. Но миссис Стен не оставляла его в покое. Она проглотила по крайней мере бутылку и

пообещала разбить ему ею голову, если он вздумает ее бросить.

– Вы рассказали об этом Джиму Пурвису?

У Гюнеса был удивленный вид.

– Ну конечно, боже мой! Уже давно. Он и Монт приходили еще вечером.

Я плеснул в стакан рому.

– И что же произошло? Я имеют в виду между ней и Кери?

– Он принял это за шутку. Но, судя по тому, что рассказали мне Джим и Монт, и по тому, что я прочел в газете, мне кажется, что она сдержала свое слово. Только вместо бутылки воспользовалась револьвером.

Мне понравился вкус рома. Чтобы усилить это впечатление, я налил себе еще стакан.

– Вы уверены, что это была моя Пат?

Толстяк скорчил недоумевающую физиономию.

– Конечно, вы никогда не представляли меня своей жене. Правда, мистер Греди, который был здесь как-то вечером, сказал, что они зашли уж слишком далеко и что обоим достанется, если это дойдет до вас. Потом еще двое парней, которые хорошо знают вас и ее, говорили приблизительно то же самое.

Я налил себе третий стакан. Игра сделана, глупо после всего услышанного быть таким упрямым. Белое – это белое, а черное – это черное, и неверных жен – легион. В Нью-Йорке, в Сан-Франциско и повсюду, куда бы ни вела дорога. Даже в Библии говорится об этом.

Я ощутил возле себя тепло чужого тела. Ко мне прижалась маленькая блондинка. Она неплохо сложена и обещала быть довольно забавной. Может быть, если я сильно напьюсь, она поможет мне забыть Пат? Она еще плотнее прижала свое бедро к моему.

– Если это может вас заинтересовать, то знайте, что вы мне страшно нравитесь.

– Не будь душой! – предупредил Гюнес. – Это коп.

– Ну и что же? – возразила девчонка. – Разве копы не признают любовь?

Я сказал Гюнесу, чтобы он достал для нее стакан. Он налил ей смесь бурбона и продолжил наш разговор.

– К тому же у меня есть глаза и уши. Девушка имеет рыжие волосы. Кери называл ее Пат. И однажды вечером я понял, что он рискует многим, играя в такие игры с женой детектива, хотя имени детектива никто не называет.

Маленькая блондинка продолжала тереться об меня, как кошечка, у которой что-то на уме.

– А вы не могли бы подняться ко мне? – предложила она. – Я всегда мечтала переспать с типом такого роста, у которого сломан нос.

Гюнес налил ей еще порцию бурбона и поставил бутылку на стойку.

– Кстати, раз вы здесь, Герман, можете взять это с собой. Я хотел отдать это Джиму Пурвису, но в этот момент здесь была банда шалопаев и две девицы, которые начали вырывать друг у друга волосы. Так что я позабыл об этом.

– Что такое?

Гюнес открыл ящик и вытащил оттуда белую кожаную сумочку, вид которой был мне очень знаком.

– Вот. – Он положил ее на прилавок рядом с бутылкой рома.

– Ваша жена забыла ее тут во вторник вечером. Я полагаю, из-за неприятной сцены с Кери. – Он нагнулся и прошептал: – Вы знаете, почему женщины так к нему липнут и что об этом говорят? Вы знаете, что они рассказывают об его манере делать это?

– Нет, – сухо проронил я, – и не хочу знать.

У меня сложилось впечатление, что я плаваю в грязи. Ром неприятно переливался в желудке, а блондинка настойчиво терлась о некоторые части моего тела.

– Ну, вы отлично понимаете, что я хочу сказать, – промолвил Гюнес.

Я открыл сумочку из белой кожи. Это был мой подарок ей ко дню рождения. В ней лежала расческа, в которой еще осталось несколько рыжих волосков, пудреница, пять бумажек по пять долларов, шесть по одному и мелочь. Там были также счета за свет и газ, адресованные Герману Стену. И другие счета...

Я сложил все обратно в сумочку и вновь наполнил стакан. Быть иногда слепым – это отлично. Но все коты шипят и выгибают спину, когда их ласкают не так, как им нравится, и существуют штуки, которые трудно проглотить.

Малышка продолжала виснуть на мне.

– А почему бы и нет?

Я резко повернулся и вновь наполнил стакан. Все три подбородка Гюнеса задрожали, когда он с живостью воскликнул:

– Тогда идите, Герман, и запачкайтесь тоже! Я понимаю, каково вам это слышать. И так как я должен был бы тогда как-то вам помочь, то все это за мой счет. – Он бросил взгляд на пьяную девчонку. – И если хотите знать, я нарочно держал наготове эту кошечку.

– Это он обо мне говорит, – улыбнулась блондиночка.

– Я хочу спросить вас об одной вещи, – обратился я к Гюнесу.

Я поднес стакан к губам и затем так резко поставил его на стол, что дно отлетело и ром разлился. Одним махом руки я столкнул осколки и схватил Гюнеса за ворот рубашки.

– Минутку. Сколько, вы сказали, выпила Пат во вторник вечером?

Он с удивлением взглянул на меня.

– Восемь, девять порций, а может и больше. Почему вы это спрашиваете?

– А что она пила?

– Ром, сухой ром.

Я хохотал, не в силах остановиться. Хохотал во все горло. Я выпустил рубашку Гюнеса и закрыл бутылку рома пробкой.

– Ну и что? – изумился он. – Что тут странного?

– Ничего. Все отлично сходится.

Я слегка шлепнул блондинку по аппетитной попке и направился к выходу. Один... В первый раз за многие часы я опять стал Германом Стеном, мужем Патриции Стен. Теперь у меня была не только вера, чтобы поддержать меня в минуту слабости. У меня было кое-что и другое. У меня также имелись серьезные доказательства. Инспектор Греди и Майерс видели молодую рыжую женщину вместе с Кери. Гюнес слышал, как рыдающая женщина угрожала Кери. Мистер Свенсон видел поднимающуюся по лестнице к Лилу Кери рыжую женщину. Ее сходство с Пат было действительно удивительным. Но это могла быть какая угодно женщина, только не Пат. Это не могла быть она.

Я остановился на тротуаре возле клуба и наблюдал, как заря освещает все вокруг. Я должен был понять это даже по анализу крови. Гюнес сказал, что Пат была совершенно пьяна. Еще бы – кто угодно потеряет сознание с 0,17 миллиграммами алкоголя в крови. Но к Пат это не относится, потому что она совершенно не переносит алкоголя – ей достаточно одного стакана, чтобы сразу потерять сознание.

Этому может быть лишь одно объяснение. Где-то в Нью-Йорке существует рыжая девица, чувствующая себя в постели Кери, как у себя дома. Девушка высокая и красивая. Девушка с рыжими волосами, похожая на Пат. Девушка, у которой походка, голос, даже жесты настолько похожи, что она может сойти за Пат.

И по неизвестной для меня причине она к этому стремится.

Глава 5

Двухэтажный фасад из серого камня выглядел совсем не зловеще. Когда-то тут были деревья и газон, но со временем все исчезло. Теперь дом возвышается в самом центре прогресса. Доходные меблированные комнаты выходят на три стороны. Окна последнего этажа смотрят на сооружение для кондиционирования воздуха клуба «флибустьеров».

Я стоял и при свете восходящего солнца смотрел на дом. В окнах нижнего и первого этажей было темно, но в окнах Свенсонов горел свет.

Я поднялся на второй этаж. Полицейский в форме расположился в коридоре перед квартирой убитого и читал утреннюю газету. Он качался на задних ножках своего стула, а на другом стуле стояла чашка дымящегося кофе и тарелка с домашним печеньем.

– Совсем как у себя дома, не так ли?

Он вскочил, немного смущенный.

– Прошу прощения, лейтенант. Я не слышал, как вы поднялись.

Я закурил сигарету и прислонился к стене.

– Сколько времени вы уже служите в полиции?

Вид у него стал еще более смущенным.

– Чуть меньше года, сэр.

– Меня зовут Стен. Детектив Стен. И бросьте называть меня лейтенантом, а то можно подумать, что вы не из нашего дома. В уголовке нет лейтенантов. Только детективы первого класса, которые получают содержание лейтенантов.

Он застегнул пуговицы на мундире.

– Есть, сэр.

Я указал на угощение, лежащее на стуле.

– Откуда все это?

– Снизу, сэр. Мне принесла его старая дама. Понимаете, подобная история впервые произошла так близко от них. Это взволновало их до такой степени, что они не могут спать. Ведь они видели курочку, когда она поднималась по лестнице. Сначала они не знали, что она замужем. Естественно, они думали, что Кери спит с ней. Потом, когда она...

Полицейский слишком поздно сообразил, что говорит о моей жене и покраснел. Он тщетно подыскивал, что бы такое сказать. Если извиниться, будет еще глупее.

Я открыл дверь и прошел мимо него в квартиру. Я уже видел несколько сот подобных, и только эта единственная была мне небезразлична. Включив свет, я принялся осматривать гостиную.

Кери жил на средства женщин. Его профессия, по-видимому, приносила ему немало денег. Красивая, со вкусом обставленная гостиная. Почти целую стену занимает камин. Есть еще спальня, кухня и ванная. Я вошел в спальню. Там царил такой беспорядок, которого мне еще не приходилось видеть. Перегоревшие фотолампы брошены в корзину для бумаг. Все стены и мебель покрыты белым порошком. С кровати сняты простыни. Место, где лежал убитый Кери, обведено мелом. Я плюнул в середину этого места.

Мне трудно было представить себе Пат в этой комнате, которую я увидел уже после обыска.

В комиссариат позвонили: убийство по такому-то адресу. И на кого же я попадаю? На Пат в одной туфле и в пиджаке Боба, который при малейшем движении позволяет видеть ее грудь и все, чем наградила ее Господь Бог. Но она настолько пьяна, что это не производит на нее никакого впечатления. Ее платье и белье валяются на полу, и чернбурая лиса, за которую я еще не расплатился... И еще хуже: Джим не позволил ей одеться, пока врач не осмотрел ее. Это неприятная процедура, но она обязательна.

«Ну что?» – спросил Джим, когда врач с помощником вышли из комнаты, поддерживая рыдающую Пат. Моя руки в ванной, врач ответил совершенно определенно и не смущаясь:

«Кровь на правом бедре, на руке и на животе. И хотя молодая женщина это отрицает, но осмотр неоспоримо свидетельствует, что она имела сношение с мужчиной, возможно даже не один раз. По моему мнению, не позже двух часов назад. И никаких признаков насилия».

Радостное волнение, которое я испытал у Гюнеса, испарилось. Голова снова стала болеть. Может быть, Пат просто обманывала меня в том, что касалось алкоголя. Может быть, она хотела, чтобы я считал ее непьющей. То, что она рассказывала, звучит не очень убедительно. Любая женщина, если она не пьяна мертвецки и не усыплена наркотиками, должна знать, спала она с мужчиной или нет. Я посмотрел на стену, на то место, на которое, по словам Пат, ее стошнило. Но она не была усыплена наркотиками. Во всяком случае, по заключению лаборатории. Они написали, что следов хлорала у нее в крови не обнаружено.

Окурок сигареты стал жечь мне пальцы. Я прикурил от него другую сигарету. Но, если подумать, Лил Кери, будучи любовником Пат, ничего не выигрывал. Кери жил за счет женщин,

а Пат ничего не могла принести ему, кроме своего тела.

Я бы дорого заплатил, чтобы знать, что мне делать дальше. Бычье сердце, ожидание сигарет, ее уверения, что она ничего не помнит, – все это может быть следствием хитроумно задуманной комбинации. К тому же наша машина была обнаружена перед домом Кери, и на руле не было никаких других отпечатков, кроме пальчиков Пат. Жиль и Мак были вынуждены взломать дверь, чтобы проникнуть в помещение. Она была заперта изнутри.

Вероятнее всего, Пат виновна. Едва ли могут существовать две женщины, так похожие одна на другую, что даже Греди мог ошибиться. Пат и Кери пришли к нему на квартиру. Кери запер входную дверь, чтобы им не мешали, и они всю забавлялись. Они отлично провели время. Если верить словам врача, они занимались любовью не один раз. А потом они поссорились. Пат вынула револьвер и...

Я подошел к открытому окну и попытался дышать глубже и ровнее – сердце мое никак не хотело стучать спокойно.

Наступил день. Я обнаружил пожарную лестницу, прислоненную почти к самому окну и достигающую до земли. Проникнуть в спальню и прикончить Кери не составляло труда. Но кто это мог сделать? Любой. Любой из восьми миллионов...

Я постарался вздохнуть полной грудью и снова обрести веру в невиновность Пат. Те, что стояли за этим делом, были совершенно уверены, что я буду реагировать так, как это сделал бы каждый, влюбленный в свою жену. Они хотят, чтобы я перестал трезво мыслить, чтобы глаза мои застилала красная пелена. Они хотят, чтобы я верил доказательствам, а не Пат.

Джим Пурвис считает ее виновной, инспектор Греди тоже. Помощник прокурора Харвис также на их стороне. Для них Пат просто женщина, которая обманула своего мужа, как это проделывают многие другие. Это происходит постоянно, триста шестьдесят пять вечеров в год. Если я не докажу обратного, дело пойдет обычным порядком. США против Патриции Стен. С двумя очками Пат против девяти в пользу Штатов.

Мне захотелось поговорить с Пат с глазу на глаз после того, как она отдохнет. И еще мне очень нужно увидеть Карла Симона. Если Пат меня не обманывает, то кока-кола – это ключ к загадке. Пат пила его в заведении Майерса и очутилась в квартире Кери.

Я вытер платком пот, струившийся по лицу, и спросил себя, почему я решил, что имя подавальщика было Джо. Я схватил телефон, позвонил на 47-ю улицу и осведомился у дежурного сержанта, не принес ли Ник Казарас свой рапорт.

– Нет, Герман, он еще не приходил, – ответил мне сержант.

– Даже неприятно. Обычно он всегда приходит точно, а сегодня опаздывает уже на четверть часа. Ты хочешь, чтобы он позвонил тебе?

Я ответил, что не стоит, – я сам позвоню Нику домой, когда он закончит работу.

– Но скажи мне, Педди...

– Что?

– Почему я пристегнул имя Джо к фамилии Симон?

Педди, не задумываясь, ответил:

– По причине того маленького прохвоста, которого подобрали шесть месяцев назад и которого звали Джо Симон. Помнишь? Он был замешан в историю с девушкой по вызову за

сто долларов.

– Ах, да! – вспомнил я. – И что же с ним случилось?

– Понятия не имею. Герман, лучше выяснить это в тюрьме.

Я повесил трубку и некоторое время держал в руках аппарат. Потом я поставил его на стол и вышел в вестибюль. У меня возникло желание принять душ и переодеться перед тем, как идти разговаривать с Пат. Только сначала я приготовлю для нее вещи. Все, что у нее есть на себе, это платье и туфли. Остальное Джим отправил в лабораторию. Должно быть, она чувствует себя без белья очень стесненно. А может, это ее не смущает. Ведь, в сущности, я подобрал ее на балу нашего квартала.

«Ты первый мужчина в моей жизни, – сказала она мне тогда, – и единственный».

Я старался сосредоточиться на этой мысли. Полицейский стоял, вытянувшись у стены. Я поинтересовался, как его зовут.

– Джек Митчел, сэр.

– Садись, Джек, и не беспокойся обо мне. Сегодня я не на службе.

– Да, сэр. Спасибо, сэр, – произнес он таким тоном, как будто я по крайней мере шеф-инспектор или кто-нибудь в этом роде.

Я начал спускаться по лестнице. Когда я достиг пролета первого этажа, дверь квартиры Свенсонов отворилась, и старая дама, маленькая и жеманная, высунула свой нос.

– Простите, сэр, – пропищала она. – Вы действительно детектив Стен, не правда ли?

Я повернулся.

– Совершенно верно.

– Муж той красивой дамы, которая убила Кери?

Я поправил ее:

– Которую обвиняют в убийстве Кери.

Она фальшиво улыбнулась.

– Ну конечно, – вздохнула она, кладя свою руку на мою. – Я только хотела сказать, что мы очень огорчены. Если бы мы только могли что-нибудь сделать...

Она оставила фразу незаконченной. На мгновение я задумался. Передо мной находился свидетель, показания которого направлены против Пат. Я поднял шляпу и вытер пот носовым платком.

– Послушайте, миссис Свенсон. Там, в комиссариате, ваш муж категорически настаивал на том, что моя жена и есть та особа, которая приходила к Кери два или три раза в неделю после полудня в течение полугода.

Щеки старой дамы порозовели.

– Ну и что же! Живя в одном подъезде, мы время от времени встречали ее на лестнице. А иногда, когда становится тепло, как сегодня, мы оставляем свою дверь открытой и видим, как она проходит мимо нас, поднимаясь на верхний этаж. Но мы не знали, кто она. Я хочу

сказать, мы не знали ее имени до вчерашнего вечера.

Я вытащил из бумажника фотографию.

– И вы готовы под присягой подтвердить, что это та молодая женщина, которую вы видели?

Старушка с улыбкой покачала головой.

– Сожалею, но я должна сходить за очками. Может быть, вы зайдете, мистер Стен?

Квартира их была точной копией той, наверху, но обставлена гораздо скромней. Еще бы, Свенсон сам зарабатывал на жизнь. Дверь в спальню была открыта, миссис Свенсон закрыла ее и грустно улыбнулась.

– Чарлз только что заснул, а я заснуть не в силах, так как все время думаю о вашей несчастной жене, – говоря это, старая дама искала свои очки. – На какие безумства способны женщины! Правда, я мучаюсь и не могу понять, как женщина, у которой свой дом и семья, может пойти на... – Миссис Свенсон смутилась и оборвала фразу. – Я все болтаю и болтаю, как сказал бы Чарлз.

Наконец она нашла свои очки и стала разглядывать фотографию, которую я ей протянул.

– Да, – уверенно сказала она, – это та молодая женщина, которую мы видели.

– А разве вы не могли принять за нее другую рыжую женщину, похожую на нее?

Она снова взглянула на фото.

– Нет, я не ошибаюсь. Мне очень жаль, но это точно она. – Старушка ткнула пальцем в родинку на подбородке Пат. – Я очень хорошо помню этот маленький знак.

Значит, так... Я спрятал фотографию в бумажник и спустился с лестницы. Светало, но на теневой стороне улицы было еще темно. Я был уже на полпути к арке, когда это произошло – совсем неожиданно для меня.

Я проходил мимо совершенно темной лестницы и вдруг получил удар сзади. Сначала я услышал стук и уже потом ощутил боль. Шляпа моя упала. Я пролетел вперед и ударился об стену.

– Он хитрый, – сказал один мужской голос.

– Не хитрее нас, – ответил другой.

Я упал на спину, но постарался как можно скорее повернуться на бок и достать револьвер. Те двое принялись бить меня ногами. Один удар угодил в подбородок. Я схватил другую ногу и всем весом навалился на ее владельца. Я услышал треск, который издает ломающаяся кость. Мужчина заскрипел зубами и застонал от невыносимой боли. Но дубинка продолжала бить меня по спине и лицу, пока я не уткнулся в грязный пол.

Когда я пришел в себя, то был один. Один, но рядом стоял малыш лет восьми с молоком и хлебом в руках. Он заметил, что я открыл глаза, и сразу предупредил:

– Ты бы лучше шел отсюда. Флики не церемонятся с пьяными. На прошлой неделе они два раза подобрали моего старика.

Я встал, опираясь о стену. У меня ничего не было сломано, но зато пропали револьвер, бляха и бумажник.

– Ты никого здесь не видел? – спросил я малыша.

Он отрицательно покачал головой.

– Нет, – казалось, я заинтересовал его. – Боже, ты весь в крови! С кем-нибудь подрался?

– Нет, – буркнул я.

Я с трудом дошел до двери, выводящей на улицу, и рывком отворил ее. Теперь на улице было уже много народу. Целый поток машин направлялся к Седьмой авеню. Попробовать обнаружить двух типов, которые обработали меня, то же, что искать девушку в публичном доме. Я слышал лишь их голоса. И знаю только то, что у одного из них сломана нога. В этом я был уверен, так как слышал треск переломанной кости.

Я пересекал тротуар, чтобы подойти к своей машине, и толкнул двух продавщиц, шедших на работу.

– Вы не могли бы быть осторожней? – огрызнулась одна из них.

– Да ты что! Он ведь едва держится на ногах, – участливо заметила другая.

Я с трудом уселся за руль и захлопнул дверцу машины. В одном из карманов в машине был пакет бумаги, которой я и попытался стереть кровь с лица.

Кто были эти мужчины? Воры? Но вместе с тем слова, сказанные ими, плохо вяжутся с этим предположением.

«Он хитрый, – сказал один. – Не хитрее нас», – возразил другой.

А потом эта история с бляхой и револьвером. Типы, занимающиеся грабежом, забрали бы только мой бумажник, и были бы довольны. Украсть бляху и револьвер – это совершенно в духе Рега Хоплона, чтобы отомстить мне за удар в баре Гюнеса – заставить меня написать рапорт, самый убийственный для флика: «У меня украли бляху и револьвер».

Ни за что в жизни! Лучше сдохнуть!

А может, это имеет какое-то отношение к Пат? Кто-то сомневается в том, что я ей не поверю? Вполне возможно, потому что я сую свой нос куда не надо и задаю всякие вопросы, вместо того, чтобы напиться и искать утешения в постели другой женщины.

Эта мысль понемногу овладевала мной. Что он – вполне возможно. Я узнаю об этом, когда опрошу официанта Майерса. Но сейчас мне необходима ванна, чистая одежда и другой револьвер.

Я влился в поток машин и направился к дому. Дом! Какая насмешка! Голова страшно болела. Во рту был привкус соли и крови. В хорошую же переделку я попал!

Но, как бы там ни было, не будет для меня дома без Пат...

Глава 6

На углу 182-й улицы продавец газет выкрикивал какую-то несуразицу, заманивая покупателей. Впрочем, это приблизительно то, чего я ожидал и о чем предупреждал Пат – чтобы она не слишком реагировала. Мальчик, казалось, распевал:

– Сенсационное преступление, сенсационное! Подробности в газете. Жена детектива убивает своего любовника на квартире в Гринвич-Вилледж.

Я нащупал в кармане монету и приобрел газету. На одной из страниц была помещена фотография Пат с надписью:

"Лилу, моей любви. На всю жизнь,

Патриция".

Мальчик меня не знал.

– Недурная девочка, правда? – с энтузиазмом проговорил он. – Дайте мне еще разок взглянуть на нее.

Я оставил машину там же и пешком дошел до дома, на ходу просматривая газету. Або не стал ставить акценты из-за симпатии ко мне. Но факты остаются фактами, как их не располагай. И в его статье все равно приводится их столько, что вполне хватит, чтобы посадить Пат на электрический стул. Кери был любовником Пат в течение полугода. Недавно он заинтересовался другой, и Пат застрелила его. Я провел рукой по лицу, испачканному кровью и потом.

Черный «кадиллак» стоял вдоль тротуара перед домом, в который мы переехали сразу же, как я получил первое повышение. Это была небольшая квартирка, но она нам нравилась. Чем больше я думал об этом, тем хуже становилось на душе.

Мне показалось, что я уже где-то видел этот «кадиллак». Действительно, за рулем сидел Корк Аверс. Заметив меня, он воскликнул:

– Черт возьми, Герман, что с тобой случилось?

Я сказал ему, что у меня были небольшие неприятности, и спросил, приехал ли Джим. Корк утвердительно кивнул. Я поднялся по лестнице и вошел в холл. Джим Пурвис и Монт разговаривали с управляющим. Монт задал мне тот же вопрос, что и Аверс.

– На меня напали в Гринвич-Вилледж.

– Кто они?

– Я думаю, это парни Рега Хоплона. Если у одного из них окажется сломанной нога, тогда все точно. – Я закурил сигарету и поинтересовался: – Ну, а вы что здесь делаете?

– Кроме всего прочего, – заявил Пурвис, – мне необходимо с тобой поговорить. И я хочу получить список телефонных звонков Патриции.

У меня сразу загорелись уши.

– Ты стараешься во что бы то ни стало поджарить ее, не так ли, Джим?

Он сохранял полнейшее спокойствие.

– Ты отлично знаешь, как тебе надо держаться, Герман. – Он повернулся к Халперу и спросил: – Когда я смогу увидеть эту Миру Белл?

– Сейчас, – ответил управляющий. – У нее комната на верхнем этаже. – Он с удивлением уставился на мое окровавленное лицо. – Могу я попросить ее спуститься в квартиру мистера Стена?

– Можете, – буркнул Пурвис.

Я спросил его, что это за дама, Мира Белл.

– Это дневная дежурная, мистер Стен, – ответил мне Халпер. – Она дежурит с восьми утра, но сегодня прихворнула и попросила ее заменить.

Я направился к лифту и спросил Джима:

– О чем ты хотел со мной поговорить?

– О тебе самом. Ты меня беспокоишь, парень. Я понимаю, какое впечатление на тебя произвела история с Пат, и боюсь, как бы ты не наделал глупостей.

– Например, чтобы я не поверил в ее виновность?

– Нет, – многозначительно проговорил он. – Если ты можешь, то продолжай ей верить. Я тоже люблю эту девочку. Ты ведь знаешь это, Герман, да? И я бы дорого дал, чтобы ты оказался прав, а мы все ошибались. Вот уже восемь лет, как я работаю с тобой, и я знаю какие глупости ты способен выкинуть. Собираясь залезть в дела Пат, ты можешь попасть в такое болото, из которого мы не сможем тебя вытянуть.

– Успокойся, Джим, я сам умею давать себе отличные советы.

Наша квартира с широким балконом, выходящим на Гудзон, находилась на третьем этаже. Надо спуститься на два марша, чтобы попасть в большую гостиную, и снова подняться на два, чтобы попасть в спальню. Я потратил два года, чтобы оплатить мебель, очень красивую мебель. Это было как раз то, о чем мечтали мы с Пат. Ни у нее, ни у меня до этого не было ничего красивого. Я вырос в большой семье, и у нас не было никакого комфорта. Пат почти все свое детство провела в интернате для сирот в Бруклине. Впервые в жизни мы почувствовали себя людьми. И вот теперь все кончено.

Но Джим все же хорошо сказал. Да, он мой друг, и я знаю, почему он пришел.

– Иди и рыскай сам. Я не буду спрашивать у тебя ордер на обыск. – Я открыл шкаф и, вынув бутылку рома, налил себе стакан. – Вам я не предлагаю. Вы ведь на работе и стараетесь посадить Пат на электрический стул.

– Не говори так, Герман, – огорчился Монт.

Я вошел в спальню, нашел сумку Пат и набил ее необходимыми вещами. Джим последовал за мной и небрежно осмотрел ящики комода и одежду Пат. Не так, как он осматривал обычно. Для чего ему это делать? Доказательств у него и так больше, чем нужно для электрического стула.

– Если бы я был на твоем месте, Герман, – посоветовал он мне, – я бы влез в ванную и дал себе хороший отдых. Пат не понадобятся эти вещи раньше вечера.

– Откуда ты знаешь?

– Она спит. Как только я устроил ее в камере, я сказал доктору Петерсону, чтобы он дал ей успокоительное, и отдал распоряжение, чтобы никто, даже помощник прокурора, не беспокоили ее в течение двенадцати часов.

Он старался быть справедливым, и я принес ему свою благодарность.

– Скажи мне, – поинтересовался Джим, – что это была за потасовка в Гринвич-Вилледж? Где

это все приключилось, Герман?

– В подворотне, под аркой, при выходе на Гров-стрит.

– Они у тебя что-нибудь взяли?

– Да, немного денег, – соврал я.

– Может быть, тебя обчистили? Я потолкую с ребятами. А что ты там делал?

– Я хотел видеть Эдди Гюнеса.

– И что он тебе сказал?

– Он вернул мне сумочку Пат. Сумочку, которую она забыла во вторник вечером, после того как сильно поссорилась с Кери. Но Эдди также сказал мне, что Пат выпила восемь стаканов. А ведь она даже после бутылки пива выходит из строя. – Я схватил его за руку. – Послушай, Джим, ты сам видел Пат с Кери?

– Нет, – ответил он, качая головой.

Я выложил ему одним махом все, что накопилось у меня на сердце.

– Сказки, как, по-твоему, может существовать в Нью-Йорке рыжая курочка, которая так похожа на Пат, что все принимают ее за мою Пат?

Джим погрузился в размышления.

– Возможно, что и существует. Но для чего все это? Кому надо так подводить малышку?

– Этого я не знаю, – вынужден был признать я.

– У нее есть деньги?

– Только то, что даю я.

– Может быть, она знает то, чего не должна знать?

– Я сомневаюсь в этом. Ей было восемнадцать, когда мы поженились. А то, что она рассказала в полиции, суцая правда. Я был у нее первым. И до вчерашнего вечера это не вызывало у меня ни малейшего сомнения. Я считал, что я единственный мужчина, который для нее существует.

Джим усмехнулся и уселся на край дивана.

– Проклятье, я даже не знаю, что и думать! – Я снял свой пиджак, рубашку и положил их на стул перед туалетным столиком Пат. На нем стояла такая же фотография, какую нашли у Кери. Но на этой было написано:

"Герману, моему любимому. На всю жизнь,

Патриция".

Я снял брюки и остался в трусах и ботинках.

– Нет, действительно, – повторил Джим. – На меня это тоже производит впечатление, как и на тебя. Вместе с тем вот уже пять или шесть месяцев как разные люди говорят мне, что видели в разных местах Пат в обществе Кери.

Я вошел в ванную комнату и открыл душ.

– Тогда почему же ты мне ничего не сказал?

Джим пожал плечами.

– Ты хочешь, чтобы я рассказывал подобные вещи мужу? – Это же выражение употребил и Эдди Гюнес. – В конце концов, Пат взрослая женщина. Это дело меня не касалось.

Я снял ботинки.

– Я предпочел бы, чтобы ты вмешался в это дело. При всех обстоятельствах я решил верить Пат до тех пор, пока...

В дверь позвонили.

– До тех пор, пока... – переспросил Джим.

Прежде чем я успел ответить, Монт крикнул нам из гостиной:

– Это Белл, Джим. Которая дежурит днем.

Джим вернулся в гостиную. Я принял душ: сперва горячий, потом холодный. После этого я почувствовал себя намного лучше, но голова болеть не перестала. У меня по-прежнему был привкус крови во рту. Я стал одеваться. Надев халат, я отправился в гостиную, где Джим и Монт расспрашивали служащую. Это была высокая блондинка лет двадцати пяти. Если она и была больна, то это не отражалось на ее внешности. Я сильно сомневался, что под одеждой у нее было что-нибудь, кроме нежной кожи. Да ей и не нужна была никакая одежда. Это была удивительно вкусная конфетка, без всякого обмана. У нее были большие круглые глаза, такие же синие, как и ее пеньюар. И даже несколько веснушек на носу не портили ее, а придавали ей пикантность.

Джим вежливо представил нас друг другу.

– Мистер Стен, мисс Белл.

– Очень приятно. Мне кажется, я уже где-то видел вас, мисс Белл?

Она рассмеялась влекущим грудным смехом, совсем как Пат, когда я говорил что-нибудь смешное.

– Конечно. Вы проходите мимо меня каждый день в течение года. И даже время от времени достаиваете меня приветствием.

Я наполнил свой стакан. Почему, черт побери, я должен замечать какую-то служанку? Она всего лишь посторонняя курочка, сидящая за конторкой и записывающая заказы.

Джим вернулся к более серьезным вещам.

– Вы работаете с восьми утра и до четырех дня, мисс Белл?

– Совершенно верно. Но время дежурства не всегда одно и то же. Нас трое. Если кто-то из нас заболевает или по каким-то причинам отсутствует, две другие заменяют отсутствующую.

Я сел на диван рядом с ней и сделал сенсационное открытие, объясняющее ее болезнь. Вокруг нее носился запах отличного рома, который я различил, несмотря на ее духи.

Джим посмотрел в свои записи.

– Вы регистрируете все вызовы по городскому телефону, которые производят ваши постояльцы?

– Да, – подтвердила она.

– Миссис Стен часто вызывала номер 736-46 в Вилледже?

Она погладила себя по шелку, туго обтягивающему ее шикарную грудь.

– Я предпочла бы не говорить об этом.

– Вы знаете, что я полицейский?

– Управляющий сообщил мне об этом.

– И что я возглавляю уголовную бригаду Восточного Манхэттена?

Она посмотрела на меня и вызывающе провела язычком по губам.

– Да.

– Тогда отвечайте на мой вопрос.

Блондинка покачала головой.

– Я предпочла бы не делать этого.

– Почему?

– Скажем, потому, что это меня не касается.

– Миссис Стен часто звонила по этому телефону?

– Я не помню, чтобы говорила это, – возразила она, явно забавляясь.

Джим за всю ночь ни на минуту не сомкнул глаз. И он не выдержал. У каждого есть свой предел терпения. Он резко вскочил со своего места.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Сперва Пат, а под конец мне еще недоставало напасть на такую, как вы. Где вы родились, мисс Белл?

– В Голден, Колорадо.

– А что, в Голдене не принято оказывать содействие полиции, когда она проводит следствие по делу об убийстве?

Глаза мисс Белл стали еще круглее.

– Я действительно ничего не могу вам сказать. В первый раз я оказываюсь замешанной в таком деле.

– Значит, вы отказываетесь отвечать?

– Совершенно верно.

– А вы знаете, что я могу вас задержать, если вы будете упорствовать?

Мисс Белл вновь провела розовым язычком по своим пухленьким губкам.

– В таком случае я отвечу отрицательно. Миссис Стен никогда не звонила по этому телефону.

– Тогда как объяснить, что вы запомнили этот номер?

– Это моя работа и обязанность, – усмехнулась она. – Я ведь еще и телефонистка, вы это знаете? И можете мне верить – я знаю свою работу.

Джим напялил шляпу.

– О'кей. Мы все равно получим счета за разговоры.

Он направился к двери. За ним пошел Монт. Подойдя к двери, Джим обернулся и произнес усталым голосом:

– И не вмешивайся в это дело, Герман. Возьми две недели отпуска, начиная с сегодняшнего дня.

– Ты мне приказываешь?

– Это приказ инспектора Греди. Мне не больше тебя хочется видеть, как осудят Пат, но эта история не должна влиять на наши личные отношения.

Я ответил ему с горькой усмешкой:

– Понятно, это твоя работа. – Я сделал глоток рома. – Но Греди я не прощу. Пат не убивала Кери, и я докажу это.

– Каким образом?

– Я попросил Ника Казараса, чтобы он нашел мне работника Майерса. Если ему это удастся, тем лучше, если нет, я займусь этим сам. По моему мнению, у этого типа ключ ко всей истории. Последнее, что помнит Пат, это то, что она пила кока-колу у прилавка. Только Симон мог подмешать ей туда наркотик. Если он это сделал, значит, она сказала правду. Я заставлю этого типа ответить, даже если для этого потребуется отрезать ему одну ногу или разбить черепушку.

Джим постарался не выдать своего раздражения.

– Хорошенько держи себя в руках, Герман, – многозначительно проронил он. – И во имя нашей дружбы – не вмешивайся. Я сделаю все, что в пределах моих возможностей, чтобы выгородить Пат. Но еще никогда, ни в одном деле, которое я вел, не было таких очевидных доказательств виновности обвиняемого.

Я поинтересовался, что он хочет этим сказать.

– Ты и сам это отлично понимаешь, – ответил он, тихо прикрывая за собой дверь.

Я уселся, все еще держа в руках бутылку рома. Блондинка взяла ее у меня, сделала порядочный глоток и возвратила мне. Я взглянул на нее со стороны. Над верхней губой у нее показались капельки пота. Грудь ее высоко вздымалась при каждом вздохе.

– Что это вас так забирает; – осведомился я.

– Мне это было необходимо.

Посредине ее пеньюара сверху донизу проходила молния. Она начиналась от декольте и кончалась внизу юбки. Она продолжала бурно дышать, и молния понемногу сползала вниз,

что дало мне возможность увидеть линию ее груди. Она не носила бюстгалтера. Под пеньюаром на ней действительно ничего не было, кроме кожи. Глядя на нее, мне вспомнился маленький газетчик, который сказал, глядя на фотографию Пат: «Дали бы мне возможность побыть с этой куколкой».

Мисс Белл была высокая, такая же, как Пат. У нее была красивая, крепкая грудь. Я старался не смотреть на то, что она показывала, но мне это плохо удавалось, и я повторил:

– Что это вас так забирает?

Она вытащила из-за пазухи маленький сверток.

– Я боялась, что мистер Пурвис станет меня обыскивать. Как я поняла, речь идет об убийстве.

– И что же?

Она протянула мне маленький сверток. Пять телефонных счетов, все на имя Германа Стена, на номер телефона квартиры. Возле моего имени – месяц и числа, когда звонили из квартиры. Я пробежал глазами счет, и во рту у меня пересохло. Пат мне лгала. Она утверждала, что не знала Кери. Она клялась, что никогда не слышала его имени, пока не очутилась голой в его постели. А между тем она звонила ему по телефону в Вилледж. Об этом свидетельствовали счета, которые я держал в руках. Она звонила по крайней мере два раза в день в течение последних шести месяцев.

Я смотрел на мисс Белл, не отводя глаз. Она облокотилась о подушки дивана, и верхняя часть ее одежды, по-прежнему открытая, позволяла видеть интересные штучки.

– Что это вас так забирает? – в третий раз спросил я.

Она слизнула капельки пота с верхней губы.

– Вы хотите знать, почему я спрятала это от мистера Пурвиса?

– Да!

Она скрестила пальцы на затылке и отвела локти в стороны, так что ее груди чуть не выскочили наружу.

– Может быть, потому, что вы мне нравитесь. Может быть, потому, что я вас знаю немного больше, чем его. Может быть, я уже давно заметила такого высокого и красивого детектива, который проходит через холл каждый день в течение года. И, может быть, я захотела, чтобы он был только мой, а не той женщины, которая его обманывает, как только он уходит из дома.

Она задышала еще порывистей, чем раньше. Ее грудь волнующе вздымалась при каждом вздохе. Каждый раз, когда она вздыхала, молния сползала еще на один сантиметр. Она была так же красива, как и Пат. Она будет принадлежать мне, если я ее захочу. Она тоже явно хотела меня.

Я проглотил новую порцию выпивки, кажется лишнюю, которая меня почти задушила, и мне пришлось выплюнуть ее на ковер. Все это довело меня до точки. Углы комнаты стали закругляться. Мисс Белл становилась для меня все приятнее и соблазнительнее. Я уже готов был заставить себя признаться, что замечал ее и раньше. Я нашел, что у нее красивые, платиновые волосы. Мне нравились веснушки на ее носу. Это придавало ей невинность и провоцировало меня.

– Как вас зовут?

Она приблизилась ко мне на диване.

– Мира. А почему вы спрашиваете?

Ром оглушительно шумел у меня в ушах. Я стал баловаться ее молнией – то поднимая ее вверх, то опуская вниз до опасной черты.

– А кто знает? Может быть, я в восторге, что познакомился с вами, мисс Белл.

Она выдала такой сокрушительный вздох, который заставил молнию опуститься до самого живота. Я обалдело уставился на представившееся мне зрелище.

– Я счастлива, мистер Стен, – пролепетала она.

Сейчас я сидел довольно неустойчиво. Она толкнула меня на диван, взяла мое лицо обеими руками и попыталась своим пылающим язычком раскрыть мои губы.

– Герман! – возбужденно простонала она. – Герман!

Несмотря на то что я был совершенно пьян, мне все же стало немного стыдно. Я хотел эту женщину так же сильно, как хотела она меня. Но не ее я желаю. Это все Пат. Она так похожа на Пат... И я очень хочу, чтобы все между нами было так же, как до того момента, когда я вошел в квартиру на Гров-стрит. До того, как все это случилось. Я хотел верить Пат. Из последних сил я попытался оттолкнуть Миру. Но она стала еще более энергичной. Я соскользнул на край дивана, и мы свалились на пол с глухим шумом. Она оказалась наверху, придавив меня своими прелестями.

– Возьми меня... – прошептала она. – О, я умоляю тебя...

Ее пальцы вцепились мне в волосы. Другой рукой она спустила молнию до конца. Затем немного приподнялась, и ее тело освободилось от шелка. Пеньюар с легким шумом упал рядом.

Я старался освободиться, но у меня ничего не получалось. Ее надушенное полыхающее тело душило меня. Я задыхался под бурным натиском ее страсти. Потом в моей голове вспыхнуло то, что сказал мне инспектор Греди на ступеньках комиссариата:

«Я знаю, дорогой, как это тяжело. И как глубоко ранит даже сама мысль о том, что женщина способна на такое. Она не стоит того, чтобы так за нее переживать. Хорошенько наклюкайся и утешься с какой-нибудь курочкой».

А потом? Что потом? Почему бы и нет?

Я поцеловал Миру с такой же страстью, как она целовала меня. Это спровоцировало определенную реакцию. Вкус крови покинул мой рот. Я больше ничего не ощущал, только вкус соли.

Глава 7

Сейчас три часа дня. Занятия в школе кончились, и малыши громко орали, звонили звонками своих велосипедов или играли в другие игры. Некоторые играли во взрослых.

Я немного отрезвел, и у меня ничего не болело. Только голова как будто не своя, но, в основном, я в полной форме. На столике сиротливо стояла бутылка рома, и я сделал небольшой глоток, чтобы немного прийти в себя. Затем я выпрямился и взглянул в окно. Пожалуй, сейчас ближе к четырем, чем к трем. Об этом можно судить по цвету залива и по высоте солнца.

Итак, я полностью последовал совету инспектора Греди. Я напился до чертиков, чтобы не сказать больше, и выполнил второе условие. С Мирой. А что будет потом? Тишина, царившая в комнате, действовала на меня неприятно. Я совсем один. Никого, чтобы снова меня утешить. Никого, кто подал бы мне стакан томатного сока. Это то, что всегда делала Пат раз в году после полицейского бала.

Я стал шарить по всем углам, пока не обнаружил маленький чемоданчик, приготовленный для нее. Как только моя башка придет в порядок, я позвоню в комиссариат, чтобы передать ей белье и другие мелочи.

Я повернул голову и посмотрел на вторую половину кровати, половину Пат, принадлежавшую ей вот уже десять лет. Мира убежала, но подушка еще сохраняла отпечаток ее головы, на ней осталось несколько длинных светлых волос. Я стал накручивать их на палец. Она очень помогла мне – вывела меня из того невменяемого состояния, в котором я пребывал. Я почувствовал себя освеженным и обновленным. Буду надеяться, что она не очень рассчитывает на продолжение этой приятной жгучей интермедии. Я стал рассматривать волосы, накрученные на палец. Итак, это был очень приятный момент. Один раз – и точка. Она меня хотела, и она меня получила. Мы квиты.

Я вообразил себе, что чувствую запах кофе. Напялив халат и шлепанцы на босые ноги, я отправился на кухню. Это не было воображением. В этот момент Мира манипулировала электрокофеваркой. Одета, она показалась мне какой-то чужой. Это уже совсем не та особа, с которой я познакомился сегодня утром. Это была другая Мира. Ее светлые волосы были зачесаны назад и образовали на затылке Джомолунгму. Пятна веснушек сейчас особенно выделялись на ее лице. На ней была надета темная юбка и скромная белая блузка. В общем, вид настоящей служительницы.

– Я полагала, что вы будете спокойно спать до полуночи, – удивилась она, увидев меня.

– Разве я столько выпил?

– О, очень много. – Она провела язычком по губам. – Но я думаю не об этом.

– Я – Большой Герман.

Шутка не получилась. Никто не рассмеялся – ни она, ни я. Она налила мне чашку кофе.

– Но на случай, если вы проснетесь, я остановилась перед вашей квартирой, когда спускалась в дежурку, и решила приготовить вам кофе.

Я нашел кофе хорошим, выпил чашку и подвинул ее Мире, чтобы она налила еще. Пока она делала это, ее бедро терлось о мое. Воспоминание о ее страстной натуре произвело определенное воздействие, и я поинтересовался, нужно ли ей идти на работу.

Она села напротив меня.

– К сожалению, и к несчастью, да. Мабель работала за меня с восьми до четырех, и я не могу заставить ее оставаться еще на одну смену.

Мне показалось, что я слышу Пат.

– Как ты себя чувствуешь, Герман?

– Отлично.

Мира внимательно посмотрела на меня и заметила:

– Но вид у тебя совсем не жизнерадостный.

Она протянула под столом руку и погладила мне низ живота.

– Вот что я тебе скажу: допивай свой кофе, а потом благоразумно возвращайся в постель.

Мысль совсем неплохая. Когда я проснулся, то чувствовал себя свежим и полным сил, но сейчас, после кофе, не знаю почему, я пришел в состояние подавленности и почувствовал себя плохо. Или, может, это от того, что, проснувшись, я выпил глоток вина?

– Возможно, я последую вашему совету. И...

– И скоро, когда наступит полночь, маленькая Мира вернется, – дополнила она, сморщив свой носик.

– Настоящая маленькая Сендрильона, так?

– Почти что так. Но теперь мне надо торопиться, дорогой. – Она погладила мою руку. Потом обошла вокруг стола, чтобы поцеловать меня.

– По крайней мере, если ты... будешь нетерпеливым, то я могу и забежать на несколько минут.

Я похлопал ее по ближайшей припухлости.

– Надеюсь, что выдержу до полуночи.

Она нежно поцеловала меня и шепнула:

– Жди меня...

Я смотрел ей вслед. Она была отнюдь не худенькая. У нее округлые ляжки, которыми она весьма соблазнительно подрагивает при ходьбе. Почти как Пат. Я налил себе еще чашку кофе, но тут меня вырвало первыми двумя. Склонившись над раковиной, я содрогался всем телом, потом смыл все водой. Кофе мне больше не хотелось. И думать сейчас мне тоже не хотелось. Все, что мне хотелось, это сократить до минимума всякое воспоминание о Пат. В шкафу на кухне стояла бутылка отличного виски, приберегаемого мною для особого случая. Ну вот! Вот и необычный случай! Это должно пойти лучше, чем кофе.

В спальню я возвратился в обнимку с бутылкой. Я не слишком гордился Германом Стеном. Ладно, Пат меня обманула, но две ошибки не составят одну правду. А теперь у меня на руках эта обжигающая девочка Мира.

Я уселся на край кровати и принялся наблюдать за заливом. Да, она хочет продолжения. А что потом?

Мы поклялись с Пат на радость и на горе, на всю жизнь. Я встал и подошел к комоду, чтобы посмотреть, там ли мой запасной револьвер. Может быть, я все же сумею что-нибудь сделать для Пат. Во всяком случае, я могу попробовать разузнать что-нибудь у Хоплона. Мой револьвер лежал под рубашками. Я вытащил его оттуда и положил рядом с бутылкой на комод, потом стал искать чистое белье. Там его не оказалось. Я полез в ящик, в котором Пат хранила свои вещи. В самом низу оказалась маленькая книжечка, на которой красовалась

надпись: «Пять лет интимного журнала».

Раньше ящик был заперт на ключ. Я видел, как Пат туда что-то записывала, но никогда не обращал на это внимания. Возможно, что я узнаю сейчас немало интересного. Я просунул палец под обложку и открыл ее.

На первой странице стояла дата: 1 января 1960 года. Пат писала:

«Вчера вечером смотрели „Пасифик Сюд“. Хорошая пьеса. Потом ужинали в „Пороке“. Герман хотел повести меня в одну ночную коробку, но я отказалась. Тогда мы вернулись домой и легли спать. Моя любовь!.. Прошло около пяти часов, пока мы заснули. Это был один из прекраснейших дней в году за время моего существования».

Я довольно засмеялся, но смех застрял в моей глотке. Таковы мы тогда были. К этому моменту мы были женаты уже два года. Нет, все у меня перепуталось в извилинах. Восемь лет... С той поры прошло два года.

Я перелистывал страницы дальше, до записей пятимесячной давности. И ни разу нигде не упоминается имя Кери. Всегда «ее любовь» был я.

Я продолжал перелистывать страницы дневника. Все остальное в том же духе. Мелочи, заполняющие жизнь женщины. Но нигде нет даже намек на Кери, и нет никаких белых пятен в описании ее времяпровождения. И так все дни.

Закрыв дневник, я посмотрел на залив, который стал теперь слегка пурпурным. Тут не было притворства. Пат не настолько хитра. По своим умственным данным она скорее посредственна.

Холодный пот пробежал у меня по спине. И это женщина, которую обвиняют в том, что она играла с Лилом Кери? Но когда же? Нет, никто не заставит меня это проглотить! И даже доказательства, подтверждающие ее вину. Действительно, я видел Пат совершенно голую и совершенно пьяную у Кери на квартире. Своими собственными глазами... Но все говорит за то, что она является жертвой какой-то комбинации. Кому-то понадобилось «открыть» мне глаза. Без сомнения, в Нью-Йорке существует рыжая девушка, которая по каким-то особым причинам последние пять месяцев выдает себя за Пат. Я унес с собой дневник в гостиную и снял трубку.

– Дежурная слушает, – раздался голос Миры.

– Ты можешь разговаривать? – спросил я.

Она прижала губы к трубке.

– Не очень свободно. А что случилось, дорогой?

– Послушай, Мира, я насчет телефонных разговоров, которые Пат заказывала с Вилледжем. Ты действительно слышала, как она разговаривала с Кери?

Вне всякого сомнения, где-то поблизости от нее находился мистер Халпер. Голос ее стал очень сухим и официальным.

– Телефонистки никогда не подслушивают разговоров, мистер Стен. Это вызвало бы немедленное увольнение.

Я повесил трубку. Эти разговоры, должно быть, велись тогда, когда Пат не было дома. Но кем? Вены на моих руках стали пульсировать и вздулись. Или все эти телефонные вызовы были женским изобретением Миры Белл? Чтобы иметь возможность спрятать их от Джима

Пурвиса. Чтобы я был ей особенно благодарен. Чтобы достигнуть того, чего жаждала ее женская натура. Ибо этого, по ее собственному признанию, она дожидалась целый год.

Я снова снял трубку и назвал ей номер Ника Казараса. Телефон не соединился довольно долго, и я снова услышал Миру. По всей вероятности, Халпер уже ушел оттуда. Ее голос стал теплым и нежным:

– Твой номер не отвечает, дорогой!

Сперва я собирался попросить ее соединить меня с комиссариатом, но затем решил прикинуться простачком. Голос Миры ласкал мой слух.

– Иди, дорогой, и ложись спать, слышишь? И согрей для меня местечко возле себя...

Я повесил трубку, принял душ и получше оделся. Физиономия у меня была не слишком распухшая, и чувствовал я себя прекрасно. Уложив свой запасной револьвер в кобуру, я засунул дневник Пат в карман. Потом надел шляпу и взял чемоданчик, который приготовил для Пат. Заперев квартиру, я вызвал лифт. Мира видела, как я проходил через холл. Она приподнялась на своем стульчике, как будто собиралась окликнуть меня, но не посмела этого сделать. Ей нужно было думать о своей работе, а мистер Халпер находился поблизости. Он весьма удивился, увидев меня.

– Я глубоко опечален, – произнес он проникновенным голосом.

– Ах, да. Я тоже.

Мне захотелось побыстрее отделаться от него.

Быстрыми шагами я направился к машине, которую оставил на углу. Заведение Майерса находилось как раз напротив, и я прошел туда. У стойки стоял новый парень: во всяком случае, я никогда до сего момента тут его не видел. Майерс обслуживал клиентов. Я подождал, пока он закончит, и поинтересовался у него, вернулся ли Симон на работу.

– Полиция, полиция, вопросы, вопросы... А ведь нужно зарабатывать на жизнь, разве не так?
– Майерс говорил все это по моему адресу. – Нет, он не вернулся. И потому мне пришлось самому заняться обслуживанием клиентов, пока я не нашел ему замену. И к тому же еще я провел больше часа в полиции – рассказывал им то, что я знал об этом Симоне: где он живет и кто его рекомендовал. Как я могу все это знать? Честно говоря, я уж лучше сам мог бы постоять за прилавком. Я очень мало зарабатываю, а мне надо еще платить жалованье служащему, и так все доходы сводятся к нулю. И сколько, как вы думаете, я получаю прибыли от одной чашки кофе?

Высказав это, Майерс сильно ударил кулаком по прилавку. Он продолжал свои причитания, и я направился к выходу и сел в машину. Воспользовавшись зеленым светом светофора, я тронулся с места. Вид обведенных в рамочку букв на газетном стенде заставил меня задохнуться.

«Таинственное убийство детектива на Таймс-сквер»

Я оттолкнул кого-то, чтобы прочесть, что там написано. Заметка была помещена в последнюю минуту. Там кратко говорилось, что детектив Ник Казарас, прикрепленный к комиссариату на 47-й улице, закончив свою смену, не явился с рапортом. Случай был исключительный, ему позвонили домой. Его жена, также обеспокоенная его отсутствием, ничего о нем не знала. Однако, незадолго до того, как газета была сверстана, выяснилось следующее. Режиссер одного из театров этого района, открыв склад аксессуаров, обнаружил детектива Казараса лежащим поперек сундука с театральными костюмами. Он был мертв.

Неожиданно я услышал, что ко мне обращается газетчик:

– Послушайте, мистер, если хотите, купите газету или дайте дорогу тем, кто хочет купить. Читать можно и в библиотеке.

Я сунул руку в карман, но потом вспомнил, что истратил последнюю монету, чтобы приобрести утреннюю газету. Пришлось отойти в сторону. Подробности можно узнать в комиссариате. Я подошел к машине и собрался было открыть дверцу, как на меня вновь напала тошнота. Уже второй раз за этот час.

«Ты не окажешь мне услугу, Ник?» – спросил я. – «С удовольствием, Герман».

И теперь Ник мертв. Может быть, он умер потому, что, пока я забавлялся с прекрасной блондинкой и доказывал ей, какой я замечательный парень, Ник попробовал наложить руку на негодяя по имени Карл Симон. Прохвоста, который подал Пат тот роковой напиток, последнее, что она запомнила перед тем, как потерять сознание.

Глава 8

Смена нарядов происходит в четыре часа, но никто не ушел домой. Тротуар возле комиссариата на 47-й улице чернел от фликов. И это понятно... Убийства случаются каждый день, но сегодня случай особый. Сегодня уложили одного из наших. Парни расступились, чтобы дать мне пройти. У меня приличная репутация, когда я не делаю глупостей. Я, Герман Стен, известный тип, постоянно имеющий дело со всякими мошенниками. Парень, вылавливающий убийц с помощью черной магии.

– Герман, как ты думаешь, кто мог убить Ника Казараса?

В дежурке находился лейтенант Фьячетти. Я поинтересовался, здесь ли еще наряд.

– Нет, полагаю он направился в Центральный комиссариат.

– Они обнаружили что-нибудь?

Лейтенант старался казаться спокойным, но его выдал дрогнувший голос.

– По-моему, Герман, ничего.

Я прошел в зал, где сидели дежурные, и разыскал Петерсона, друга Казараса. Это был высокий швед с короткими волосами. Отличный парень. Я сел рядом с ним и спросил:

– Свен, а чем вы обычно занимались?

Мой вопрос оторвал его от рапортов, которые он перелистывал без всякого интереса.

– Ничего, ни единой зацепки, за которую можно было бы ухватиться. Ничего кроме кучи свидетелей, которые ничего не хотят говорить. Никто ничего не слышал. Никто ничего не видел. Никто не знал, что Ник мертв уже несколько часов.

Я протянул ему сигарету.

– Расскажи, как прошел день.

Он затянулся сигаретой и вздохнул.

– Я зашел на минутку в отель «Астор» по делам. Когда я оттуда вышел, Ник сказал мне, что только что прошел ты и попросил его разыскать парня по имени Карл Симон, который проживает где-то в этом квартале. Единственный, кто соответствовал его приметам, по нашему мнению, был Джо Симон, один негодяй, которого мы зацепили в отеле на 42-й улице шесть месяцев назад.

– Это, вероятно, и есть тот самый тип, которого я разыскиваю, этот Джо. Что он теперь делает и сколько получил тогда?

Петерсон закурил другую сигарету от своего окурка.

– Он получил бы от двух до десяти. Но его выпустили под залог в пять тысяч долларов, и он исчез. У нас оставалось еще полчаса, и мы решили, что обойдем все отели, какие только успеем. Ник взял одну сторону улицы, я – другую, но ничего не обнаружил. Когда я вернулся в комиссариат, чтобы написать рапорт, Ника все еще не было. Но тогда это меня еще не взволновало.

– Почему?

– Потому что Ник рассказал мне, что ты оказал ему не знаю уж сколько услуг, и если он к концу дежурства ничего не обнаружит, то позвонит в комиссариат и один продолжит поиски. Этот Симон, которого ты разыскиваешь, имеет какое-нибудь отношение к неприятностям твоей жены?

– Да.

Петерсон пожевал сигарету, которую только что закурил.

– Во всяком случае, я ничего не знал, пока три часа назад не позвонил лейтенант Фьячетти и сообщил мне, что за кулисами театра на 45-й улице обнаружен труп Ника.

Я попытался уточнить некоторые детали.

– А с какой улицы вы начали обход?

– С 45-й.

– Дверь театра остается открытой всю ночь?

– Сторож клянется всеми святыми, что нет.

– Держу пари, что сторож уже старик.

– Совершенно верно.

– Значит, Ник был мертв уже несколько часов?

– Врач утверждает, что приблизительно часов семь.

– Другими словами, он позволил укокошить себя сразу же после того, как вы расстались.

– Похоже на это.

– А каким образом его прикончили?

– Пуля в затылок.

Я встал.

– Ну что ж, спасибо.

Петерсон принялся рассказывать по комнате, теребя пальцы и время от времени ударяя кулаком одной руки по ладони другой. В этом не было ничего театрального и наигранного. Он просто не мог спокойно сидеть, не мог примириться с гибелью друга.

– Негодяй, негодяй! О Господи, сделай так, чтобы он попал в мои лапы!

– Может, это простое совпадение, но Ника уколошили как раз после того, как я попросил его найти Симона. Вероятно, он спугнул вора, выходящего из театра. И все-таки трудно объяснить это все простым совпадением. Гораздо вероятнее, что за нами следили, что за мной следовали от Сент-стрит до Таймс-сквер. Если в деле замешан Симон, он не сомневается, что его будут разыскивать. Он является ключевой фигурой в деле Пат.

«И я в ожидании сигарет пила кока-колу у прилавка».

Я осведомился у Петерсона, нет ли у него фотографии Симона.

Он покачал головой.

– Нет. Мне она была не нужна, я знаю этого типа. Но Пурвис послал в архив за фотографией.

Я не шел, а плелся. Сейчас я не нашел ничего лучшего, как расположиться у телетайпов в ожидании поступления новостей. По мере поступления информации можно будет наблюдать за охотой на этого типа. Мне незачем терять время, шатаюсь по театрам. К тому же я хотел повидать Джима. Убийство Ника и дневник Пат должны убедить его в моей правоте, он должен будет поверить мне. Наконец, я все же решил идти, но на пороге меня остановил лейтенант Фьячетти.

– Герман, ни одна муха не сможет уйти из Манхэттена.

Я поверил ему на слово, сел в машину и поехал к тюрьме. По дороге я остановился у цветочного магазина Крамера, где у меня открыт счет, и купил для Пат большой букет цветов.

Охранница поинтересовалась, не хочу ли я видеть Пат. Ну нет, после того что у меня было с Мирой! Но тут мне в голову пришла одна мысль, и я снял шляпу.

– Если это возможно.

Она проводила меня в комнату для свиданий и оставила одного. Я вытер лицо, надеясь, что история с Мирой не отразилась на нем. До чего мужчина может быть кретином! Я вел себя, как старый распутник с первой попавшейся шлюхой. Она появилась, прекрасная блондинка, и вот он, неприкрытый секс...

Пат все еще была одета в свое платье, что означало, что она не находилась на общем положении. Ей было страшно, но вид у нее все же был немного отдохнувший. Я никогда как-то полностью не осознавал, насколько она прекрасна. Большинство рыжих женщин испытывают много неприятностей из-за цвета волос. Но не она. У нее кожа, как у камелии: шелковистая и гладкая. Ее единственный дефект – маленькая родинка, на которую Свенсоны обратили свое внимание.

Охранница старалась держаться как можно незаметнее. Она подошла к столу, прошла мимо него к окну, села на подоконник и отвернулась.

Я обнял Пат. Очень осторожно, как хрупкий бокал.

– Как дела, малышка?

Она обняла меня и прижалась, как ребенок к матери.

– Я боюсь, Герман. Очень тебя прошу, уведи меня отсюда.

Она подняла на меня влажные глаза и, пристально глядя на меня, спросила:

– Ты по-прежнему веришь мне, несмотря на то, что газеты написали про меня такие ужасные вещи?

– Я верил тебе всегда.

– Я счастлива, Герман, – прошептала она, – я счастлива.

У нее был ротик маленькой девочки, нежный и мягкий. Но мне не нужно было наклоняться, чтобы поцеловать его. Совсем как с Мирой. Пат красивая девушка. Мысли понемногу продолжали свою работу, бегая по извилинам. Сложены они очень похоже. Если бы не цвет волос и веснушки на лице у Миры, можно было бы подумать, что они сестры.

– Ты знаешь Миру Белл? – спросил я Пат.

– Нет, – коротко ответила она, и ее волосы нежно коснулись моей щеки, когда она отрицательно качнула головой.

– Она дежурит внизу у телефона. Блондинка...

– Ах да, вспомнила. Очаровательная девушка.

– Ты когда-нибудь с ней разговаривала?

– Никогда.

– И она никогда не поднималась к нам?

– Во всяком случае, я этого не знаю. Герман, а почему ты это спрашиваешь?

Я не оставил ее вопрос без ответа.

– Это как раз то, что я хотел выяснить.

Я рассказал ей, насколько возможно, эту историю.

– Джим пытался достать счета телефонных разговоров из нашей квартиры, а она отказалась дать их ему. А судя по этим счетам, из нашей квартиры по крайней мере два раза в день вызывался Вилледж 736-46.

– Это номер телефона Кери?

– Да.

– Я не вызывала его, Герман. Поверь мне. И никогда раньше я не видела этого человека, до того момента, как очнулась у него на квартире.

– Скажи мне еще кое-что. Ты помнишь, у тебя было платье из бледно-зеленого шелка?

– Да.

– Куда оно делось?

Она стала тереть лоб, пытаясь вспомнить.

– Я не могу этого вспомнить, Герман. Я слишком боюсь и волнуюсь.

Я нежно взял ее за руку.

– Ты должна немного напрячься. Ну подумай. – Я встряхнул ее. – Вспомни!

– Я его отдала. Да, теперь я вспомнила. Кто-то позвонил ко мне и сказал, что они собирают вещи для Армии Спасения. И я отдала это платье и еще некоторые вещи, которые почти не носила.

– Это был мужчина или женщина?

– Женщина. Да, точно, это была женщина.

– Мисс Белл?

– Молодая девушка, телефонистка?

– Да.

– Нет, я совершенно уверена, что это была не она. Теперь я все вспомнила. Это была очень приятная старая дама с седыми волосами. Кроме этого, я дала немного всякого белья, чулки и старое манто из верблюжьей шерсти. Потому что было тепло, и оно просто висело в шкафу.

Пат пыталась не плакать, но ей это плохо удавалось.

– Я... мне тут не нравится, Герман. Я стараюсь храбриться, но я безумно боюсь.

Я ударил ее по щеке. Очень легко. Это была скорее ласка, чем удар.

– Не надо бояться. А после ты не видела эту старую даму?

– Нет.

Она не сообщила ничего нового, кроме еще одной вещи.

– Этот негодяй Симон, тот тип, который работал у Майерса, ничего такого тебе не предлагал?

– О, ничего определенного.

– То есть?

Пат покраснела.

– Ну, приблизительно неделю назад он мне сказал, что я очень красивая женщина и что, если это меня заинтересует, он сможет устраивать мне время от времени заработок в сто долларов и даже больше.

– И что ты ему ответила?

– Ровно ничего. Я влепила пощечину в его грязную рожу.

– Почему ты мне ничего не рассказала?

– Я боялась, что ты изуродуешь его.

Я стал раздумывать над создавшейся ситуацией. Не оставалось никаких сомнений, что это действительно был Джо Симон: он работал подавальщиком, пока не истек срок его наказания, и продолжал свои грязные делишки, снабжая определенных типов по определенному соглашению дорогими лакомыми кусочками.

– А тебе удалось что-нибудь выяснить?

– Думаю, что да.

Охранница покинула свое место на подоконнике и бросила на меня выразительный взгляд. Я понял намек и, взяв со стола букет цветов, преподнес его Пат.

Она спрятала лицо в цветах и улыбнулась мне сквозь слезы.

– Ты меня все еще любишь, дорогой?

Редко я чувствовал себя так скверно, как сейчас. Я поцеловал ее в нос.

– Моя дорогая, я не смог бы любить тебя еще больше, если бы даже и захотел, вот только если бы у тебя была сестра-близнец.

Я попрощался с ней и быстро смотался. По заключению медэкспертизы Пат имела половые сношения и, вероятно, не один раз. Но она, по крайней мере, находилась тогда без сознания. Но ведь я-то...

Выйдя из комнаты, я стал звонить в разные места в надежде разыскать Джима. Наряд уже прибыл на центральную улицу. Он ответил мне с той же интонацией, с которой мне говорила это блондинка.

– Я надеялся, что ты будешь спокойно сидеть до полуночи.

Я попросил его, чтобы он никуда не уходил, и быстро рванул на Сент-стрит. Там было, как и всегда, отвратительно. Старый Хансон по-прежнему сидел на своем месте. Он был уже в курсе дела.

– Это ужасно, Герман, то, что сделала твоя жена. У меня тоже была жена, которая меня обманывала. Но это было много лет тому назад.

– И что же ты сделал?

– Я развелся. Но, уверяю тебя, что не раз жалел об этом, возвращаясь в пустую квартиру. Если бы ты знал, какую ношу я взвалил на свои плечи!

Я шел вслед за ним, почти не слушая его, до кабинета инспектора Греди. Среди других там был и комиссар Рейхарт. Восточный и Западный Манхэттен находился под его наблюдением, а операцией распоряжается Греди.

– Значит, миссис Стен входит в число ваших друзей? Для полиции она всего лишь подозреваемая, как и другие. Оставьте в покое эту историю. Немедленно подключайтесь и форсируйте поимку убийцы детектива. Мне нужен мерзавец, который убил Казараса. Понятно, капитан?

– Да, – четко ответил Джим.

Он был достаточно вежлив, но не слишком соблюдал субординацию. Он мог позволить себе такую роскошь. Ведь он капитан уголовной полиции, и все же достаточно Греди поднять мизинец, чтобы его убрали из уголовной полиции и понизили до лейтенанта. Для нас,

остальных, все гораздо сложнее. Мы только простые детективы первого класса. Одним жестом нас могут отправить на улицы города. И прощай мое жалование лейтенанта, дающее мне свыше пяти тысяч в год.

Греди уселся за стол и уставился на Джима.

– Итак, почему вы прицепились к делу Стена?

Джим стал защищать свои позиции.

– Потому что я считаю, что оба дела связаны между собой.

– Черт возьми, – проворчал Греди.

Тут он заметил меня и стал расстегивать ворот рубашки.

– Что это ты тут высматриваешь, Герман? Мне кажется, я сказал тебе, чтобы ты взял отпуск на две недели.

– Да, сэр, действительно. Я только что вошел сэр.

Комиссар Рейхарт подошел поближе, скрестив руки на толстом животе.

– Вы ведете себя нескромно.

– Нет, сэр. Но моя жена не убивала Кери, понимаете? И как уже сказал капитан Пурвис, я тоже думаю, что убийство Казараса и дело Кери связаны между собой.

– Почему? – резко спросил Греди.

– Потому что Ник Казарас был фликом. Через четверть часа после того, как я попросил его найти Симона, того прохвоста, который работал подавальщиком в закусочной Майерса, кто-то застрелил его, выпустив ему пулю в затылок.

– А по моему мнению, тут совсем другое, – возразил Греди. – Вы снова вернулись к этому проклятому кока-кола. Послушай, Герман, ведь я уже говорил тебе, что собственными глазами видел твою жену вместе с Кери.

Я попытался, как можно вежливее, уличить его во лжи.

– Вы считаете, что видели Пат, сэр. Но это была другая женщина, загримированная под Пат.

– Кто же она?

– Этого я не знаю.

– А для чего она это делала?

– Этого я тоже не знаю.

И прежде чем старик успел мне возразить, я достал из кармана дневник Пат и положил его перед ним на стол.

– Вот еще одно доказательство. Я обнаружил дневник Пат сегодня после полудня, и в нем нет даже намека на имя Кери.

Греди принялся перелистывать дневник, изредка кидая взгляд по сторонам. Когда он снова заговорил, голос его заметно помягчел:

– Итак, ты утверждаешь, что это доказательство того, что Пат не убивала?

– Да, сэр.

Греди закрыл дневник и положил его в ящик стола.

– Весьма ценный документ. Прокурору будет интересно познакомиться с ним. Но это доказывает лишь одно: миссис Стен действительно очень ловкая женщина. Она знала, чем рискует, ведя себя так, как вела, и заранее решила обеспечить себе алиби. Весьма вероятно также, что дневник чрезвычайно заинтересует и помощника прокурора. Эти записи лишь подтвердят его предположение, что Пат решила убить Кери уже давно и только выжидала подходящий момент.

Я не думал о такой возможности и громко возмутился:

– Это ложь с самого начала до конца... – и добавил немного запоздало: – ...сэр... К тому же я знаю, какие образом пеньюар Пат и другие ее вещи оказались в квартире Кери.

– Я слушаю тебя очень внимательно. Расскажи-ка мне об этом.

– К ней приходила старая дама под предлогом сбора вещей для Армии Спасения, и Пат отдала ей то, что уже не носила.

– Откуда ты это узнал? И когда?

– Несколько минут назад.

– И кто тебе это сказал?

– Пат.

– Она сама тебе это сказала?

– Да.

Греди принялся считать вслух:

– Один, два... – и таким образом до десяти. Затем он выпрямился за своим столом с угрожающим видом.

– Слушай меня хорошенько, Герман. В течение последних пяти лет не проводилось никаких пожертвований и сборов в пользу Армии Спасения. Эту женщину опознали, она часто появлялась у Кери. Видели, как она поднималась по лестнице. Совершенно трезвая и понимающая, что она делает. Агенты Жиль и Мак обнаружили ее за запертой дверью голой и совершенно пьяной. Медэкспертиза установила, что у нее были половые сношения с мужчиной и, может быть, даже не один раз. Итак, не морочь мне больше голову. Нам надо заниматься убийством Казараса. Немного благоразумия! Ты ведь не мальчик!

Я засунул руки в карманы как раз вовремя – чтобы сдержаться и не вцепиться ему в глотку.

Греди продолжал немного спокойнее:

– Я очень огорчен за тебя, мой мальчик, и отлично понимаю, каково тебе. Но не заставляй меня принимать меры, о которых я первый потом пожалею. Ты хорошо делаешь свое дело, и я считаю тебя отличным парнем. Тебе выпала крупная неудача – ты попал в отвратительное положение. И я прошу тебя, отойди от всего на две недели. Постарайся встать на ноги с помощью своей телефонистки, столь темпераментной, и если ей нравится делать это под ритмическую музыку, включи радио.

Я почувствовал, как мне сдавило горло.

– Откуда вы знаете про Миру?

И тут же я все понял сам. Когда речь идет о работе, ничего святого не существует. Пока Джим разговаривал со мной в комнате, отвлекая мое внимание, Монт и Корк установили микрофон. Им нужно было знать все, что говорила и делала Мира, а также мы с ней вдвоем. Парни просто желали убедиться, что я ничего от них не скрываю.

Не вынимая рук из карманов, я обратился к Джиму:

– А эти соединения с Вилледж 736-46?

Он сразу понял, что я хотел сказать.

– Да, это меня и интересовало. Кстати, я разговаривал и с другой телефонисткой.

У меня возникло впечатление, что он решил добить меня.

– Когда я пришел, мне показалось, что ты стал на сторону Пат.

Джим отрицательно покачал головой.

– Не совсем так, Герман. Как я уже сказал тебе сегодня утром, это дело выходит за рамки личного. Я просто предполагал, что оба убийства как-то связаны между собой.

Я повернулся и направился к выходу.

– Ты куда, Герман? К себе? – осведомился Греди.

Я застыл перед ним, как статуя.

– Нет, я отправляюсь на поиски Джо Симона. И чего бы мне это ни стоило, я заставлю его признаться, что его наняли для того, чтобы он усыпил Пат и доставил ее к Кери, заставлю, даже если для этого мне придется вышибить у него мозги.

В ответ Греди заметил, что это как раз то случай, о котором он первый пожалеет, и добавил:

– Верните мне вашу бляху, Стен. Начиная с этой секунды вы понижены в должности.

Рейхарт прочистил горло.

– Это приказ, Стен.

Греди нетерпеливо постучал по столу:

– Вашу бляху, Стен, вашу бляху.

Что я мог ему сказать? Что я позволил двум гангстерам забрать ее в подворотне на Гров-стрит? Я повернулся и быстро вышел из кабинета.

Старый Хансон спустил меня на нижний этаж. Когда лифт остановился, я спросил у него:

– Инспектор Греди когда-нибудь был женат?

Он утвердительно кивнул головой.

– На маленькой рыжей ирландке. И, мне кажется, у него даже были две девочки, но это было так давно...

– А что с ней произошло?

Хансон слегка присвистнул.

– Конечно, я знаю только то, что слышал от других, и по тому, что об этом писали газеты. Я отлично помню эту историю, она напоминает мне мою. Однажды вечером Греди вернулся домой раньше обычного. И если бы он дал волю своей ярости, то в настоящий момент сидел бы в тюрьме, а не в инспекторском кресле.

Я вышел из здания и посмотрел на звездное ночное небо. Мне необходимо иметь веру. И у меня она есть! Я должен верить в свою любовь так же слепо, как я верю в Бога.

Просто инспектор Греди и Хансон вытащили несчастливые номера в этой быстротекущей жизни. К тому же это происходит каждый вечер в больших отелях и в маленьких, в трущобах и в роскошных виллах, в парках и садах, в машинах и под машинами, в канавах и на пригорках, в подъездах и на крышах, на чердаках и в подвалах.

Но существуют миллионы чистых и порядочных женщин, не занимающихся этим ни с кем, кроме законных мужей. И Пат одна из них... Она честная и красивая. Она нежная и верная...

И я докажу это всем неверующим во что бы то ни стало, или пусть я сдохну!

Глава 9

В моей машине был приемник. Я включил его, настроил на полицейскую волну и стал слушать позывные полиции. Передачи перекрещивались: их слышали всюду – от Манхэттена до Бруклина. «Машина 44, отправляйтесь обратно по такому-то заданию. Капитан такой-то и такой-то, обратитесь в центральный комиссариат».

Машины с рациями пролетали по узким улочкам, завывая, как разъяренные коты. Аэропорты, автострады, мосты – все взято под контроль. Флики в гражданском и в униформе находятся на вокзалах железных дорог, на стоянках автобусов, на станциях метро, во всех важных пунктах, от востока до запада, прочесывая все на своем пути и сдавая эстафету другим после окончания смены.

Камеры предварительного заключения во всех участках переполнены всевозможными негодяями, продажными девицами, гомосеками, бродягами, блудницами, разыскиваемыми полицией, мелкими гангстерами, сводниками, наркоманами, – в общем, теми, кто мог бы дать хоть какие-то сведения об убийстве Ника Казараса.

На кончике каждого волоска на моих руках висело по капле пота. Вполне может быть, что это Джо Симон убрал Ника, а может, и не он. Но как бы там ни было, парни наложат на него лапу. Это не обычная война между гангстерами и полицией. Человек, убивший Ника, сделал это по личным причинам. И начиная с самого маленького чина в полиции до самого большого у всех в головах сидела одна мысль: «Надеюсь, что провидение поможет мне поймать этого убийцу».

По дороге я остановился возле антропометрического бюро, чтобы получить фотографию Джо Симона. Вероятно, это моя последняя возможность получить что-нибудь официальным путем: о моей отставке пока еще не было известно. Большой Герман больше не флик. По всей вероятности, меня вообще выкинут из полиции. Нарушение субординации может завести далеко.

Я остановился напротив бара Эдди Гюнеса и стал рассматривать фотографию Джо. Мне очень хотелось показать ее Пат, а заодно и Майерсу, но я очень торопился. Я непременно хотел найти Джо до того, как на него наложит лапу Джим. Инспектор Греди был уверен, что Джим способен на это. Джим тоже... Но им его не поймать, хотя, может быть, они и правы – вполне возможно, что обе истории составляют одну.

А Джо – пока в своем ремесле. Если его схватят, он постарается выкрутиться. И его адвокаты поработают для него. Но если Джиму все-таки удастся поймать Джо, он сможет довести его до стула.

Терять мне было нечего. Я пересек улицу и вошел к Гюнесу. Было еще рано, но бар был полон. Очень молодая красивая брюнетка изо всех сил старалась, чтобы ее все слышали.

«Ты должен знать, что я тебя люблю», – выводила она хриплым голосом.

Гюнес положил свой живот на стойку бара.

– Как дела, Герман?

Я ткнул пальцем в сторону оркестра.

– Откуда вы их выкопали? Ведь это старо, как мир!

– Вы пришли ко мне поговорить о музыке?

Я вытащил фото Симона и показал его Эдди.

– Вы знаете этого парня? Он приходил сюда?

Гюнес презрительно взглянул на фото.

– Вы что, смеетесь надо мной, Герман? – Он взглянул на часы. – Вы опоздали ровно на три часа. Джим, Монт и Корк уже были здесь около пяти часов и задавали тот же вопрос. И получили тот же ответ: насколько я помню, здесь он ни разу не был. И почему столько шума из-за этого парня? Это он, что ли, замочил того флика?

– Все так думают.

Гюнес сложил свои три подбородка в один.

– Какой негодяй! Будь я на его месте, то уже катил бы по дороге в Рио.

Я в задумчивости покинул бар. Если бы я убил флика, где бы я прятался? Во всяком случае, не на Гринвич-Вилледж. Раздумывая, я добрал до Вашингтон-сквер. Сейчас здесь все выглядело намного приличнее, чем раньше.

Хоплон жил в импозантном небоскребе совсем близко от первого номера на Пятой авеню, что подтверждало ту истину, что преступная деятельность хорошо оплачивается, если умеешь прятать следы и выходить сухим из воды.

Привратница попыталась задержать меня, но я отодвинул ее в сторону.

– Уголовная бригада Восточного Манхэттена.

– Хорошо, сэр, – безразлично произнесла она. – А что вы хотите посмотреть?

Я сухо буркнул, что это ее не касается, и направился к лифту, который поднял меня на восемнадцатый этаж.

Не в первый раз я наносил визит Ральфу Хоплону. Правда, ни к чему особенному это не приводило. Но на этот раз все должно быть по-другому. На этот раз я не буду с ним церемониться. Ведь у него находятся мой револьвер и бляха, и я твердо решил вернуть их.

Нажав на коренастую кнопку звонка, я прислушался. Раздался красивый звон. Хоплон сразу открыл дверь, как будто кого-то ждал.

– Что вам надо?

– Войти. – Я оттолкнул его в сторону, чтобы пройти в квартиру.

Дверь из небольшой передней открывалась прямо в огромную гостиную. По сравнению с ней моя просто крошечная. Один концертный рояль стоил гораздо дороже, чем вся моя мебель. На диване располагалась блондинка в черном костюме. Можно было подумать, что она только что плакала.

Хоплон вошел в гостиную следом за мной.

– Что вам надо? – повторил он.

– Мои бляху и револьвер.

– Послушайте, Стен, вы думаете, что говорите?

– Вы отлично понимаете, о чем я говорю, и я не собираюсь отступать. После того как я у Гюнеса дал вам по морде, вы послали своих парней избить меня. Что они и сделали, в темном месте на Гров-стрит. Я проиграл. Но ничто не убедит меня, что это очень забавно – лишиться оружия и бляхи. А также денег и документов.

Блондинка встала и подобрала свою накидку.

– Кажется, мне лучше уйти.

Я посмотрел на нее и приказал:

– Не двигайтесь!

Она сразу села, нисколько не возражая. Это удел бедных. Девушки ее сорта, как только им удастся заработать несколько долларов, стараются превратить их в миллион. Эта блондинка явно относилась к такой категории. И ей, вероятно, уже приходилось иметь дело с представителями закона и порядка. Она не хотела рисковать, отказываясь подчиниться распоряжению флика.

Я взглянул на нее более внимательно. На таком лице трудно что-нибудь прочитать. Вероятнее всего, она работала у богатых по заказам. Я видел, как надуваются вены на ее висках. Джо Симон рисковал получить до десяти лет тюрьмы за то, что занимался поставкой девушек по сто долларов за ночь. И вот я нахожу такую девушку у Ральфа Хоплона. Вполне возможно, что это не просто совпадение.

– Я просто не понимаю, о чем вы говорите, – продолжал он.

Я резко повернулся к нему.

– Держу пари, что совсем наоборот. Как сильно вы в это замешаны, Хоплон?

– Не понимаю, о чем вы говорите, – повторил он.

Блондинка сделала движение, чтобы открыть свою сумочку. Я забрал ее: оружия там не было. С улыбкой, но не очень любезной, я возвратил ей сумочку.

– Хотите, чтоб я сказал вам что-нибудь?

– Что именно?

– Вы очаровательны, как и все другие. И сколько это стоит, дорогая?

Она сделала хищную мину, какую обычно делают ей подобные. Потом ответила, скромно хлопая ресницами:

– Э-э, обычно я беру сотню долларов. Но вам я охотно сделаю скидку, потому что мне не нужно будет платить комиссионных.

Неожиданно до нее дошло, что она сказала. Ее улыбка мгновенно утратила уверенность и нахальство.

– Вы покупатель или продавец? – обратился я к Хоплону.

Он скорчил нахальную морду и попытался сделать вид, что все это ему нипочем и что он знает свои права гражданина.

– Уходите отсюда! Немедленно! Мне все равно, кто вы. И вы не имеете никакого права врываться сюда, не имея ордера на обыск.

Я дал ему увидеть дуло моего револьвера.

– Я уже подумал об этом и поэтому пришел вместе с ним. Где прячется Джо Симон, Рег?

Тут я заметил открытую дверь в комнату, которая, вероятно, была спальней.

– Посмотрим, что там. Иди вперед, Рег.

По его наглой физиономии пробежала тень.

– Я скорее сдохну! Вам это дорого обойдется, очень дорого, Стен.

– Так всегда говорят.

Улыбка блондинки стала просто очаровательной.

– Там находится мой Тони. Он лежит в постели, у него сломана ножка.

Хоплон грязно выругался. Я стал раздумывать, что это: или она подыгрывает ему, или наоборот. Когда в гостиной неожиданно появился я, она плакала. Может быть, он чем-то обидел ее, и ей доставляет удовольствие отплатить ему? Я грубо подтолкнул Хоплона по направлению к двери.

– Откройте дверь, пока я не рассердился.

Он нехотя открыл дверь. Один из парней, которые были тогда с ним у Гюнеса, когда он позволил себе высказаться в отношении Пат, лежал на кровати: его левая нога была закована в гипс. Если память мне не изменяет, то на его досье, хранящемся у нас, стояло имя Венелли.

Я вежливо обратился к нему со словами:

– Да, тогда мне отчетливо послышался хруст сломанной кости.

Венелли решил нагло врать мне в глаза.

– Я не понимаю, что вы хотите этим сказать. Механик из гаража Енсона забыл выключить кран, он ударил меня и сломал ногу.

Я толкнул Хоплона, чтобы он стал впереди меня, и начал шарить в одежде, повешенной на стуле?

– Вы можете это доказать?

– Шестью свидетелями.

– Спасибо, Тони. Придется время от времени навещать Енсона. Я не знал, что он получает свой хлеб с маслом из ваших грязных рук.

Я тщательно обыскал одежду Венелли. Там ничего не было. То же самое и в ящике комода, и в одежде, висящей в шкафу. Помещение было слишком большим. Мне пришлось бы затратить не меньше недели, прочесывая здесь все, и, возможно, без всякого результата. Я закатил Хоплону такую оплеуху, что он стал плевать кровью.

– Итак, ты скажешь мне, где это находится?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – ответил он с наглой улыбкой.

Вот это всегда выводит меня из себя. Я ударил еще раз, ударил с такой силой, что он отлетел к ногам Венелли и грохнулся на пол. Венелли понял, что скоро наступит его черед.

– Теперь, конечно, моя очередь? – усмехнулся он. – Но у вас будет куча неприятностей, когда узнают, что флик чинит правосудие и избивает человека, у которого нога в гипсе.

Я попытался заставить Хоплона сесть. Его голова болталась, как былинка. Пройдет еще некоторое время, прежде чем он обретет дар речи. И даже тогда он не заговорит. Подобные типы не выдают своих секретов. Они знают, что их дело – бизнес, а дискутировать и защищать их будут адвокаты. К тому же, у меня нет никакой зацепки. Даже если бы я продолжал находиться на службе, я ничего не мог бы против него сделать.

Я вернулся в гостиную и обшарил письменный стол Хоплона, но не обнаружил там ничего компрометирующего. Неожиданно мне в голову пришла интересная мысль.

Накануне того дня, когда Пат обвинили в убийстве Кери, я позвонил ей по телефону, что делал почти всегда, чтобы сообщить о своем возвращении, и попал на маленькую домашнюю неприятность. Чирли позвонила Пат по телефону и заявила, что она с мужем едет к нам поиграть в бридж, а у нас дома нет ничего к ужину. Я безрезультатно искал клочок бумаги, и в конце концов был вынужден нацарапать то, что просила меня купить Пат, на двадцатидолларовой бумажке. Если мои воспоминания меня не обманывают, этот билет лежал в моем бумажнике, когда на меня напали во дворе Гров-стрит.

Я вернулся в спальню и снова стал шарить в бумажнике Венелли и обнаружил там четыре купюры по 20 долларов, на обратной стороне одной из них было написано:

"Килограмм рагу из жареной дичи

Банку говядины

Баночку майонеза

Баночку соленых оливок

Пакет овощей".

Я показал билет Венелли.

– А это ты видел, мой мальчик?

У него сразу пропало желание ухмыляться. Он стал таким же белым, как его бинты. Теперь он выглядел так, как и должен выглядеть гангстер, для которого еще одно обвинение приведет к чрезвычайно серьезным последствиям. Я предоставил ему возможность хорошенько подумать, пока отсчитывал принадлежавшие мне сорок восемь долларов, которые я положил в свой карман. После этого я уселся на кровать рядом с ним.

– Ладно, где мои бляха и револьвер, Тони?

Пот крупными каплями стекал по его лицу. Он молча смотрел на меня. Я встал и бросил ему в лицо:

– Гаденыш мой дорогой, у тебя будет очень бледный вид, когда ты останешься до конца своих дней в тюрьме, и все это за сорок восемь долларов и за удовольствие обокрасть флика.

Он дал мне дойти до двери, прежде чем окликнул:

– Нет!

Я повернулся, чтобы посмотреть, в каком он состоянии. Такое обвинение не простая угроза, и он это отлично понимал.

– Что, нет?

– Не доносите на меня! – взмолился он. – Это была лишь шутка, я вам клянусь, Стен. – Он кинул быстрый взгляд в сторону бесчувственного Хоплона. – Рег сказал нам, чтобы мы вас немного потрясли за ту пощечину, которую вы ему вlepили. Вас обобрали, чтобы посмеяться. Хотели отправить вашу бляху и револьвер с небольшим посланием, в котором говорилось бы, что его парни барахло. Я о Греди.

– Ау кого они теперь?

Венелли качнул головой.

– Я ничего не знаю. Мы отдали это Регу, но скажите... – Я почувствовал, что он намерен предложить мне какую-то сделку.

– Да?

– Вы хотите отыскать Джо Симона, не так ли? – произнес он, вытирая мокрое от пота лицо.

– Предположим.

– Я буду свободным?

– Если я найду Джо.

– Вы знаете на повороте Свинглайн, около «У Леона», маленькие отели над барами?

– Знаю.

– Ну так вот, на вашем месте я поискал бы там. – Голос Венелли задрожал.

– Какой номер?

– Не знаю, но мне сказали, что он прячется там.

Я мог бы дождаться, пока Хоплон придет в себя, но существовала опасность, что он уже отправил мою бляху и пистолет. А Греди уж не упустит возможности повеселиться на мой счет. Он будет смеяться до коликов. Я вернулся в гостиную. Блондинка все еще сидела на диване. Она действительно думала о том, что мне сказала. Я понравился ей. Она выставила вперед свои коленки и оскалила десны, чтобы доказать это.

Промелькнувшая в голове мысль обрела определенный смысл.

– Послушай, малютка, предположим, тебе дали команду, что клиент готов заплатить хорошую сумму за одно дельце.

Вероятно, жадность была ее основным недостатком. Ее улыбка сделалась еще шире.

– Сколько?

– Много, но с определенным условием. Клиент не любит блондинок, даже натуральных. Этот парень помешан на рыжих. Он не посмотрит на то, сколько это будет стоить, но обязательно нужно, чтобы у нее были рыжие волосы.

Она взглянула на меня с таким видом, как будто я совершенно ненормальный.

– А сколько у меня для этого времени?

– Скажем, два часа.

– Отлично, – проронила она, небрежно пожимая плечами. – Мне стоит лишь немного подкрасить волосы, и у этого дебила потекут слюни.

– Ах, значит это возможно?

– Я уже делала это. У меня очень легко красятся волосы. Замечательно ложится краска. И что самое удивительное, совсем не похоже на крашенные. Потом нужно смыть шампунем, и снова превращаешься в блондинку. Но почему вы меня об этом спрашиваете?

– Да просто так, чтобы знать.

– Да ты что, больной?

– Все может быть, детка...

Глава 10

Сейчас еще слишком рано для публики в шикарных кабаках, но в барах, более доступных по цене, уже полно. Это как раз то, что мне и требуется: Джо Симон, безусловно, не стал бы прятаться в шикарном отеле.

Я ненадолго остановился на северном конце 52-й улицы, чтобы сориентироваться. Даже если бы за мной стояла вся нью-йоркская полиция, и то было бы трудно прочесать улицу частым

гребнем. А у разжалованного флика это тем более должно занять уйму времени.

Я рванул вперед метров на тридцать и вошел в «Хо-хо-клуб». Девушка в гардеробе пыталась взять у меня шляпу. Я не отдал ее, но сунул ей доллар и показал фото.

– Полиция, малышка. Ты видела этого типа?

Она качнула головой.

– Не думаю. Он не похож на ребят, обычно приходящих сюда. – Она посмотрела на доллар. – Не может быть. Все ваши делают это задаром.

– Сегодня я очень чувствителен.

Проговорив это, я прошел в бар, где также вытащил доллар, но на этот раз получил за него порцию рома.

Бармен тоже покачал головой.

– Нет, я такого типа не видел.

И я снова оказался на улице, только теперь стал на два доллара беднее. После некоторых размышлений я попытался позвонить в комиссариат, чтобы потолковать с Джимом. Его там не оказалось, но мне сообщили, что я, может быть, смогу застать его на участке 51-й Восточной улицы. Там мне ответили, что со мной говорит Бил Купи, и он соединил меня с уголовной Восточного Манхэттена.

– Ну, как ты там, парень? – спросил я. – Итак, теперь, когда меня выгнали, вам приходится объединить усилия, чтобы поймать убийцу?

Джиму мое веселье не понравилось.

– Паршивая скотина! Грязная свинья! Ты не мог бы закрыть на время свою пасть?

– А что, старик очень недоволен?

– Недоволен?! Он чуть было не разнес все по клочкам, когда я уходил. Боюсь, знакомство с тобой останется для меня приятным воспоминанием.

– Есть что-нибудь новенькое?

– Пока еще нет. Но брось это дело, Герман! Продолжай обрабатывать свою блондинку. Если начнешь действовать, наживешь большие неприятности.

Я неожиданно вспомнил наше зарегистрированное «свидание» с Мирой, полное воркований, вздохов и сладострастных стонов. Я почувствовал, как кровь ударила мне в голову.

– Джим, Пат не убивала Кери.

– Это ты так говоришь.

– Так утверждает она, и я ей верю. Симон усыпил ее у стойки, и кто-то привез ее к Кери.

– Кто именно?

– Пока я еще не знаю.

– Но почему? Кто мог нанести ей такой удар?

– Этого я тоже не знаю, но уверен, что это было именно так. А ты выставил это на обозрение миллионов, Джим. Оба эти убийства связаны между собой. Если прояснится с одним, то сразу же станет ясно и насчет другого.

– Да, я думаю, это вполне вероятно. А ты с чего это взял?

Если Рег Хоплон подал на меня жалобу за насильственное вторжение в квартиру, за удары и нанесение увечий, мне тоже придется не очень сладко. Я не могу терять времени на комиссариаты, и у меня нет денег, чтобы оплатить адвоката.

– Ты еще ищешь Симона, Джим?

– Еще бы! Нет ни одного флика в городе, который бы не занимался этим.

– А если я тебе сообщу, где примерно его искать?

– Правда?

– Но я этого еще не сказал.

– Не хочешь ли ты сказать, что задумал продать мне сведения или заключить сделку, чтобы я был полегче с Пат? – саркастически произнес Джим. – Она спала с Кери каждую свободную минуту. Он захотел избавиться от нее, и она его застрелила.

– Если бы ты держал Симона в четырех стенах и без адвоката, ты бы не говорил то, что говоришь сейчас, не так ли?

– Нет! Я даже не уверен, что именно он уколошил Ника, но все-таки очень странно, что это случилось как раз после того, как ты попросил Ника поискать его.

– Это как раз то, что я хотел сказать.

Мне показалось, что Джим не решается мне что-то сказать.

– Послушай, Герман...

– Я весь внимание.

– Мы друзья?

– Тогда сделай кое-что для меня. Ты же знаешь, что у меня неплохое положение в нашем ведомстве. Я хочу помочь тебе вернуться на прежнее место. Это... я не могу тебе обещать сделать раньше чем через месяц, а может и позже. Но дай мне возможность самому вести это дело, и я сделаю все, что можно.

– И что же я могу для тебя сделать?

– Перестань заботиться о Пат.

– Невозможно!

– Почему?

– Она не убивала Кери.

После этих слов я сразу же повесил трубку. Сперва я хотел попросить его, чтобы Монт и Корк помогли бы мне поймать Симона, но так как он не изменил своей точки зрения, то теперь мне придется самому заняться этим трудным и опасным делом. Если они его поймают, его ничем

не заставишь сознаться, что он усыпил Пат. Это для него равносильно признанию в убийстве детектива.

Когда я выходил из бара, малютка из гардероба послала мне очаровательную улыбку:

– Ну как, нашли того, кого искали?

– К сожалению, нет.

Я продолжал методически обходить все бары, один за другим, чистые и грязные, порядочные и явно притоны, в которых так и норовили облапошить своих клиентов. Если кто и мог опознать здесь Симона, то скорее всего какая-нибудь курочка, которую он обставил или что-то не поделил с ней.

Не считая привратников отелей и управляющих домами моей бляхой интересовалось очень мало людей. Для большинства было достаточно моего слова, чтобы признать за мной право задавать вопросы. Ни один их тех, с кем я разговаривал, не видел Джо. Двое барменов заявили, что эту физиономию они где-то когда-то встречали, но совершенно не помнят, когда это было: вчера, на прошлой неделе или месяц назад.

Одна старая солидная курица, сдающая комнаты на время, поинтересовалась, что он сделал.

– Его подозревают в том, что он спустил флика.

Она присвистнула и поправила свои жидкие крашенные волосы.

– Тогда я его знаю. Все вы одинаковые. С вашими наглыми мордами вы только и делаете, что давите бедный народ. – Тут она посмотрела на меня более внимательно. – А... Теперь я вас узнала! Вы – Стен. Ваша фотография помещена в «Мирор». Вы флик, чья жена убила одного мальчика на Гринвич-Вилледж.

Я грубо перебил ее:

– Ее только обвиняют, что она его убила. Она плотоядно усмехнулась.

– Ах, ах! Когда находят совершенно голую и совершенно пьяную курочку в комнате, где лежит убитый, с дверью, хорошо запертой изнутри, то можно себе представить, что его прикончил не Эйзенхауэр.

Она захлопнула перед моим носом дверь, и я вышел на улицу.

Было уже поздно, но воздух еще сохранил тепло. В конце улицы стали скапливаться машины. Большие лимузины останавливались, где хотели. И горе тому неопытному флику, который рискнул бы сделать замечание их ливрейному шоферу. То, что сказала старая курица, было не так глупо. Что лучше: сделать безразличную мину и получить монету от того, у кого длинные и крепкие руки, закрыв глаза на то, что делается кругом, или угодить в дыру, где из тебя вынут душу?

Я пошел по кабакам, которые находились на углу Шестой авеню. Как и всегда по вечерам, здесь было полно парней и куколок, которым есть что продать. Это последний участок Свинглайн. Потом идут гаражи, автопарки – и так до самого Бродвея. Вполне возможно, что Венелли все выдумал, чтобы спасти свою шкуру. Вполне возможно, что вся его история гроша ломаного не стоит и что он заговорил о 52-й улице случайно.

Я решил испробовать другую тактику. Вместо того, чтобы заходить в бар, я прошел через дверь, которая должна была привести меня в раздевалки артистов. Какой-то злющий тип в

смокинге и с белым платком в петлице попытался задержать меня.

– Эй! Одну минутку! Куда это вы направляетесь?

– За кулисы. Хочу повидать одну девушку.

– Ни в коем случае, – возразил он, качая головой.

Я легонько толкнул его.

– Не будьте таким злым. Уголовная бригада Восточного Манхэттена.

Он не отступил.

– Да. Отлично. Вы ведь Стен. Тот тип, которого все называют Большим Германом. Но, судя по тому, что слышали мои уши, вы не тот, за кого себя выдаете. Вас отстранили от должности.

Я закурил сигарету.

– Об этом уже известно?

Он пожал плечами.

– Ну да! Об этом сказали по радио в последних известиях в шесть часов.

Я притворился заинтересованным.

– Вот как? И что же они сказали?

– Что вас отстранили от должности. Потому что вы были в ярости и вопили, что это не ваша жена убила того типа на Гринвич-Вилледж и что вам наплевать на все доказательства. Нарушение субординации...

– Это действительно соответствует истине. Признаюсь...

Я сделал шаг вперед. Он положил руку мне на грудь. Я раздавил на его лбу окурок, и, прежде чем он успел заорать от боли, я заставил его забыть об этом, выдав ему отличный удар левой, который заставил его широко расставить ноги и замотать головой, наподобие кота, увидевшего старую банку с сардинами.

В коридоре послышалось предупреждение:

– Через пять минут, девушки!

Дверь в ложу была открыта, и я заглянул туда. Там находилось пять девушек. Все более или менее в натуре: две из них были еще в трусиках и бюстгальтерах.

Ближайшая к двери малышка, которой было не больше восемнадцати, переодевалась для своего номера.

– Вот как! – грозно заявила она. – Мужчина! А ну-ка, девочки, выставьте кулаки! – Обычно полиция их мало смущает. Они привыкли к ней. Вот и сейчас девушки, не стеснясь, занимались своими туалетами.

– Ну, что вам надо? Может, совсем раздеться? – спросила она.

Я положил на стол фотографию Симона вместе с бумажкой в двадцать долларов.

– Пока не надо. Я ищу этого парня. Кто поможет мне его найти, тот заработает эти деньги.

Каждая из них подходила и приподнимала билет, чтобы взглянуть на фото. Двое сказали, что очень сожалеют, но не видели. Другие не произнесли ни слова. Потом из зала донесся звук саксофона, и все сразу же умчались в коридор. На полдороге одна из них повернулась и подошла ко мне. Очень маленькая девочка с курносым носом.

– Почему вы разыскиваете Джо Симона? – поинтересовалась она.

Я затаил дыхание.

– Скажем, я хочу ему кое-что сказать.

Она взяла двадцать долларов и сунула их за вырез бюстгальтера.

– Загляните в отель «Бендиг», на углу. Я видела, он высовывался из окна второго этажа, когда я шла сегодня на работу.

Она хотела бежать за остальными, но я задержал ее за руку.

– Вы совершенно уверены, что это был он?

Она облизала пересохшие губы.

– Я вот что скажу, парень. Если вы хотите стать артисткой и танцуете в этом кабаке, чтобы заплатить за уроки, а какой-то грязный прохвост бьет вас по щекам так, что чуть не сворачивает скулы, потому что вы не захотели поработать на него, и вы увидите его поганую морду в окне, вы ведь узнаете его, правда?

Я отпустил ее. Она быстро догнала остальных и как раз успела занять свое место, когда первая уже открыла дверь и, танцуя, вошла в клуб. Я задумчиво смотрел, как за ними закрылась дверь.

Да, вот такие делишки. А ведь совсем недавно я заходил в этот отель и показывал там фото Джо Симона.

Отель «Бендиг» совсем близко отсюда. Служащий посмотрел на фото и поклялся, что никогда в жизни не видел этого человека. Вот и верь после этого людям!

Мне почему-то стало жаль этого служащего, и я направился к выходу из кабака.

Глава 11

Я пересек Шестую авеню и, остановившись напротив отеля, стал его рассматривать. Фасад у него был совсем обыкновенный. Здание небольшое – всего три этажа. Внизу находится ночной клуб под названием «Рекиф». Если девочка с курносым носом сказала правду, то Симон снимает одну из комнат второго этажа, выходящих на улицу. Именно такое заведение может выбрать тип, подобный Симону, чтобы спрятаться.

Я сделал порядочный крюк, прежде чем приблизиться к нему. Впереди меня какая-то молодая особа волокла по ступенькам пьяного матроса. Я предоставил им возможность договориться с портье, сидящим в конторке, и подошел, когда они закончили. Старый портье сам сопровождал клиентов. Он заставил парочку заполнить регистрационную карточку, затем все они направились на второй этаж. Старик держал в руке ключ.

За время его отсутствия я перелистал журнал регистрации. Среди клиентов был один Джексон в номере 200 и Джек Стенли в номере 201. Симон наверняка занимал комнату один. В ситуации, грозившей ему тюрьмой и электрическим стулом, он едва ли мог позволить себе роскошь иметь компанию.

Я поднялся на следующий этаж. В нескольких комнатах горел свет, в других было темно. В коридоре пахло маслом, мылом, дезинфекцией и дешевыми духами. Жалко, что я не знаю точно номера Симона. Да, это как раз такое место, какое я себе и представлял. Если бы кто-нибудь неожиданно завопил: «Флики», – то здесь поднялась бы настоящая паника.

Я дошел до конца коридора и прислушался. Джексон оказался не тем человеком, которого я разыскивал. Большой и толстый Джексон проводил время с чьей-то женой. Я в этом не сомневался, так как слышал их разговор. Он не хотел идти в ночной клуб и не хотел больше пить. То, что он делал в настоящий момент, его вполне устраивало.

Пришлось прижаться к соседней двери. Парень, занимавший эту комнату, храпел, как авиационный мотор. Я поднял глаза на фрамугу: света не было. Я попытался открыть дверь, но она оказалась запертой на ключ. Изо всех сил нажав на ручку, я всем телом навалился на дверь. Она уступила с глухим треском. В комнате было очень темно, в воздухе витал запах наркотиков и виски. На кровати лежало неподвижное тело. Я достал оружие, прикрыл за собой дверь и прислонился к стене. Затем я тихо позвал Симона. Никакого ответа, кроме смачного храпа.

Я прошел через комнату, держа в руке револьвер. Это был тот тип, которого я видел у Майерса за стойкой. Его одежда была в беспорядке разбросана на стуле и возле него. Я обшарил его карманы и рассмотрел их содержимое при слабом свете неоновой вывески, который проникал сквозь щели жалюзи. Если у него и был револьвер, то он его припрятал. Я нашел у него билет на самолет до Акапулько, пять банкнот по тысяче долларов и толстую пачку по двести долларов. Но теперь они ему не пригодятся. Во всяком случае, если он сумеет доказать, что находился совсем в другом месте, когда был убит Ник Казарас. Укокошили флика – теперь во всем Манхэттене даже муха не пролетит незамеченной.

Я положил деньги и билет обратно в бумажник и стал трясти Симона. Он продолжал храпеть, не обращая на меня внимания. Я потряс его сильнее.

– Ну, Симон, вставай! Полиция!

Тряся гада, я задел ночник, и он упал на пол. Это был единственный громкий звук в комнате, за исключением храпа, издаваемого Симоном. Я схватил его за волосы на груди и с силой их вырвал. Он застонал от боли, но так и не вышел из бессознательного состояния. Да, придется с ним повозиться.

– Мерзкая скотина, я заставлю тебя протрезветь!

Я повернулся, соображая, где находится умывальник. И в этот момент от стены отделилась какая-то темная масса, промелькнул металлический отблеск и рукоятка револьвера ударила меня по лбу. От такого удара я упал на колени.

В слабом свете, проникающем через окно, я увидел ноги мужчины. Да, только ноги в отлично начищенных башмаках и темные брюки. Я, как последний дурак, угодил в ловушку. Я попытался схватить его за ноги и свалить, но полученный удар почти парализовал меня. Мне удалось схватить ноги, но сжать их у меня не было сил. Револьвер поднялся и вновь опустился. Удар пришелся на затылок. Парень с револьвером знал свое дело. И кроме того, вероятно, он получал от этого удовольствие.

Внезапно комната завертелась, и я провалился в темноту. Меня привел в себя вой сирены. Я

попытался сесть.

Да, не слишком умный поступок с моей стороны. Я действовал примитивно. Не было никакой нужды смотреть на Симона, чтобы понять, в каком виде он находится. Я все предчувствовал.

Я с трудом встал на ноги, пошатываясь, разыскал лампу и включил ее. Симон был превращен буквально в мясной фарш. И все указывает на детектива первого класса Германа Стена, уволенного с должности, как на убийцу. Я сам все для этого сделал. Греди спросил меня, куда я пошел. И я ответил ему перед многочисленными свидетелями: «Я отправлюсь на поиски Джо Симона. И, чего бы мне это ни стоило, я заставлю его признаться, что его наняли для того, чтобы он усыпил Пат и доставил ее к Кери. Заставлю, даже если для этого мне придется вышибить у него мозги».

Вот так я и заявил. Я сделал это в присутствии Греди, в присутствии помощника комиссара Рейхарта, в присутствии Джима Пурвиса, Монта и Корка. И даже в присутствии Миры Белл!

Теперь у меня на руках был труп Симона. Я конченный человек. И это убийство...

Я стал растирать шишку на лбу и на затылке. Хотя у меня не было ран, на моей одежде и руках была кровь. Это не моя кровь, Симона. Я стоял на дрожащих ногах и тряс головой, чтобы немного прийти в себя. И тут я неожиданно заметил свой револьвер, тот самый, который Венелли и его напарник забрали у меня вместе с бляхой и бумажником.

В одном пункте, по крайней мере, я не ошибся: Хоплон погряз в этой истории по уши. Венелли вовсе не испугался, он только сделал вид, что испугался. Он хотел, чтобы я нашел Симона. А чтобы я не смог поговорить с ним и узнать правду, они старательно напичкали его виски и наркотиками.

Я наклонился за своим револьвером, запачканным кровью, и тут же очутился на полу. Концом ботинка я невольно отправил револьвер под кровать. Я думал и действовал в замедленном темпе, и все шло не так, как надо. С большим трудом я встал на колени и засунул руку под кровать. Но я отфутболил его слишком далеко. Я коснулся его пальцами, но не сумел вытащить. Распластавшись на ковре, я удвоил свои усилия. Но это был очень широкий диван и слишком низкий, чтобы я мог подползти под него. В конце концов, к черту этот револьвер!

Я встал. По правде говоря, оружие мне не нужно. Это только дополнительная улика для суда. Свидетелями будут все бармены и все служащие на 52-й улице, видевшие меня, когда я искал Симона. Со взломанным замком, с отпечатками моих пальцев в этой комнате... Шатаюсь, я подошел к двери. Убраться отсюда побыстрее даже более важно, чем взять этот револьвер. Если они меня схватят, это будет концом для Пат.

Я с трудом выполз в коридор. Нет, это не Джексоны подняли тревогу. Они все еще продолжали пребывать в любовном экстазе, для чего и пришли сюда, но Джексон тоже услышал завывание сирен.

– А если это полиция? – неуверенно спросил он.

Его партнерша явно насмеялась над ним:

– Только не болтай глупостей!

Я доковылял до лестницы и только собирался спуститься по ней, как услышал шум открывающейся входной двери и топот шагов в вестибюле. Шаги фликов... Это служащий поднял шум по телефону, что было довольно странно.

– Это вы позвонили насчет Симона? – спросил один из фликов.

– Да, сэр.

– А почему вы думаете, что дело касается Симона?

– Э... вот что мне пришло в голову. Недавно сюда приходил один полицейский. Высокий блондин со сломанным носом. Из криминальной.

– Это Большой Герман, – уточнил один из фликов. – Но в настоящее время он отстранен от должности.

– Ну, этого я не знал, – продолжал служащий. – Он показал мне фотографию молодого человека и хотел знать, есть ли такой в числе клиентов отеля. Он заявил, что это некий Джо Симон, разыскиваемый по поводу убийства детектива. Я ответил ему, что таких здесь нет.

– И что потом?

Служащий пытался выгородить себя:

– Ну так вот! После его ухода я принялся размышлять. Понимаете, это не я принимал клиента. Но сегодня вечером, когда я пришел на работу, дневной дежурный посоветовал мне понаблюдать за клиентом в номере 201. Его комната выходит на улицу с правой стороны здания.

– Почему он вам это сказал?

– Потому что, сказал он, у этого клиента такой вид, будто он прячется или боится чего-то. Он все время оборачивался, пока заполнял регистрационную карточку.

У флика был не слишком-то уверенный голос.

– А почему вы думаете, что это Симон?

– Да в общем-то... Но тем не менее...

– Черт возьми, нам приказали направиться сюда, а у вас лишь необоснованные подозрения... Вы знаете его в лицо?

– Нет, я его не видел. Но мой коллега сказал, что он совсем молодой и выглядит не очень сильным. – Тут он выдал свою козырную карту: – Потом взгляните на регистрационную карточку. Он записался под именем Джека Стенли. Д.С, вы понимаете? А в одном полицейском романе я читал, что когда гангстеры меняют свое имя, то всегда сохраняют свои инициалы.

Флик все больше приходил в уныние.

– А, так ты читаешь полицейские романы?

– Ну, раз уж мы здесь, – вмешался второй флик, – давайте взглянем на того парня. Хотя я понимаю, что, входя в подобное заведение, нужно оглядываться назад. Он, вероятно, боялся, что его может выследить родная жена...

Входная дверь вновь открылась.

– Ну и что же! Это действительно Симон? – послышался новый голос.

– Вы совершенно в этом уверены? – прозвучал голос четвертого.

Можно подумать, что они бежали сюда галопом. У входной двери раздались еще чьи-то шаги.

– Только предположения, – ответил один из первых фликов. – В действительности мы ничего не знаем. По-видимому, опять провал. У слушающего есть подозрения, вот и все.

Я с такой силой вцепился в перила, что мне стало больно. Не знаю, как все обернется, но сейчас дело обстоит весьма и весьма серьезно. Хоплон неплохо потрудились, чтобы сфабриковать всю эту историю. Сперва с Пат, потом со мной. Нам это может дорого обойтись. К счастью, я пришел в себя на несколько минут раньше. Они полагали, что полиция обнаружит меня на полу, всего в крови после побоища, о котором говорило состояние комнаты. Здесь была отчаянная драка – не на жизнь, а на смерть, так должны были они подумать.

Я поднялся на несколько ступенек вверх. Бежать отсюда невозможно. Любой из фликов узнает меня и задержит, начнет задавать вопросы, а потом обнаружат труп Симона.

По моей спине потек пот. Я стал искать глазами маленькую красную лампочку, которая обычно указывает запасный выход или пожарную лестницу. Ее здесь не было. Когда это старое здание переоборудовалось под отель, его строитель наверняка был пьян.

– Пойдем все-таки взглянем, – предложил один из фликов.

Я быстро проделал обратный путь по коридору, прошел мимо 201-го номера, открывая по пути все двери, за которыми не было видно света. В конце коридора ручка поддалась, и дверь отворилась. Я успел шмыгнуть внутрь как раз в тот момент, когда первый флик появился на площадке второго этажа.

– В каком номере? – раздался голос флика.

На площадке возник второй флик.

– В 201-м, направо.

Они уверенно зашагали по коридору. Я осторожно закрыл дверь и прислонился к стене, пытаясь совладать со своим шумным дыханием. Я пощупал, на мне ли шляпа – к сожалению, ее не оказалось. Возможно, я оставил ее в комнате Симона вместе со своим револьвером и бог знает чем еще. Рег Хоплон блестяще завел меня туда, куда ему этого хотелось. Но зачем ему это?

Темная комната была пропитана запахом дешевых духов. Этот запах вызывал у меня тошноту, я с трудом удерживался от рвоты. Я невольно кашлянул и услышал звук, похожий на скрежет. Небольшая лампа у изголовья кровати зажглась. Оказалось, что я в комнате не один. На кровати лежала девица в прозрачной рубашке – точная копия рекламы ночного белья для любви. Она приподнялась на своем ложе и стала протирать глаза, еще не проснувшись окончательно.

– Долго же ты возвращался, – проговорила она по-немецки и явно недовольным тоном. – Мы должны были встретиться в девять. Я жду тебя уже два часа.

Я попытался вспомнить несколько слов по-немецки, но все, что пришло мне на память, это – «либхен».

Она перестала протирать глаза. Уже совсем проснувшись, она разглядела меня и очень удивилась.

– Кто вы? И что вам от меня надо? – спросила она уже по-английски.

Я хотел ответить ей, но не мог. Что-то сжало мое горло. Шаги в коридоре стихли, но зато раздался крик. Так и есть: они нашли Симона.

– Это он! – закричал один из них. – Во всяком случае, совпадает с описанием его внешности, да и имя то же, что и на бумагах в бумажнике.

Я ждал свиста, который должен был последовать за тем, когда будут обнаружены пять тысяч долларов, но не услышал его.

Кто-то снизу спросил:

– А что он говорит?

– Он не может ничего сказать, – ответили ему. – Он мертв. И убит совсем недавно, не больше тридцати минут назад. Позвони в участок.

Девушка, сидевшая в кровати, открыла рот, готовясь закричать. Но прежде чем она успела это сделать, я вытащил револьвер. Моя рука была скользкой от пота, и я с трудом удерживал его в нужном направлении.

– Не надо кричать, Гретхен.

Она задыхалась, так же как и я. Ее коровьи груди поднимались и опускались под черной прозрачной рубашкой, как два надувных баллона. Девушка совсем уже вышла из себя и плюнула на ковер. А когда она заговорила, у нее обнаружился такой невообразимый акцент, что я старательно прислушивался, пытаюсь понять, что она там лопочет.

– Это полиция там внизу, а вы – жестокий убийца. Вы убили человека и поэтому ворвались ко мне, чтобы спрятаться от руки правосудия.

Я прислонился спиной к двери, чтобы удержаться на ногах и слышать то, что говорят там, по ту сторону двери. И мне пришлось ей солгать.

– Точно, так оно и есть.

– А-а-ах! – простонала она и чуть не потеряла сознание, откинувшись на подушки.

Итак, она принимает меня за убийцу! Ладно, по крайней мере теперь она не посмеет кричать!

Я плотнее прижал ухо к двери и стал слушать.

Глава 12

Шум в коридоре нарастал. Снизу поднялись и другие флики, чтобы взглянуть на Симона. Хлопали двери, женские голоса испуганно спрашивали, что случилось. Чей-то мужской голос возмущенно заявил:

– Вы не имеете права задерживать нас! Мы не совершили ничего противозаконного.

– Очень сожалею, – ответил один из фликов, – но никто не покинет отель до приезда инспектора. Как ваша фамилия?

– Джексон. Сэм Джексон.

Женщина, которая была с ним, находилась на грани истерики.

– Но это невозможно, вы не имеете права! Так нельзя!

– Вас вовсе не задерживают, милая дама. Вас просто просят подождать, чтобы задать кое-какие вопросы. А кстати, как это получилось, что вы ничего не слышали? Мне кажется, это довольно странно – в комнате напротив вашей была драка, убили человека, а вы ничего не слышали.

– Да, мы ничего не слышали! – простонала она.

Я приоткрыл дверь и взглянул на них. Джексон был весьма представительным типом лет пятидесяти. И я дам голову на отсечение, если он действительно не Джексон. У него был вид провинциального страхового агента. Женщине было около тридцати, красивые каштановые волосы и уверенный вид. Она так стремительно оделась, что из-под платья у нее выглядывал кусок комбинации. На пальце, как и следовало ожидать, сидело обручальное кольцо. Вполне вероятно, что ее полный доверия муж ждет ее в провинции. Эта парочка попала в довольно неприятное положение.

Я снова прикрыл дверь и повернулся к девице. Она яростно плюнула на пол и прошипела:

– Убирайтесь отсюда!

Я и сам понимал, что мне пора убираться. Неизвестно, станут ли патрульные проверять все номера, но, когда приедет Джим, он наверняка заставит их это сделать. И проследит за тем, чтобы это проделали основательно.

Я выглянул в окно. Не очень далеко от него проходила пожарная лестница. Она доходила до крыши и спускалась во двор. Я засомневался, выдержит ли она мою тяжесть.

Я совершенно зря отошел от двери. Девица выскочила из кровати и на цыпочках стремительно бросилась к двери, все время оглядываясь на меня через плечо. Я наставил на нее оружие и тихо предупредил:

– Не спеши, «либхен», сломаешь ножку.

Ее скорее остановили мои слова, чем оружие. Она повернулась ко мне и сказала:

– Вы говорите по-немецки?

Я встал между ней и дверью.

– Немного.

Она извергла водопад слов, из которых я понял только несколько.

– Вы лжете, – продолжала она уже по-английски, захлебываясь от злости. – Вы лишь пытаетесь... как это выразиться? Представиться симпатичным.

Неожиданно она обнаружила, что стоит почти голая, и попыталась прикрыться руками.

– Сейчас же уходите отсюда! Если придет Ганс, он убьет и вас и меня!

Я прижал ухо к двери и стал прислушиваться, что там делается. Приехал Джим Пурвис. Я слышал, как он сказал кому-то:

– Никаких журналистов! Я отлично знаю, что они из себя представляют.

Его голос приближался.

– Какой ужас! Проклятье! Герман что сказал, то и сделал.

Корк, по-видимому, стоящий рядом с ним, возразил:

– Послушай, Джим, не кипятись. Все, что нам известно, это то, что Герман повсюду искал Симона в этом квартале, и ничего другого мы пока не знаем.

– Да, – ответил Джим, – теперь Симон мертв.

Я пытался увязать в моем измученном мозгу две мысли. Самым лучшим было бы открыть дверь, выйти на порог и сказать: «А вот и я, друзья!» С другой стороны, если я это сделаю, то Пат пропала, да и я тоже. Суд не поверит в ее версию. И еще менее – в мою. Пат будет осуждена за убийство Кери, на мне же повиснет убийство Симона. А Рег Хоплон и рыжая девица, которая в течение шести месяцев выдавала себя за Пат, будут торжествовать, что их затея удалась и что, несмотря на осложнения, они все же своего добились.

Судя по шагам, Джим и Корк направились к номеру 201. За ними немедленно последовал полицейский врач, и, возможно, ввиду серьезности положения, пожалуют инспектор Греди и помощник прокурора Хаверс. Мне все больше и больше становилось жаль Джексона. Его маленькое удовольствие будет стоить ему весьма неприятной ночи.

Немка никак не могла заставить меня покинуть комнату. Она приблизилась ко мне и уставилась на меня тяжелым взглядом, проведя языком по губам. Она старалась изобразить, что я ей понравился.

– Вы находите меня красивой, да?

Я ответил, что да, но что думаю совсем не об этом. Она за что-то поблагодарила меня, и я удивленно спросил, за что. Можно было подумать, что один мой вид доставляет ей удовольствие. Она улыбнулась и продолжила по-английски.

– Это правда, что вы разговариваете по-немецки? – Она сделала шаг и оказалась так близко от меня, что я почувствовал запах ее кожи. – Чем я могу вам помочь?

Отворотом рукава я вытер пот, покрывающий мое лицо.

– Если сможете, то помогайте.

Она подошла еще ближе, и теперь наши тела почти соприкасались.

– Как вас зовут?

– Герман.

У нее вырвалось изумленное восклицание.

– Очень красивое немецкое имя. – Она порывисто задышала, желая показать свое волнение и возбуждение, которого у нее и в помине не было. – Ты хочешь, чтобы я сказала, что тут никого нет, когда они постучат?

«Куда же она клонит?» – подумал я.

Положив свою левую руку на мою правую и навалившись на меня, девица изо всех сил толкала меня на дверь. То, что я "принял за жир, оказалось мускулами. В ее теле не было ни единого грамма жира. Она погладила мою руку кончиками пальцев и «нежно» прошептала:

– А потом, когда полиция уйдет, мы могли бы быть счастливы.

Ее пальцы продвигались все дальше. Неожиданно я понял, что она подбирается к моему револьверу.

– А что скажет Ганс? – поинтересовался я.

Ее рука сжала мой кулак. Для женщины у нее оказалась удивительная сила. Она перестала улыбаться и вновь стала ругать меня по-немецки. Все еще сжимая мою руку с револьвером, она открыла рот, чтобы закричать и позвать на помощь.

Я погрузил пальцы в область ее желудка. У нее перехватило дыхание, а ее ногти впились в мое лицо, оставляя на нем кровавые полосы. Затем она отступила и сильно ударила меня ногой, вернее, собиралась ударить в то место, которое защищено у мужчины менее всего. Но я избежал удара, поймал ее за ногу и опрокинул на спину. Она опять хотела закричать, но я не дал ей на это времени. Я закрыл ей рот рукой и попытался уволочь в ванную комнату.

Тут ее сила, которая меня так поразила, явила себя еще в большей степени. К тому же она владела многими трюками и приемами. Ей удалось ударить меня коленкой, потом она укусила меня за руку. Я пытался удержать ее, но бороться с ней было трудно: скользкий угорь, имеющий острые когти и не дающийся в руки.

Освободив ей рот, я ударил ее по лицу тыльной стороной ладони. Голова девицы ударилась о край ванны. Тело вытянулось и обвисло на моих руках. Я посадил ее на пол, прислонил к ванной, потом нашел влажное полотенце, завязал ей рот, а другим связал руки и ноги. Аккуратно положив ее на пол и предварительно проверив, хорошо ли она связана, я облегченно вздохнул.

Когда я кончил возиться с ней, моя одежда была вся пропитана потом. Он стекал на глаза и слепил меня. Вытерев его рукавом, я неожиданно увидел себя в зеркале над умывальником. Человек в зеркале вовсе не был похож на Германа, ничтожного детектива, почти ничего не добившегося. Синие круги вокруг глаз, рот весь в крови. Это я еще могу исправить, но не в моих силах заставить исчезнуть царапины.

Я взглянул на девицу, лежащую на полу, и остался весьма собой недоволен. Она находилась в своем номере, спокойно спала и дожидалась своего любовника, когда я ворвался к ней. Да, здорово я ей все испортил. Возвращаясь в комнату, я мысленно извинился перед ней.

Джим уже отдал распоряжение осмотреть все номера. Я слышал, как стучат в дверь в конце коридора. Обычная в таких случаях процедура, но теперь я находился по другую сторону баррикады, в западне. Я обошел стул, валявшийся на полу, подошел к двери и повернул в замке ключ. У здешних дверей не было запоров. Я продолжал думать и действовать, но в замедленном темпе. Я поискал сигареты и закурил, после чего вернулся в ванную, не зная, что делать дальше. Лежащая на полу девица сверлила меня злобными глазами и дергалась как припадочная.

Закрыв дверь в ванную, я подошел к открытому окну. Из-за темноты асфальт во дворе казался очень далеким. Я еще раз осмотрел лестницу. Выглядела она очень ненадежно: крючки, на которых она держалась, почти вылезли из стены.

Я уселся на подоконник и стал усиленно курить, дымя, как паровоз. Шум в коридоре усилился. Голоса приближались. Флики двигались с двух сторон. В коридоре были слышны все новые шаги. Прибыли фотографы, лаборанты и другие технические работники, чтобы продемонстрировать свое искусство. Мимо них ничего не пройдет незамеченным. Они найдут шляпу и револьвер, оставшиеся в номере Симона. При мысли об этом на меня накатила приступ тошноты. Теперь я отлично представляю себе, как чувствует себя убийца. То, что должен был чувствовать Симон. Впервые в жизни общество находилось на одной стороне, а я на другой.

Я протянул руку и попытался ухватиться за лестницу. Она оказалась устойчивой, и я изо всех сил нажал на нее, еще сидя на окне. Может быть, она все же выдержит меня... Я перекинул

ноги на улицу и повис на лестнице. Один из крюков выпал, лестница закачалась, но выдержала. Я вынужден был держаться обеими руками, упираясь ногами в стену, чтобы немного облегчить давление веса на лестницу.

Когда я достиг высоты первого этажа, то дал себе передышку. Там тоже было полно фликов, как и на втором этаже. Достаточно было хоть одному из них выглянуть в окно, и я пропал. Отдохнув, я продолжил спуск. Двор, в который я опускался, был очень маленький. Скорее большая помойка, чем двор. Три стены не имели никаких проемов, а в четвертой только одна: дверь в ночной клуб «Рекиф», которую оставили открытой для проветривания помещения.

Наконец я спустился на асфальт и заглянул на кухню. Два повара в белых халатах и больших колпаках на голове суетились вокруг плиты. Третий готовил сэндвичи. Еще один, по виду филиппинец, занимался чисткой овощей. Никто из них не подозревал, что происходит в верхних этажах здания.

Я спрятал в карман свою кровоточащую руку и прошел через кухню. Какой-то тип, заметив меня, схватился за нож с видом героя, но увидев, что я держу руку в кармане, благоразумно стал продолжать то, чем занимался до сих пор. Остальные повара даже не подняли глаз. Готовивший сэндвичи выпрямился и, увидев меня, воскликнул:

– Что это с вами приключилось, старина?

Ничего ему не ответив, я вышел, отстранив какого-то парня, прошел по коридору и вошел в зал ночного клуба. Он был декорирован в гавайском стиле: всюду стояли пальмы, а на стенах висели картины с обнаженными купальщицами. Все столики были заняты наивными провинциалами, с аппетитом поглощавшими еду. На сцене красовалась певица, довольно скромно одетая. Ведь в Нью-Йорке стриптиз запрещен. Власти не интересовались тем, что будет делать голая девица после выступления, но раздеваться при публике было запрещено.

Миновав столики, я направился к выходу, благословляя полумрак, царивший в зале. Дойдя до выхода, я наткнулся на метрдотеля, признавшего меня.

– Бог мой, Стен...

Я отстранил его, не вынимая руки из кармана.

– Отойдите!

Он сделал вид, что это его не трогает, и с интересом уставился через стеклянную дверь в вестибюль. Гардеробщица тоже узнала меня и сделала круглые глаза.

– Скажите, пожалуйста, еще один флик! Улица полна ваших коллег.

Я остановился, стараясь отдышаться, чтобы выйти отсюда нормальным шагом, хотя меня так и подмывало побежать. Я ответил ей одним словом:

– Знаю.

Маленькая стерва продолжала:

– Вам не следовало так сильно бить его.

Я промолчал, но она продолжала приставать ко мне:

– Ну они и повеселятся! – При этой мысли рот у нее полуоткрылся, на лице выразилось живейшее удовольствие. – Что они теперь сделают с вами! Ужас!

Я посмотрел на нее в упор и спокойно заметил:

– Жаль, что нет твоего Жюля. Вы бы с ним получили большое удовольствие.

Она искоса взглянула на меня и ничего не ответила.

Я выбрал на полке шляпу, которая показалась мне наиболее подходящей, сунул ей двадцать долларов за корсаж и не спеша вышел на тротуар. Он был буквально забит полицейскими в форме. У входа в отель роилась целая толпа репортеров и фотокорреспондентов. Толпа любопытных заполняла все остальное пространство.

– Простите, – проговорил я сдавленным голосом, проходя мимо бригадира.

Он упустил свой шанс отличиться и отстранился, даже не взглянув на меня. Я приблизился к гудящей толпе. Моя спина, так же как и голова и рука, болела со страшной силой. Каждую секунду я ожидал, что кто-то меня увидит и узнает.

Мне нужно было поскорее отсюда убраться, тем более, что появился инспектор Греди. Его шофер так припарковал машину, что практически блокировал подъезд к 52-й улице. Греди и помощник комиссара Рейхарт, окруженные полицейскими, направились ко входу в отель, где их окружила толпа репортеров, жаждущих попасть внутрь.

– Нет! – коротко бросил Греди. – Если капитан Пурвис сказал вам нет, значит нет.

На него можно полагаться. Он никогда не отменял распоряжений своих подчиненных.

Я шагнул в сторону любопытствующих и стал медленно продвигаться вперед. Но тут на меня стремительно налетел человек небольшого роста. Чтобы не потерять равновесия, я вынужден был схватить его за рукав.

– Прошу прощения, – извинился Або Фитцел из «Дейли Мирор».

Он собрался было идти дальше, но вдруг выпрямился и остался стоять с открытым ртом. В первый раз за много лет, что я его знаю, маленький журналист совершенно растерялся. Я сильно сжал его хрупкий локоть.

– Я тебе когда-нибудь врал, Або?

Он внимательно посмотрел мне в глаза.

– Нет.

– Сведения, которые я тебе давал, всегда оказывались правдой?

– Да, ну и что же?

Мне так хотелось обернуться и посмотреть назад, что у меня заболела шея. Но я не посмел этого сделать. Свободной рукой я вытер пот со лба, и мне показалось, что я почти слышу, как кто-то проговорил: «Эй вы там, громила, разговаривающий с Фитцелем?»

– И что же? – повторил Або.

– А то, что я не убивал Симона.

Если и говорю правду, то для него это просто фантастическая информация.

– Ты клянешься в этом, Герман?

– Клянусь!

– А кто же его убил?

– Не знаю. Кто-то, кто был в его комнате.

– Другими словами, все это подстроено?

– Да. Совершенно так же, как и с Пат.

– Но кто же это сделал?

– Думаю, Рег Хоплон.

Або продолжал смотреть на меня пронизывающим взглядом.

– Зачем ему понадобилось губить тебя и Пат?

– Не знаю.

– Это не имеет смысла.

Я вновь вытер пот со лба.

– Согласен, это не имеет смысла, но Рег по уши погряз в этом деле.

Спина и затылок разболелись не на шутку. Даже простое дыхание вызывало невыносимую боль. Я поторопился сказать:

– Там, наверху, они найдут мой револьвер. Им воспользовались, чтобы ухлопать Симона, пока он был накачан наркотиками и виски. Но это сделал не я. Тони Венелли вместе со своим напарником отобрали у меня револьвер вместе с бляхой, когда я выходил из дома на Гров-стрит.

– А ты хочешь, видимо, добровольно сдаться в плен «Мирор».

– Нет.

Або хороший журналист, и он мой настоящий друг. Я стоял спиной к отелю, а Або – лицом.

– Ты спустился с тыльной стороны здания по лестнице и вышел через клуб в нижнем этаже?
– осведомился он.

– Да.

– Тебя видели? Кто-нибудь тебя узнал?

– Да.

Он встал так, чтобы мне было удобнее подойти к толпе зевак.

– В таком случае давай отсюда, и поживее! Девка из гардероба выскочила на улицу, как фурия. Сейчас она натравит на тебя фликов.

Я мигом проскользнул в толпу. Девушка остановилась в тридцати метрах от меня и стала вопить:

– Остановите его! Он должен быть здесь, на тротуаре! Он только что вышел отсюда!

Через несколько мгновений после ее воплей началось всеобщее смятение. Кто-то из фликов включил сирену. Шофер на полицейской машине, на которой включили сирену, кричал шоферу Греди, чтобы тот убирался с дороги.

Позади меня, из открытого окна номера 201, Джим Пурвис спрашивал, что случилось.

Швейцар у двери отеля объяснил ему, что девица из гардеробной и метрдотель утверждают, что только что от них вышел Стен.

– Боже мой, – выругался Джим, – так хватайте его. Перестаньте совать свой нос куда не следует, а лучше задержите его.

Я понял, что он хотел этим сказать: вся толпа должна броситься на меня, а Греди со своей стороны спустит на меня свою свору и, возможно, даже попытается подстрелить меня. Но для меня все это обернулось так, как уже происходило не один раз. Когда читаешь в газетах, как какой-нибудь гангстер прошел сквозь цепи полицейских, это вовсе не журналистская выдумка. Это происходит потому, что существует элемент неожиданности: флики блокируют все входы и выходы и слишком заняты рассматриванием всех входящих и выходящих, чтобы заглянуть немного дальше.

Я как можно скорее отошел от дома, чтобы меня не заметили. Пот, заливавший мне уши, вызывал неприятный зуд. Зудели уже шея и спина. Я отстранял людей со своего пути, разъединял парочки, очень довольный тем, что в аллее было достаточно темно. Мне показалось, что я пребываю в каком-то кошмаре. Девица из гардеробной позади меня продолжала вопить. Из дома в хорошем темпе выскочила группа фликов. Водители автомобилей пустили в ход свои сирены, чтобы как-нибудь пробить себе дорогу мимо отеля.

Я перебрался через Шестую авеню под красный свет. Как только я встал на тротуар, зажегся зеленый. Пытаясь пробить себе дорогу, возле меня притормозило такси. Я открыл дверцу машины и упал на сиденье.

– Куда вас везти? – спросил шофер.

– На станцию! – буркнул я первое, что пришло на ум.

Пока он опускал окно на другой стороне машины, одна из машин с рацией объехала его и двинулась по направлению к 54-й улице: она оставила за собой как бы след от своей сирены. Выехав вперед, шофер бросил взгляд на улицу.

– Черт возьми, посмотрите только на все эти полицейские машины. Должно быть, случилось что-то чрезвычайное.

– Да, по-видимому, – проговорил я как можно спокойнее. Мне все еще было трудно дышать.

Он взглянул в зеркальце заднего вида и совершенно ясно увидел кровавые полосы на моем лице, чужую шляпу и запачканную кровью одежду. Он чуть не подавился и стал открывать дверцу со своей стороны.

Я опустил стекло, разделявшее нас, и приставил револьвер к его затылку.

– Гм... – промычал я, считая, что достаточно обратил на себя его внимание. – Гм... гм...

Парень замер. Глаза его округлились до такой степени, что я испугался, как бы они не выскочили. Кто бы стал тогда вести автомобиль?

– Куда... вас... отвезти?

– Гм... – многозначительно произнес я.

Глава 13

Сидя на качелях для детворы, я пытался разглядеть в темноте, сторожит ли кто-нибудь мою квартиру. Конечно, они должны были устроить засаду. Сидел я так довольно долго, посматривая на свои окна. Почти все окна в доме, включая и мои, были темны – было уже около двух часов ночи.

Я взглянул на свою ладонь – она все еще побаливала. Зубы немки прокусили ее. Мне повезло, что я не входил в число ее любовников. В любовном экстазе она могла натворить черт знает что. Меня познабливало и я боялся. Не за себя, а за Пат. Как только наши парни поймают меня, ставлю пачку сигарет против миллиона долларов, что они не поверят ей и не захотят помочь. У меня оставалась единственная надежда на Або Фитцела. Я надеялся, что мои друзья прочешут Манхэттен во имя моего благополучия. Сейчас мое преимущество заключалось в том, что я, как профессионал, знал, что происходит в этот момент в полицейском управлении. Они не пропустили ни малейшей детали, могущей навести на мой след. Они опросят всех таксистов, которыми я пользовался. И только один бог знает, сколькими я воспользовался, прежде чем спустился в подземку, смешавшись с толпой, выходящей из театра.

Качели слегка покачивались на железной цепи под напором вечернего бриза. Мне показалось, что шум ветра затихает. Я встал и подошел к высокой ограде, которая отделяла площадку от дома. Если я буду действовать наобум, то все кончится тем, что меня обнаружат, но мне было совершенно необходимо поговорить с Мирой. Ограда была высокой, шуметь я не имел права. Поэтому, сняв ботинки, я связал их вместе и повесил на шею, потом, отойдя на несколько шагов, разбежался и перепрыгнул ограду с первого раза.

Застыв на мгновение в полосе темноты, я присмотрелся к освещенному входу в холл. Дежурная с сероватыми волосами находилась на своем рабочем месте, и похоже, читала роман. Жиль и Мак, оба в штатском, развалились в глубоком кресле на двоих в вестибюле. Время от времени они бросали взгляды на входную дверь. Да! Я все-таки заставил этих ребят побегать! Их попросили снять форму, надеть штатское и караулить меня у дома, потому что они знали меня в лицо.

Я нагнулся и надел ботинки. Они были такие же мокрые, как и мои ноги. Пришлось обойти вокруг дома. Позади него находилась маленькая лестница, которая вела в помещение котельной. Обычно эту дверь на ключ не закрывали.

Осторожно открыв ее, я внимательно рассмотрел помещение и прислушался. Все, что я услышал, это равномерное гудение мотора. Время от времени он издавал негромкий свист. Пройдя через маленький зал, я подошел к двери, ведущей в дом, и открыл ее, стараясь производить как можно меньше шума. Там находился рабочий лифт, но я не посмел им воспользоваться. Дверь конторы управляющего, располагавшейся как раз над котельной, выходила в сторону лифта.

Я стал подниматься по лестнице, стараясь ступать бесшумно. Перепрыгивая через ограду, я задел за деревяшку, и теперь из моей руки капала кровь, оставляя следы на ступеньках. Рука болела уже до самого плеча. Еще никогда в жизни я не испытывал подобного состояния. Я помнил, что комната Миры на самом верху, но не знал ее номера. Что сказать и что спросить у нее, я тоже еще не надумал. Самым большим удовольствием для меня было бы сесть сейчас на ступеньку лестницы и громко завывать. И еще мне хотелось биться головой о стену

до тех пор, пока Жиль и Мак не услышали бы меня, но я заставил себя успокоиться.

На верхнем этаже не было никакого освещения, кроме маленькой лампочки на лестнице и красной лампочки, указывающей запасный выход. Мира еще не должна была лечь, так как ее дежурство закончилось совсем недавно. И хорошо было бы, если бы она оказалась дома. Я прислонился к входной двери, которую уже закрыл за собой, и посмотрел в коридор. Над тремя дверьми горел свет. Я прислушался под первой дверью. Нет, это не ее комната: там спорили двое мужчин. Я прошел к следующей двери, вызывая в своей памяти запах духов Мира. Но я его не помнил, зато отлично помнил запах ее нежной кожи. За этой дверью что-то говорил по радио мужской голос. Кажется, было сообщение полиции, но слов я разобрать не смог.

Я подошел к третьей двери. За ней какая-то женщина хлопала себя по лицу, натираясь кремом. Это не могла быть Мира. Насколько я помнил, она только красила губы. Пришлось возвратиться к двери, за которой слышалось бормотание радио.

Я тихонько постучал, но ответа не услышал. Дверь оказалась не запертой. Войдя в комнату, я бросил взгляд по сторонам. Мира лежала на кровати в том же голубом пеньюаре, который был на ней в момент нашего близкого знакомства.

– Как! – воскликнула она, увидев меня. – Это вы?

Я закрыл за собой дверь и присел к ней на кровать.

– Ну и ну! Вот уж не ожидала вас снова увидеть!

– А почему бы и нет?

– Внизу сидят два флика, они поджидают вас. – Она указала пальцем на радио. – Вся полиция Нью-Йорка брошена на ваши поиски. Зачем вы это сделали, Герман?

Мне было больно отвечать на такой вопрос.

– Что я сделал?

– Убили Симона.

– Это сделал не я.

Она внимательно посмотрела на меня.

– Но об этом все время говорят по радио.

– Ну и что?

Я встал, чтобы взять маленькую аптечку с медикаментами, висевшую над умывальником в углу комнаты. Но я не нашел того, что искал. Не нашел и в комодe в первых двух ящиках.

– Если вы ищете что-нибудь выпить, то там ничего не найдете.

Мира открыла одно из отделений ночного столика и достала бутылку виски.

– Пойдет?

Открыв бутылку, я сделал приличный глоток. Отличное виски! Я вылил немного себе на ладонь и промыл рану. Сейчас мне казалось, что вокруг меня какой-то кошмар. Я спросил тогда у Гюнеса: "Сколько стаканов выпила во вторник Пат? – «Восемь или девять», – ответил он мне. – «А что она пила?» – «Сухой ром».

Я протянул бутылку Мире. Она тоже глотнула – как мужчина: не разбавляя.

– Вы так любите виски?

– Если бы я его не любила, то не покупала бы.

Она потянула за молнию на своем пеньюаре, чтобы я мог видеть белизну ее привлекательной кожи.

– Почему вы так смотрите на меня?

– Где вы это прячете, Мира?

Она поставила бутылку на ночной столик.

– Что прячу?

– Краску. Рыжую краску для волос, которой вы пользуетесь. Она прижалась к подушке.

– Что бы я стала делать с краской для волос? Особенно с рыжей, как вы говорите?

Я сел возле нее и внимательно всмотрелся в ее лицо. Теперь я понял, почему у меня создалось впечатление, что я ее давно знаю. Это не потому, что я видел ее за стойкой дежурной, когда проходил мимо. Чем больше я на нее смотрел, тем больше утверждался в своей идее.

Это довольно высокая и красивая девушка, вес и фигура которой схожи с Пат. Достаточно ей выкрасить волосы в тот же цвет, что у Пат, замазать веснушки на лице, сделать ту же прическу и накраситься так же, как это делает Пат, и для человека, который не знает близко их обоих, они будут неотличимы, особенно, если смотреть на них издали или при неверном освещении какого-нибудь бара.

Мира продолжала играть со своей застежкой-молнией. Она опускала и поднимала ее. И опускала до такой степени, что я даже смог увидеть низ ее живота.

– Почему вы так смотрите на меня? – снова спросила она.

– Вы ничего не понимаете?

– Нет.

Я положил свою руку на ее.

– Перестаньте играть застежкой и попытайтесь соблазнить меня своими прелестями. Скажите мне, каким образом...

– Что, каким образом?

– Каким образом вы достали одежду Пат? И почему в течение полугода выдавали себя за нее? Почему вы заставили Джо Симона усыпить ее наркотиками? Как вы подстроили, что она оказалась на квартире Кери? Зачем вам нужно, чтобы ее приговорили к смерти?

Глаза Миры наполнились слезами. Это еще больше усилило ее сходство с Пат. Когда Пат очень расстроена, то обязательно плачет.

– Вы действительно сумасшедший и совсем потеряли голову, мистер Стен.

– Ага, теперь я стал мистер Стен!

– Вы сами этого добивались. – По ее щекам покатались слезы. – Я попыталась оказать вам услугу, помочь вам. Я спрятала счета за телефонные разговоры вашей жены, когда она разговаривала с Кери. Я отдалась вам, пытаюсь вас утешить. – Грудь ее бурно вздымалась. – Я даже варила вам кофе и сказала, что приду, как только закончу работу. А вы, что сделали вы?

Я все это выслушал и сказал:

– Я жду ответа.

Мира откинулась на своем ложе так, что моя рука вместе с молнией оказалась в заветной ложбинке. Я отдернул руку, как от ожога.

– Я вам вот что скажу! – гневно заявила она. – Вы, как дурак, вбили себе в голову, что ваша жена не то, что она есть на самом деле – обыкновенная грязная шлюха. И вы получите свое, потому что пошли против полиции. Вы прикончили Симона, потому что он отказался подтвердить ложь, которую вы хотели заставить его сказать. Кроме того, вы переспали с одной девкой, которая расцарапала вам лицо, вместо того, чтобы помочь вам.

Фальшивые слова, фальшивый пафос! Но какой превосходной актрисой она могла бы стать!

– А откуда ты все это знаешь?

– Я узнала об этом по радио, – прорыдала она. – Я все время его слушаю, как только закончила работу.

Я сделал звук чуть сильнее. Пока что ее версия подтверждается. По радио все время говорят о том, что я подвел своих товарищей по службе. Мира взяла мою руку и положила себе на грудь.

– Ради всего святого, Герман, я вас умоляю.

– О чем ты меня умоляешь?

– Будьте благоразумны. Ваша жена не стоит того, что вы для нее делаете. Она вас предала.

– Откуда ты это знаешь?

– Я слушала ее телефонные разговоры с Кери.

Я убрал свою руку с ее тела.

– А я думал, что вы никогда не подслушиваете. Я считал, что это категорически запрещено.

Мира вытерла слезы рукавом пеньюара.

– Я так говорила, потому что поблизости был мистер Халпер. Она звонила Кери по два раза в день, не меньше. И мне пришлось бы покраснеть, если бы я повторила то, что они говорили иногда друг другу.

Она взяла бутылку виски и снова сделала глоток, после чего протянула ее мне, но я отказался.

– Нет, благодарю.

Мира поставила бутылку на место. Теперь ее глаза заблестели еще сильнее.

– Как хотите. Я вела себя с вами, как дурочка. А вы постоянно валяете дурака. Если вы

будете продолжать в таком духе, полиция сразу же поймает вас. Оставайтесь со мной, Герман.

Я решил подыграть ей.

– Ты жаждешь переспать с убийцей?

– Вы не убийца, – ответила она, немного быстрее, чем полагалось в данном случае. – Я... – Она прикусила губку. – Я хочу сказать, – неуверенно добавила она, – вы...

Я резко перебил ее излияния:

– Откуда ты знаешь, что это не я прикончил Симона? Тебе что, звонил Рег и сообщил об этом?

Она попыталась ударить меня ногой. Раздался треск разрываемого шелка.

– Убирайся отсюда! Убирайся из моей комнаты! Я не допущу, чтоб меня оскорбляли, я даже не знаю, как Хоплона зовут!

Я схватил ее за лодыжку и прижал к кровати.

– Тогда откуда ты знаешь, что речь идет о Хоплоне? Ведь о нем не говорили по радио, а я назвал лишь имя Рег.

Мгновение она оставалась совершенно неподвижной, потом стала вырываться. Застежка совсем сползла вниз, открывая ее в соблазнительное тело. На миг я представил, что передо мною Пат, только Мира была блондинка, натуральная блондинка. Мой взгляд поднялся к ее лицу. Даже при разном цвете волос между ними существовало какое-то сходство.

Мои нервы не выдержали, и я изо всех сил ударил ее по щеке. В этой маленькой комнатке удар прозвучал, как выстрел.

Я задыхался от злости, так же как и она.

– Ты будешь говорить, черт возьми? Кто ты? Кем ты приходишься Пат? Что все это означает? Что ты имеешь против нее и для чего ты все это затеяла?

Мира настолько испугалась, что вся задрожала. Теперь она больше не играла комедии. Она опасалась, что я могу убить ее.

– Не трогайте меня! – закричала она. – Не бейте меня! Убирайтесь!

Она попыталась ударить меня другой ногой и вся сжалась в комок. Я схватил ее за одежду, она рванулась, и пеньюар остался у меня в руках. Она вскочила и прислонилась спиной к стене, вытянув вперед руки. Крик ужаса застрял у нее в глотке.

Мне показалось, что нечто подобное я уже пережил. Все было, как в кошмаре. Я бросился на нее и приказал:

– Закройся!

Я попытался задержать ее, но она вырвалась, рывком распахнула дверь и выбежала в коридор совсем голая. Начали открываться другие двери. Я побежал за ней, пытаюсь остановить ее и вернуть в комнату. Добежав до конца коридора, она стремительно открыла дверь и захлопнула ее перед моим носом, испуская проклятия. Я стал колотить в дверь.

– Ты откроешь мне, исчадие ада?!

У меня в голове засела всего одна мысль: она знает. Она должна мне сказать правду! И тут я услышал чей-то мужской голос:

– Нужно вызвать полицию. Он пьян или сошел с ума.

Я перестал барабанить в дверь и прислонился к ней. Все двери в коридор были открыты, и их жильцы рассматривали меня с порога своих комнат. На двери, у которой я стоял, было написано: «Для дам». Мира безусловно ошиблась. Разве она дама?

Тут я услышал шум поднимающегося лифта. Я понял: они появятся раньше, чем я успею раздолбать дверь и заставить ее рассказать мне все, что я хочу знать. Лифт наверняка поднимает Мака и Жилья, очень гордящихся данным им поручением, которое при удачном исходе операции даст им возможность стать детективами.

Я обнаружил, что все еще держу в руках остатки ее пеньюара. Бросив тряпки на пол, я твердым шагом направился к главному лифту. Никто не пытался задержать меня. Лифтер дежурит только до полуночи. Кабина как раз находилась на этаже, так что можно было обойтись и без лифтера. Я вошел в нее, закрыл дверь и нажал на кнопку нижнего этажа. Достав револьвер, я вытер со лба пот. Мне казалось, что лифт спускается невероятно медленно. Задолго до того, как я окажусь в вестибюле, Жиль и Мак, которые стерегут дверь, будут предупреждены и подготовятся встретить меня. Но теперь пусть никто не вздумает встать на моем пути. Я пойду до конца!

До этого момента меня поддерживала моя вера, теперь она превратилась в уверенность. Теперь я знаю точно: Пат осталась такой же чистой, как была, когда я познакомился с ней на вечернем балу квартала десять лет тому назад.

Лифт достиг первого этажа и остановился. Дверь стерег Жиль. Он посмотрел на револьвер у меня в руке.

– Не пытайся воспользоваться им, Стен, – официальным тоном предупредил он. – Буду стрелять.

– Мне надо выйти, Жиль, и не пытайся задержать меня. Я медленно сделал два шага по направлению к нему.

– Я буду стрелять, – повторил он.

Еще два шага...

– Это твое дело. Ты вооружен и ты полицейский. Тебе поручено задержать меня. Но постарайся уложить меня с первого выстрела, Жиль.

Он в нерешительности отступил на несколько шагов.

– Послушай меня, Стен...

– Нет, нет, никаких переговоров. Мне необходимо уйти.

Пот стекал с Жилья крупными каплями. Я прекрасно понимал, о чем он думает. Он женат, и, возможно, у него есть дети. Если он меня задержит, то его обязательно сделают детективом. Ему нравится ходить в гражданской одежде. И наверняка он уже обдумал, на что потратит прибавку к жалованью. Но, если я уйду, для него все будет кончено. И, судя по расстоянию между нами, маловероятно, что кто-нибудь из нас промахнется. Я снова двинулся вперед и тем самым заставлял его отступать к двери холла. Большая капля пота скатилась со лба и упала ему на нос.

– Ради всего святого... – умоляюще прошептал он.

Отступив еще на несколько шагов, он наткнулся на кресло и неожиданно упал. Раздался нечаянный выстрел, и пуля угодила в потолок. Раньше чем он успел прийти в себя, я бросился на него и врезал ему левой рукой в челюсть. Завопив, он свалился под кресло. Моя левая рука после удара вновь закровоточила. Я попытался остановить кровь и взглянул назад. С глазами, округлившимися от ужаса, ночная дежурная забилась в уголок своего закутка и усиленно названивала по телефону в центральный комиссариат.

– Полиция! На помощь! Герман Стен в холле!

Я взглянул на Жилия и задумался. Итак, я снова провинился. Что-то будет потом? Ведь не его разыскивают по обвинению в убийстве... Жилия могут обвинить лишь в том, что он не воспользовался благоприятной ситуацией и не задержал меня. Мне же надо думать о Пат. И о городе, этих джунглях из железа и бетона, в которых я должен скрываться, в этих джунглях, где организована охота на человека, охота за мной...

Я открыл входную дверь и быстрыми шагами вышел в ночь.

Глава 14

Заведение, которое держал Хими, было похоже на обычные турецкие бани со всеми их атрибутами, с теми же пьяницами, которые приходили, чтобы протрезветь и отправиться на работу или домой скандалить с женами. Некоторые входили шатаясь, а выходили более или менее твердо держась на ногах. За обитой чем-то мягким дверью в двух маленьких кабинетах, разделенных между собой узким коридором, помещался вытрезвитель, обслуживаемый двумя симпатичными женщинами. Они ничем не брезговали и всегда были готовы на все. Все, для облегчения клиентов. И это в половине пятого утра после работы в течение ночи. Я послал их ко всем чертям.

Растянувшись в темноте, я пытался немного прийти в себя и все осмыслить. Мне очень хотелось бы знать, что все это означает. Удар был подготовлен и нанесен большим мастером своего дела. Невозможно было представить, чтобы кто-то мог ненавидеть меня до такой степени. Да, это нельзя объяснить ненавистью. И ни у кого нет оснований мстить Пат. Данная комбинация обойдется ее автору очень дорого! Они подготавливали ее в течение шести месяцев. За всем этим кроется какая-то махинация, уж в этом-то я не сомневался. Кери был всего лишь жертвой. Вероятно, он рассчитывал погреть на этом руки, а схлопотал пулю. Рег Хоплон и Мира просто воспользовались им как инструментом.

Хими – веселый еврей высокого роста. Его рост решительно превышал шесть футов, а вес явно перевалил за двести футов. Чуть слышными шагами он подошел ко мне и приподнял занавеску.

– Ну, как дела, Герман?

– Чувствую себя гораздо лучше.

И это было правдой. Полчаса, проведенные в парилке, и еще полчаса, отданные массажу, проделанному ловкими и умелыми руками Хими, сделали свое дело. Он включил настольную лампу в моей кабинке, положил на стол кипу газет, придвинул все это к кушетке, положив сверху большой коричневый мешок.

– Сначала нужно поесть, почитаешь потом. Когда желудок доволен, мир кажется веселее.

Хими всегда в курсе всех событий. Когда-то я оказал ему несколько услуг – еще в то время, когда был простым полицейским. Я помог ему избавиться от опасной компании и найти работу. И вот теперь он хозяин турецких бань и делает хорошие дела. Женится он на девушке этого квартала. По сути дела, он никогда не был настоящим преступником. Это был простой парень, умирающий от голода.

Я с интересом разорвал мешок. В нем оказались четыре огромных сандвича и бутылка бурбона. Я был рад, что это не ром. До конца своих дней я не буду пить эту гадость. С огромным аппетитом я набросился на сандвичи. Уничтожая ветчину с яйцами, я обратился к Хими:

– Ты очень рискуешь, скрывая меня здесь.

Хими проверил состояние вентиляции, потом поправил махровое полотенце, в которое я был запеленут.

– Будь они все прокляты, эти флики! Я, конечно, не говорю о присутствующих. Вы можете оставаться у меня хоть навсегда, если это вас устроит, Герман. Но, боже мой, какая суматоха! Газеты, радио, полицейские передачи... Судя по тому, что они утверждают, вы прямо факир-иллюзионист!

– А что ты сам об этом думаешь? – улыбнулся я.

– Вы сами это отлично знаете, – вздохнул Хими и удалился неслышными шагами.

Я открыл бутылку и сделал хороший глоток, чтобы запить сандвичи. У меня болело горло, и я с трудом проглотил огненную жидкость. Теперь я чувствовал себя лучше, теперь я смогу постоять за себя и за Пат. То, что я позволил себе так поступить с Жилем, оказалось каплей, переполнившей чашу. В настоящий момент все газеты, вероятно, поносят инспектора Греди. На него наверняка возложат ответственность за случившееся, присовокупив к нему и Джима.

Я развернул одну из газет. Сразу бросилось в глаза, что я теперь полностью заменил Пат. В газете красовался мой огромный портрет, чтобы всякий мог опознать меня при встрече. Некоторые места в статье были написаны особенно выразительно:

«...удрученный своей драмой, которую он мучительно переживает, Большой Герман, а он действительно был настоящим детективом, под влиянием навязчивой идеи хотел вырвать нужное ему признание из уст, которые теперь мертвы. Сходя с ума от горя и желая во что бы то ни стало доказать невиновность неверной жены, вина которой была совершенно очевидна...»

Весь столбец был в таком же духе. Я бросил эту газету и взял другую. На меня нападали все. Все, кроме Або Фитцела. После нашего с ним короткого разговора он, видимо, уверился в моей невиновности. Або обращал внимание на многие детали. На меня непохоже, чтобы я мог напасть на человека без сознания. Еще не получены результаты анализа, но, вне всякого сомнения, Симон был без сознания, мертвецки пьяный или усыпленный наркотиками, в противном случае соседи услышали бы крики. Затем Або перешел к Пат. Он сообщил, что хорошо знаком с миссис Стен, часто бывал у нас в гостях вместе со своей женой, и что чем больше он думает, тем меньше верит в ее виновность, и особенно в ее измену мужу.

Если бы Або был здесь, я бросился бы к нему на шею.

Я снова перечитал его статью. Она была довольно краткой. В ней трудно было за что-нибудь зацепиться. Все это были лишь предположения и догадки, но, во всяком случае, он встал на мою защиту. Я сказал ему о Рее Хоплоне, и, хорошо зная Або, я понимал, он сам захочет в этом удостовериться. Вполне возможно, что именно в этот момент он изучает этот вопрос. А

у этого парня знакомств и контактов больше, чем у пятидесяти фликов вместе взятых.

Но, к сожалению, Або единственный человек во всем Манхэттене, который выступил в мою защиту. Как раз под его статьей какой-то прохвост-репортер написал про интервью, которое он взял у Гретхен, запертой мною в ванной комнате. Не было ничего удивительного в том, что она наврала с три короба. Профессиональная лгунья! Она ожидала своего мужа, когда я ворвался в ее комнату. Остальное передавалось ее словами:

"Этот человек вошел в мою комнату, когда я спала.

Сперва я подумала, что это Ганс. Потом я увидела, что это не он, и мне стало страшно, когда я услышала шум внизу. Я слышала как кто-то сказал, что там лежит убитый. Я посмотрела на мужчину, стоявшего у моей двери, и, указав на него пальцем, сказала: «Там внизу полиция. Вы – убийца».

Тогда он наставил на меня револьвер и сказал: «Совершенно верно, это так».

...После этого, желая устроить себе неплохую рекламу, она рассказала, как я хотел оглушить ее, но она, благодаря своей физической силе и ловкости, взяла надо мною верх, что вынудило меня спастись через окно. Репортер даже не удосужился спросить у нее, как это получилось, что полиция обнаружила ее связанной и запертой. Была помещена даже фотография ее пеньюара, но без содержимого.

Надеюсь, что Пат не видела этой газеты.

Неожиданно я вспомнил о Мире, и меня чуть не стошнило сэндвичами. У меня было только одно оправдание: это не я захотел ее. Это она меня изнасиловала. И проделала это отлично – у нее была техника профессиональной проститутки. Я хватил еще порцию бурбона, спрашивая себя, чем она занимается в то время, когда не работает.

Не считая благожелательной заметки Або, единственное, что вызвало у меня интерес в газетах, это описание разговора с жильцами, квартира которых расположена этажом ниже квартиры Кери. Я прочитал три раза подряд, что там было написано. Весьма и весьма интересно!

"Чарлз Свенсон, страховой агент в отставке, и миссис Свенсон, пожилые люди, живущие этажом ниже квартиры жертвы, вновь подтвердили свое первоначальное заявление о том, что миссис Стен и была той молодой женщиной с рыжими волосами, которую они неоднократно видели поднимающейся к квартире жертвы. Продолжая упорно утверждать это, миссис Свенсон заявила: «Сначала мой муж и я думали, что, может быть, мы видели какую-нибудь другую женщину, похожую на миссис Стен, с такими же волосами и походкой...»

Мысль, уже вполне оформившаяся, впиалась в мою голову. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой... Все великолепно вписывается в один ряд с поведением Свенсона в комиссариате. А до того старый прохвост ухватился за возможность увидеть голую женщину. И жена его не лучше, чем он.

«Я очень огорчена, но это действительно та молодая женщина, – сказала она тогда без всяких колебаний. – Я отлично запомнила эту родинку».

И этот трюк – с угощением кофе и пирожками флика, дежурившего у комнаты Кери... Эти Свенсоны действительно изо всех сил старались быть в курсе дела. Но почему?

Моя мысль постепенно приобрела плоть и кровь. Когда я спросил Пат, что она сделала со своим зеленым платьем, она ответила: «Я его отдала. Да, теперь я вспомнила. Кто-то

позвонил и сказал, что они собирают вещи для Армии Спасения. И я отдала это платье и еще некоторые вещи, которые почти не носила».

Я спросил ее, не была ли это мисс Белл?

«Нет, – ответила Пат. – Я совершенно уверена, что это была не она. Это была очень приятная старая дама с седыми волосами».

Телефонная кабинка находилась в темном коридоре. Я на-шел монету, обвязал вокруг бедер полотенце и направился туда босиком. Я набрал телефон Фитцела.

Чирли сняла трубку почти сразу.

– Миссис Фитцел слушает.

– Чирли, это Герман.

– Как хорошо, что вы позвонили! – воскликнула она. – Я рада, что вы так приняли сторону Пат, Герман. Тот грязный тип другого и не заслуживал. Он, безусловно, напичкал ее наркотиками. Совершенно невозможно, чтобы Пат могла пойти на что-нибудь подобное.

– А почему вы так думаете, Чирли?

– Но ведь вы для нее Господь Бог, Герман. Она была так счастлива с вами! Поверьте мне, ведь я ее подруга. Женщины всегда очень много рассказывают друг другу, если они так дружны, как мы с Пат. И у нее никогда в жизни не было другого мужчины, кроме вас.

У меня до такой степени сдавило горло, что я с трудом мог дышать.

– Я вас обожаю, Чирли. И если мне удастся выкарабкаться из этой ямы, ждите от меня корзину цветов. Кстати, муж дома?

– Его нет. Кажется, он занимается делом, которое вы ему поручили. Это относительно Рега Хоплона.

Впервые за многие часы я ощутил себя почти здоровым.

– Отлично! Если Або позвонит вам, Чирли...

– Что?

– Скажете ему, чтобы он все хорошенько разузнал о Свенсонах. О соседях Кери. У меня очень странная мысль. Попросите Або выяснить в полиции нравов, не числится ли за ними что-нибудь предосудительное.

– Я все ему передам, как только он позвонит.

Я вернулся в свою кабину и постарался припомнить все, что мне было известно о прошлом Пат. Этого было очень мало. Ее прадед, Даниэль Эган, поселился в Бруклине сразу после войны штатов[1]. Тогда у него было немало земель, он был заметной фигурой в Нью-Йорке, но потом запил и почти все спустил. Пат часто мне говорила: «Если бы дед занимался делом, а не бегал за юбками, у Эганов и теперь были бы деньги». Но все повернулось иначе. И у отца Пат почти ничего не осталось.

Ее мать, закончив в Денвере колледж, приехала в Нью-Йорк и поселилась в Бруклине. Из родственников со стороны матери у Пат была только кузина, дочь сестры ее матери. Пат никогда ее не видела, но на Рождество они обменивались письмами и поздравлениями. Звали ее Ирис, она была примерно того же возраста, что и Пат.

Я обнаружил, что снова вспотел, и вытер лицо бельем. Оказывается, о прошлом Пат я знал не так уж и мало. Она говорила мне, что очень похожа на свою мать, за исключением цвета волос – его она унаследовала с отцовской стороны. Ее мать была блондинка.

Я еще раз глотнул виски. Отец Пат разорился во время большого кризиса в 29-м году, когда ей было четыре года. Два года спустя ее отец и мать погибли в авиационной катастрофе. Друзья семьи поместили ее в интернат, где она воспитывалась за счет государства. Хотя это и не совсем так. Директор интерната, старый бука, которого она называла плешивым Парком, заставлял ее работать. И в шестнадцать лет она убежала. Одна девушка, которую она знала по интернату, нашла ей работу. И в этот момент на сцене появился я.

Я оделся, так как не собирался провести тут остаток своей жизни. Меня искали всюду. Вот-вот они должны были появиться и у Хими – это был лишь вопрос времени.

Надев рубашку и пиджак, я завязал галстук. Пока мои товарищи еще не наложили на меня лапы, мне необходимо было увидеть старого плешивого Парка и просмотреть все документы, которые сохранились у него о Пат и ее родственниках.

Засунув револьвер в кобуру, я раздвинул портьеру как раз в тот момент, когда неожиданно прибежал Хими. Объяснений не требовалось: все было ясно и так. Греди развил бурную деятельность. Полиция хотела видеть Хими.

– Убегайте через задний ход, Герман, – прошептал он сквозь зубы. Быстрее. Два типа уже вошли в дом. И я почему-то уверен, что явились они сюда не для мытья.

Глава 15

Интернат для сирот – большое здание из красного кирпича, выходящее фасадом на улицу. Пат много раз показывала его мне, когда мы проезжали мимо на машине.

«Только посмотрю на него, и у меня дрожь пробегает по коже, – сказала она мне однажды. – А что касается старого плешака... лучше о нем не говорить. Мне просто повезло, что я вовремя и так удачно спаслась от его опеки».

В розовом свете зари этот дом выглядел вполне прилично. Обыкновенный дом, как и многие другие. Пока я смотрел на него, прозвенел звонок, и в окнах первого этажа зажегся свет. Я отошел от дерева, за которым прятался, перешел лужайку и обошел дом.

Дверь в котельную была заперта на ключ, но рядом с ней находилось полуоткрытое окно. Я проскользнул через него и очутился на бетонном полу. Здесь все пахло сиротским приютом: грязь на столах и остатки еды. Для большинства все это безразлично, но ведь речь идет о сиротах! Им дают то, что подешевле. И никогда не забывают предупредить, что если кто-нибудь пожалуется приходящему с инспекцией чиновнику, то будет наказан.

Пат рассказывала мне и об этом. И об удовольствии, которое получал старый плешивец, разглядывая старших девочек, когда они мылись в бане. Я нашел лестницу и поднялся по ней. Длинный коридор походил на госпитальный: он был плохо освещен и имел грустный вид. Когда я закрывал дверь на лестницу, то увидел девочку лет пятнадцати, которая спускалась со второго этажа, доплетая на ходу косу.

Я спросил ее, где можно найти мистера Парка. Она посмотрела в сторону вестибюля, пересекла холл и исчезла за одной из дверей. Я смотрел ей вслед. В этот момент снова раздался звон колокола, и неясное бормотание на первом этаже стихло. Теперь я понял, что

говорила мне Пат. Быть воспитанником этого заведения – все равно что находиться в тюрьме. Встают они по колоколу, замолкают при звуке следующего колокола, начинают молиться после третьего... И так все дни, однообразные и серые...

Я тоже пересек холл, дошел до двери, на которой была прибита дощечка с надписью:

"Мистер Ивер Парк

ДИРЕКТОР"

Я открыл дверь и вошел. За дверью находилось бюро, покрытое зеленым сукном, и около дюжины венских кресел. Здесь никого не было, но, судя по тому, что мне говорила Пат, комната Парка размещалась рядом с кабинетом.

В каждой стене было по двери. Я открыл одну из них и обнаружил что-то вроде зала заседаний с длинным столом посередине. Закрыв дверь, я принялся рассматривать металлические полки с ящичками возле стены. Ящички были расположены по алфавиту. Если документы на Патрицию Эган сохранились, то они должны находиться в ящичке на букву "Э". Я нашел соответствующий ящик и попытался открыть его, но он был заперт.

Пройдя через комнату, я прислушался возле двери напротив. Оттуда доносился характерный звук бритвы, скользящей по подбородку. Я открыл дверь и вошел в комнату: это была спальня. В ее глубине, в ванной комнате, плешивый мужчина, возраст которого подходил к шестидесяти, подбривал бороду. Я впервые увидел Парка, и с первого же взгляда он стал мне несимпатичен. Впечатление оказалось взаимным. Он испугался и порезал себе подбородок. Парк опустил бритву и возмущенно проверещал:

– Я не знаю, кто вы, но прошу вас немедленно покинуть помещение!

Я спокойно закрыл дверь позади себя.

– Вы мистер Парк?

В это время он прикладывал губку к порезанному месту.

– Да, а вы кто такой?

– Герман Стен. Муж Патриции Эган.

Мое имя как будто ничего особенного ему не говорило.

– А кто это?

– Патриция Эган.

Парк вновь занялся своим подбородком.

– Ах да, Патриция Эган! – На его лице было так мало растительности, что я с трудом удерживался от того, чтобы не выхватить у него бритву и не покончить таким образом с его бритьем. – Это та девица, которая не оценила того, что для нее сделали. Та девица, которая удрала от нас десять лет назад. Это та, о которой пишут во всех газетах, что она прикончила своего любовника.

Он бросил на меня взгляд поверх бритвы и спросил:

– Как вы сказали вас зовут?

– Стен, Герман Стен.

Парк неожиданно засуетился. Он молниеносно сложил бритву и сунул ее в карман.

– Господи! Выходит, вы бывший детектив, который убил вчера человека? Да? Вы действительно подходящая пара для Пат!

Он прополоскал губку, которой протирал свой порез, и снял ею мыло с лица.

– И что вам от меня надо, Стен?

Под плешивым черепом находились розовые щеки и глупое лицо. Чтобы разговор пошел поживее, мне пришлось вытащить из кобуры свой револьвер.

– Мне нужны кой-какие сведения.

– О чем?

– Для начала о Рее Хоплоне. По моему мнению, именно он организовал этот удар и финансировал его. Вероятно, он приходил к вам, чтобы получить информацию о Пат. А так как вы грязный негодяй и тому же жадный до безумия, то наверняка выговорили себе недурной кусок пирога.

– Вы сошли с ума!

Я приблизился к нему и закатил хорошую пощечину, ощутив при этом настоящее удовольствие.

– Нет, я не сумасшедший. Ты у меня заговоришь, сукин сын! Что именно Хоплон хотел узнать о Пат? Говори, пока есть чем говорить, иначе я отрежу тебе язык и заставлю проглотить его!

Лицо Парка все больше розовело, и он все больше походил на поросенка с двумя маленькими отверстиями вместо глаз. Но он продолжал упорствовать!

– Я не понимаю, о чем вы говорите!

Я переложил револьвер из правой руки в левую и сжал кулак.

– Придется освежить твою память...

Он стал совсем маленьким и прижался к стене. Я уже размахнулся, чтобы от души врезать ему, но вдруг он резко повернулся на каблуках: дверь в комнату отворилась и на пороге возникла Мира, очень светлая и красивая, вместе с Регом Хоплоном.

– Наконец-то, – сказала она, – наконец-то, вы все-таки здесь. Мы поджидали вас, начиная со вчерашнего вечера, мистер Стен, с того печального момента, как вы покинули меня. Я могу вам сказать одну интересную вещь.

– Какую?

– Для человека, у которого репутация активного человека, вы действительно очень активны.

Я взглянул на нее и покачал головой.

– Не такой уж я активный, моя цыпочка, и никогда не претендовал на это. Мне приходится делать свои дела не так, как хотелось бы.

– Что вы хотите этим сказать? – не поняла Мира.

– Он хочет сказать, что у него нет возможности отплатить нам с лихвой, то есть

воспользоваться силой, – заметил Хоплон.

Мира сделала вид, что находит все это очень забавным.

– Мне пришлось многое выдержать, но, учитывая то, что это принесет нам, можно вытерпеть и больше.

Она уселась на край кровати, закинув ногу на ногу и не смущаясь тем, что она при этом показывает.

– Вот так вы совершенно в своем амплуа. Не дальше как сегодня утром я подумал о том, какое ваше настоящее ремесло. У вас всего в избытке, моя курочка, когда дело идет о раздевании и об игре с застежкой-молнией.

Мира закурила сигарету.

– Мне кажется, что вы были вполне удовлетворены моей техникой, да и сами порядочно попотели. Все это зарегистрировано капитаном Пурвисом, и это неоспоримо.

– Возможно, что вам пришлось один или два раза действовать не совсем удачно, – заявил я.

– Ну так что ж, – вмешался Рег Хоплон, – это потому, что вы вынудили нас действовать необдуманно. Вы просто болван, Герман! А женщин в базарный день по копейке за дюжину. Вам надо было оставить Пат в покое и выкручиваться самому. Тогда бы вы не очутились в том положении, в каком пребываете сейчас.

Правая рука Рега находилась в кармане пиджака. Дуло револьвера выпячивалось круглой дырочкой. Что же будет дальше? Я держал свой револьвер наготове.

– В чем дело, Рег?

– В деньгах.

Мира с удовольствием выпустила клуб дыма.

– Теперь он в наших руках, – промолвила она. – Что мы с ним сделаем?

Хоплон ответил как уже о безусловно решенном деле:

– Мне кажется, мы отправим его в тень. – Он повернулся к Парку. – У вас есть тут маленькая, спокойная и непосещаемая комнатка?

Парк довольно прошипел у меня за спиной:

– У меня их несколько. Но почему бы не оставить его здесь? По крайней мере, тут его никто не найдет.

– Отличная идея! – поддержала его Мира.

Хоплон продолжал, как будто меня здесь не было:

– Даже его товарищи по бригаде уверены, что он прикончил Симона. Его жену обвиняют в убийстве. В настоящий момент он является объектом такой охоты, какой Нью-Йорк не видел уже лет двадцать. Что он может предпринять, этот слюнтяй? Что бы вы сделали на его месте?

– Утопилась бы в нужнике, – улыбнулась Мира своей шутке.

Хоплон был весьма доволен и продолжал развивать свои скудные мысли.

– Сегодня вечером или завтра рано утром, когда атмосфера немного разрядится, я вернусь с Беном или каким-нибудь другим парнем. А как обрадуется инспектор Греди, когда какой-нибудь флик, заглянув в стоящую не на месте машину, обнаружит Большого Германа с пулей во лбу и держащим в правой руке револьвер, из которого он застрелился, мучаясь угрызениями совести.

– Неплохо придумано, – хищно улынулась Мира.

Мне надоел их диалог.

– Во всем этом есть небольшая неточность, Рег, – заметил я.

– Какая?

– Я могу ее указать. – И я направил дуло револьвера на левую пуговицу его пиджака. – Прежде чем готовить жаркое, нужно сперва обмануть зайца и поймать его.

Молчание, последовавшее за моими словами, показалось мне плохим признаком. Вновь заболела спина. Я не видел Парка, но ни Хоплон, ни Мира ничуть не испугались. Они забавлялись от всей души. Я не мешал им, насколько у меня хватило терпения.

– Ну и что вы видите в этом смешного?

– Это револьвер, который был у вас, когда вы убили Симона? – поинтересовался Хоплон.

Я покачал головой.

– Убийца не я.

– Точно, – признался он. – Это я убил. Бедняжка Симон! Он, безусловно, признался бы вам во всем, если бы вы нашли его первым. Ему было так плохо, когда уложили Ника Казараса, несчастный! Так это тот револьвер, который находился в вашей кобуре?

У меня сразу пересохло в горле. Я был слишком издерган за последнее время, чтобы заметить, как это я обнаружил сейчас, что револьвер в моей руке легче, чем должен быть. После того как меня оглушили, после убийства Симона, Хоплон разрядил мой револьвер. То, что я держал в руке, было куском железа и ничем больше.

Я попытался соврать:

– Нет, он заряжен.

Мира внимательно посмотрела на меня.

– Он лжет. У него не было времени зарядить его или достать другой. – Она ласково погладила себя по груди. – Итак, вы не сожалеете, что отказались провести со мной веселую ночь, Герман? – Она расхохоталась. – Вместо того, чтобы бегать за мной по коридору... Если бы ты меня видел, Рег! Голая до невозможности, несусь галопом в дамскую комнату, спасаясь от этого неистового самца. Как же я радовалась, когда сумела захлопнуть дверь туалета перед его носом.

Я попробовал выиграть время.

– Что вы сказали фликам, когда они обнаружили вас голой в дамской комнате?

– Я им сказала, что вы признались мне в убийстве Симона, которого вы убили потому, что он

не хотел признаваться, что усыпил Пат. Я сказала им, что вы хотели спрятаться у меня и что я этого не хотела, тогда вы стали бить меня. – Она вновь расхохоталась как сумасшедшая. – А на случай, если вы расскажете эту историю с краской для волос и станете уверять, что я выдавала себя за Пат, я говорила им все это в костюме Евы. Это для того, чтобы капитан Пурвис и все остальные не сомневались, что я настоящая блондинка. Если бы ты видел, как я никак не могла застегнуть от волнения свою застёжку!

Хоплон тоже засмеялся. Парка не было слышно.

– Ладно, будем решать с ним. – Парк сделал паузу – вероятно, он взглянул на часы. – Мне уже пора быть в церкви и читать молитвы.

Хоплон достал из кармана револьвер и взял его за дуло, чтобы действовать им как дубинкой, и шагнул ко мне.

Я нажал на спуск. Раздался легкий металлический щелчок. Блондинка оказалась права. Да, не слишком умно с моей стороны. И мне еще повезло: я помешал Жилю задержать себя при помощи револьвера, который не был заряжен.

Хоплон ощутил привкус победы.

– Теперь вы конченный человек, Стен...

Я сделал шаг назад. Чувствуя, что кто-то копошится за моей спиной, я повернулся к Парку. Его полное, обрюзгшее от ужаса лицо, его отвратительная плешь вызвали во мне чувство гадливости к этому ублюдку. Он уже стоял с поднятым стулом, собираясь опустить его мне на голову. Я сумел отразить удар рукой, но Хоплон воспользовался этим моментом и ударил меня по голове револьвером. Я упал на колени. Следующий удар пришелся по лбу. Кровь залила мое лицо.

Отшвырнув в сторону уже ненужное оружие, я попытался подняться на ноги, но неожиданный удар ногой и страшная боль в животе окончательно уложили меня на пол.

– Не шевелись, мразь! – прошипела Мира. – Ты уже не существуешь, гаденыш недоделанный. Ты мертв!

И она снова ударила меня ногой.

Глава 16

Я валялся на животе с открытым ртом, прижатым к грязному ковру, глотая пыль, а вытекающая кровь уже образовывала маленькую лужицу. Никогда еще я так не страдал. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным. А ведь так просто было отступить от всего этого. Но, с другой стороны, изменить ничего нельзя, ведь я обещал Пат:

«Пока тебе придется все это пережить. А я, со своей стороны, сделаю все возможное, чтобы вернуть тебя домой. Так что ты должна крепиться, договорились?» – «Я поняла, – вздохнула Пат. – Теперь я буду спокойна».

Самые невероятные мысли роились в моей голове. Я смотрел на ковер, запятнанный моей кровью, но все, что я видел, это глаза Пат на ее бледном лице – блестящие, как звезды, и синие, как море. Я ее муж. Она рассчитывает на меня. Я обещал ей помочь.

Собрав все свои силы, я кое-как встал на четвереньки.

– Смотри, – завопила Мира, – этот подонок хочет подняться!

Хоплон вновь воспользовался револьвером, как дубинкой.

– Может, лучше совсем вышибить из него мозги?

– Нет, нет, только не здесь! – возразил Парк.

Я вытер кровь, заливавшую мне глаза, и взглянул на Хоплона. Чего он должен избежать любой ценой, так это шума. Он снова приблизился ко мне и поднял револьвер. Чтобы избежать удара, я пригнулся к полу и ударил его наугад снизу вверх. На мое счастье этот удар пришелся ему в пах. Он застонал и отшатнулся.

– Ты еще показываешь когти! – зарычал он.

С огромным трудом, широко расставив ноги, я встал и зашатался. Я не собирался изображать из себя героя, все герои уже умерли. Я лишь хотел немного удовлетворить свою жажду мести.

– Да, мои когти еще не затупились, и ты не подозреваешь, до какой степени, голубчик! Да, я попался на твою приманку, но это потому, что за мной охотятся флики!

У Хоплона кишка оказалась тонка. Ударить и оглушить лежащего или иметь дело с фликом, который не собирается сдаваться, – это не одно и то же. Такая работа не по нему.

Мира, вероятно, догадалась, о чем я думаю.

– Ты должен его добить, Рег!

Хоплон снова взялся за револьвер.

– Нет, нет, только не здесь, – умолял Парк. – Вы обещали мне, что не будете его убивать, и вообще никого не будете убивать. И вот уже три смерти.

Мне страшно хотелось, чтобы кровь перестала заливать глаза, потому что я вынужден был постоянно вытирать ее рукавом. Я вытер кровь еще раз и посмотрел на Хоплона: он что-то задумал. Переведя взгляд на Парка, я заметил, что директор приюта был не совсем доволен тем оборотом, какой приняло дело. Слишком много трупов. Он же был просто дрянной, порочный тип, но не убийца. Пока не ввязался в эту историю. Все его желания и интересы не шли дальше подглядывания за голыми девушками и приставаний к ним с гнусными намерениями.

Я прислонился к стене.

– Если вы не знакомы с законом, я напомню вам одну статью. Она гласит, что в штате Нью-Йорк содействие и помощь в преступлении карается так же, как и непосредственное участие в данном преступлении.

Парк дышал, как загнанный олень.

– Уведите его отсюда. Вы обещали устроить так, как будто он сам покончил с собой. Вы сказали, что оставите его в какой-нибудь машине на улице.

Я повторил свой афоризм:

– Сперва нужно убить зайца, а уж потом делать из него жаркое.

Взгляд Холпона перешел на телефонный аппарат, стоявший у изголовья кровати.

– Ну же, парень, – усмехнулся я, – позвони-ка своему шефу. Может, он даст тебе полезный совет. Скажи ему, что ты держишь быка за хвост, а он тебя не отпускает. Быка, который уже был ручным, – некоего Германа Стена.

После всех наших потасовок мой револьвер оказался лежащим на середине комнаты. Хоплон поднял его и кинул на кровать. Туда же он бросил и патроны.

– Ты умеешь заряжать? – спросил он у Миры.

– Да.

– Тогда займись этим.

Она взяла с кровати револьвер, патроны и зарядила его.

– А что теперь?

Хоплон нервно облизал губы.

– Вы сами этого добивались, Стен. И вы были правы. Как я вам уже сказал, вы лично нас не интересовали. Нам была нужна ваша жена, и мы ее получили. Но надо же было вам сунуть нос в наше дело! Вы считали себя обязанным доказать ее правоту.

Он поднял руку. Я оттолкнулся от стены и полетел на него. Страшная боль пронзила мое тело, но мне все же удалось упасть на него, и я изо всех сил стал колотить его по лицу и по голове. Его нос сразу же оказался разбитым.

– Боже мой! – всхлипнул он, отшвыривая свой револьвер. – Возьми и стреляй! Стреляй в него скорей!

Мира злобно выругалась.

– Я и хочу это сделать.

Я воспользовался Хоплоном, как щитом. Мира держала палец на спусковом крючке. Парк, по-видимому, решил не вмешиваться. Он направился к двери, чтобы, возможно, помолиться за упокой моей души. На секунду я перестал бить Хоплона и вытянул ноги, чтобы помешать ему выйти. Именно в этот момент Мира нажала на курок и стреляла до тех пор, пока не выпустила все пули.

На меня лишь посыпалась штукатурка. Парк дотронулся пальцем до своей груди: на ней появилось маленькое красное пятнышко, которое очень быстро увеличилось в размерах. Колени плешивого старца подогнулись, и он уселся на пол.

Я продолжал заниматься очень приятным делом – колошматить Хоплона. Он заорал и стал звать на помощь. В дверь постучали. В холле раздались детские крики. Чей-то детский голос спросил:

– Мистер Парк, вы живы?

Я бросил быстрый взгляд на Парка. Он сидел, прислонившись к стене. Кровавое пятно уже расплзлось по всей груди. Мира набросилась на меня и стала царапать мое лицо ногтями, пытаясь освободить Хоплона. Я оттолкнул ее небрежным движением руки.

– Вставай в очередь, малышка. И на этот раз ты скажешь все, о чем тебя спросят.

Шум в холле усилился. Теперь уже стали барабанить в дверь спальни. Одним ударом я отбросил Хоплона к двери, он слету открыл ее и в панике бросился бежать. Я не стал мешать ему: я понимал, что в таком состоянии он далеко не убежит. Ему необходимо срочно обратиться к врачу – я изрядно его изметелил. Девочка, которую я встретил в холле, смотрела на меня округлившимися глазами.

– Можно я позову полицию? – спросила она.

– Вызови, моя дорогая.

Девочка быстро убежала. Я закрыл дверь и запер ее на ключ. Мира попыталась убежать, но тщетно – роли переменялись.

– Ну что же ты, красавица-блондинка, – проронил я и закатил ей такую пощечину, что она отлетела к стене. – Ты уже давно должна была убраться отсюда. Лучше бы ты вернулась в Голден в Колорадо. Ну давай, выкладывай все, Ирис.

Дети, собравшиеся в холле, так шумели, что нам трудно было слышать друг друга. С таким же успехом можно разговаривать в вольере во время кормления птиц. Она невольно прикрыла рот рукой.

– Как вы меня назвали?

– Я назвал тебя Ирис. Ты единственная родственница Пат. Ты ее кузина из Голдена. Итак, что же ты хотела отнять у Пат? – Я снова влепил ей пощечину, сперва ладонью, потом тыльной стороной руки. – Что у нее есть такое ценное, из-за чего Рег и его свора прикончили уже трех человек?

– Я не понимаю, о чем вы говорите?

– Ты не красилась в рыжий цвет? Ты не выдавала себя за Пат?

– Нет!

– Ты не была любовницей Кери в течение шести последних месяцев? Так?

– Не была.

– Ты не подкинула вещи Пат в квартиру Кери? И не ты оставила сумочку у Эдди Гюнеса?

– Нет.

– Это не ты подделала телефонные счета, чтобы я был тебе благодарен? Не ты использовала свое соблазнительное тело-, чтобы увлечь меня? Разве не ты, образно выражаясь, изнасиловала меня, надеясь, что я забуду обещание, которое дал Пат?

Красивая блондинка, которую я знал как Миру Белл, побледнела. Кровь отхлынула от ее лица.

– Нет, я сделала это потому, что вы мне нравились.

Я схватил ее за платье и потряс. Тонкий материал сразу же разорвался. Она не носила бюстгалтера и поэтому спешно отступила, прикрывая руками грудь. Да, теперь она уже не ломала комедию. Она плакала. Вероятно, она решила, что я придушу ее, если она не заговорит. И была недалеко от истины.

– Поверь мне, Герман, это не моя идея. Он сам приехал ко мне в Голден и предложил это дело.

Чего же я достиг? Кровь заливала мне глаза. Я прислонился спиной к стене и вытер рукавом глаза. А она все пятилась от меня к двери. Она почти достигла Ивера Парка, который все еще сидел на полу и у которого через рану в груди вместе с кровью выходила жизнь.

Тут я опомнился. Я вспомнил о револьвере, который отбросил Хоплон, но было уже поздно. Она нагнулась и попыталась его подобрать, но ее опередил Парк.

– Нет, – прохрипел он почти беззвучно.

Она с трудом выпрямилась и обратилась к нему, как к ребенку, который не слушается старших:

– Дай мне этот револьвер, Ивер.

– Нет, – простонал он, слабо покачивая головой.

Я шагнул вперед.

– Тогда отдайте его мне, старина.

– Вы мне нравитесь не больше, чем она. – Потом он посмотрел на нее. – Зачем ты сделала это? Ты убила меня...

– Нет, дорогой мой, я сделала это не нарочно. Это несчастный случай. Умоляю тебя, отдай мне револьвер!

Она протянула руку, но Парк оттолкнул ее дулом револьвера.

– Нет. – Этот жест усилил поток крови из раны. – Хоплон и ты обещали мне, что я буду богат. Вы мне лгали.

Блондинка облизнула пересохшие губы. Она ничего не могла ему предложить, кроме самой себя. Она стала срывать с себя остатки платья. Все ее одежда состояла теперь только из прозрачных трусиков, не скрывавших ее прелестей, которые я однажды отдал. Она прошла по комнате, стараясь постыдными телодвижениями привлечь взгляд умирающего.

– Ты еще сможешь разбогатеть, милый, – бормотала она – Ты и я. Нам никто не помешает, кроме Стена. Я умоляю тебя, дай мне револьвер! Ты сможешь делать со мной, что захочешь.

Она нагнулась к нему и, касаясь его лица обнаженными грудями, попыталась отобрать у него оружие.

– Проклятая! Исчадие ада! – Из последний сил прошипел Парк и выстрелил в нее три раза.

Я услышал знакомый звук, похожий на чмокание, когда пули впиваются в тело. Она пошатнулась, стараясь сохранить равновесие, и свалилась на кровать, на которой и осталась в сидячем положении.

– О нет, – прошептала она, – только не это...

Голос у нее стал вдруг тонкий, как у маленькой девочки, которую наказали. Она прижала руки к животу, зажимая рану. На какое-то время ей удалось остановить кровь, но вскоре она просочилась сквозь пальцы.

– О нет, только не это...

Я взглянул на Парка. Усилие, которое он затратил, нажимая на спуск, доконало его. Он окончательно перестал существовать для маленьких девочек. И для больших тоже. Тело его

согнулось в предсмертных конвульсиях и навсегда замерло. С того места, где я находился, его плешивая голова стала похожа на пасхальное яйцо, спрятанное между ног. Я взял у него револьвер, поставил его на предохранитель и подошел к кровати.

Ирис дышала тяжело и с трудом. Ее дыхание вырывалось со странным шумом. Кроме этого звука, ничто не нарушало тишину. Удары в дверь прекратились, и девочки смолкли. Больше никому будет склонять их к половым извращениям и другим гнусностям, к которым имел склонность директор приюта Парк.

Где-то вдалеке послышалось, или мне показалось, что я слышу, завывание полицейской сирены.

– Тебе очень больно, малышка?

Она подняла глаза, на которых выступили слезы, и шепнула:

– Да.

– Ты хочешь, чтобы я осмотрел тебя и попробовал остановить кровь?

– Если я отниму руки, мне конец.

Я устроился рядом с ней, поглаживая ее по голове.

– Что же все-таки случилось, Ирис? Как спасти Пат?

Ее синие глаза померкли. Она все время облизывала сухие губы. Сейчас она походила на змею, голова которой попала в капкан, и она ищет возможность в последний раз выпустить яд.

– Слушай меня, – ответила она наконец. – Эстакада № 15. На полдороге в направлении на восток, в секторе 40, зона 63 Аннекс, Гауванус Ви.

– Это на восток от Массажерис Эри, там где находится главный промысел?

Она утвердительно кивнула головой. Я повторил, как попугай, слова, которые она произнесла, но они мне абсолютно ничего не говорили. Я закурил сигарету и сунул ее в губы Ирис.

Она затаилась осторожно, как будто не была уверена, что ее легкие в порядке.

– А потом? Я ведь больше ничего не знаю.

– Ты найдешь, – с трудом ответила она.

Я просунул руку и обнял ее за талию, чтобы немного приободрить несчастную девушку.

– Сожми меня покрепче, – простонала она. – Я боюсь, Герман.

Что я мог ей сказать? Что все мы умрем раньше или позже?

Она ведь думала только о себе.

Ее взгляд встретился с моим.

– Ты меня ненавидишь, да?

Я попытался немного приободрить ее:

– Нет, этого я не могу утверждать.

Ее голос стал почти беззвучным:

– Докажи мне это. Я очень боюсь. Поцелуй меня, прежде чем я умру, Герман.

В конце концов я ведь спал с ней и делил любовь. Я поцеловал ее в последний раз. Ее губы прильнули к моим, и она отняла руки от живота. Окровавленные пальцы одной руки она запустила в мои волосы, другой рукой схватила с подушки револьвер.

– Чтобы уйти не одной, – на одном дыхании проговорила она.

Прижав револьвер к моему животу, она нажала на курок, но выстрела не последовало.

Я отобрал у нее оружие и бросил его на подушку.

– Ни на секунду не сомневался, что ты попробуешь нанести мне этот удар, малышка. Поэтому я и поставил его на предохранитель. Убийство тоже ремесло – его надо изучить.

Жало змеи снова высунулось из ее губок:

– Подонок, грязный подонок... – прошептала она. – Если бы ты не вмешался в это дело со своей дурной башкой...

Дрожь пробежала по ее телу. Она собрала все силы, чтобы пробормотать:

– Жаль... без тебя... жаль...

Я отпустил ее и выпрямился, мысленно сняв шляпу.

– Прощай, крошка. Мир праху твоему!

Я произнес это совершенно хладнокровно, без малейшего сожаления. Как флик. Думая о том, что она сделала с Пат. Думая о том, что она сделала мне.

Блондинка нагнулась и медленно повернулась в предсмертной агонии. Я брезгливо отстранился, чтобы она не задела меня. Она завалилась на спину и попыталась плюнуть в меня, но захлебнулась кровью, которая подступила к ее горлу. Раздался короткий всхрип, она содрогнулась и испустила последний вздох.

Вой сирены приближался. Сейчас рыбаки найдут свою золотую рыбку. Теперь мое сопротивление ни к чему не приведет. Я дошел до конца своего пути. Мне оставалось только ждать, когда постучат в дверь.

Я опустил взгляд на блондинку, которую раньше называл Мирой, и почувствовал себя несколько неловко. Прозрачные трусики, залитые свежей кровью и неподходящая одежда для молодой девушки, которая уже, вероятно, предстала перед Высшим судом. Кстати, мне было бы неприятно, если бы и флики увидели ее в таком виде. Слишком уж мало на ней одежды.

Я сорвал с постели простыню и накрыл бедняжку, произнеся при этом:

– В добрый путь, малышка. Когда-нибудь встретимся, и лучше позже, чем раньше.

После всего что случилось, кто я такой, чтобы бросать в нее камни?

Чарлз-стрит совсем не изменилась. Там по-прежнему пахло комиссариатом. Я посмотрел наружу через зарешеченное окно туалета. Вновь наступила ночь. Влюбленные и просто прохожие сидели на серых и красных камнях. Мы тоже делали так: Пат и я. То тут, то там включались и выключались фонари, загорались и темнели окна в домах. Порядочные люди занимаются любовью со своими женами или кормят своих младенцев.

Маленькие люди, которые вкалывают на работе и живут с одним мужем или женой всю жизнь. Эти люди никогда не видели и не увидят в газетах своего имени.

Да! Говорят, что так происходит все время: триста шестьдесят пять вечеров в год. В больших отелях и в маленьких гостиницах, на задних сиденьях машин, в канавах, в конторах, в нищенских кварталах и в шикарных домах. Ведь в Нью-Йорке проживает восемь миллионов жителей.

Джим Пурвис вошел в комнату в тот момент, когда я натягивал свой пиджак.

– Как дела, старина? – спросил он.

– Пока неважно.

Я посмотрел на себя в зеркале над умывальником. У меня уже был Монт, он принес чистую рубашку и другие вещи, чтобы я мог переодеться. Один из санитаров-полицейских сделал все, чтобы облегчить мне боль от моих ран и ушибов. Но, несмотря на опрятный вид, моя физиономия все же выглядела так, как будто ее пропустили через мясорубку.

Вошел Або, чтобы вымыть руки. Он никогда не любил молчать, а сейчас говорил еще быстрее, чем обычно. Проходя мимо меня, он сильно шлепнул меня по заду.

– Итак, этот проклятый упрямец опять выиграл дело, не так ли, Джим?

Но Джим был не очень-то в этом уверен и ничего не ответил. Я осведомился у Або, привел ли он типа из страхового общества.

Або довольно потирал руки.

– Я притащил самого директора, а он привел с собой двух служащих, которые захватили столько регистрационных документов, что можно произвести опись всей поземельной собственности в Бруклине.

– Ты готов? – спросил Джим.

– Да, – буркнул я и последовал за ним по коридору в кабинет капитана Карвора. Официально я все еще находился под арестом. Справа от меня шел Монт, слева – Корк.

В кабинете собрались те же люди, которые присутствовали при аресте Пат. Я застыл возле стола, за которым сидела Пат, и положил ей руки на плечи.

– Еще немного терпения, любимая, мы вместе отправимся домой.

Ее прекрасные глаза наполнились слезами.

– Это правда, Герман?

Я нагнулся, чтобы поцеловать ее влажные глаза.

– Правда...

Розовые щеки помощника прокурора Хаверса еще больше порозовели.

– Очень трогательная сцена, – заявил он. – Но не могли бы вы подтвердить ваши оптимистические высказывания некоторыми доказательствами и тем оправдать ваше сегодняшнее поведение.

Я закурил сигарету и презрительно взглянул на него.

– Вас мучает, мой дорогой, то, что вы оказались перед фактами, подтверждающими правдивость истории, но вы не знаете, с какого конца за нее взяться. Но если вы желаете понять ее, я помогу вам разобраться в этом деле и осветить некоторые детали.

Хаверс не произнес ни слова.

Я прошел в глубину кабинета к носилкам, лежащим на двух стульях, и приподнял простыню. Парни из лаборатории немало потрудились над Ирис. С замазанными веснушками и с волосами, выкрашенными в рыжий цвет, она походила на Пат, как двойник.

Греди, так же как и Джим, не был уверен до конца. Старик сидел верхом на стуле в углу кабинета.

– Итак, пора кончать это дело.

Я спросил у Джима, поймали ли Хоплона.

– Три часа назад, – сообщил он.

– И моя бляха оказалась, конечно, у него?

– Совершенно верно. – Джим держал ее на ладони. – Ее нашли у него в кармане вместе с деньгами.

Я решил немного рассказать о Хоплоне, допустив при этом маленькую ложь. В конце концов, все могло случиться и так.

– Ладно. Чтобы внести ясность в это дело, я скажу, что Хоплон вытащил ее у меня в номере Симона в отеле «Бендиг», после того как оглушил меня и убил Симона.

– А зачем Хоплон убил Симона? – осведомился Греди.

– На это есть две причины. Во-первых, он хотел свалить это убийство на меня. Но вторая и основная причина та, что Симон, убив Ника Казараса, когда тот искал его, был в панике. И Рег опасался, что Симон проболтается. Он боялся, что тот признается, что подсыпал наркотик в кока-колу Пат.

– Какой наркотик?

– Ну, это выяснят парни из лаборатории. Но одно совершенно ясно, речь идет об очень редком наркотике, почти не оставляющем следов, как это было с Пат, когда ее стошнило в квартире Кери. Итак, что мне было делать.

Джим рассматривал бляху, которую держал в руке. Греди протянул к нему руку и произнес:

– Я хочу держать ее пока при себе. – Затем он посмотрел на меня исподлобья и добавил: – Продолжай, Герман.

Наконец, я вновь стал Германом, а не детективом Стеном. Я тщетно искал среди присутствующих знакомое лицо.

– А мистер Майерс здесь присутствует?

– Я здесь, – встал хозяин закусочной.

Я указал ему пальцем на носилки.

– Мистер Майерс, посмотрите, пожалуйста, на эту женщину и скажите, узнаете ли вы ее?

Майерс взгляделся в лицо на носилках, после чего его удивленный взор перешел на Пат.

– Я поклялся бы на Библии, что это миссис Стен, но это невозможно.

– Совершенно с вами согласен. Это действительно невозможно.

Я вызвал Эдди Гюнеса.

– А теперь ваш черед, Эдди.

Гюнес посмотрел на девушку с той же реакцией, что и Майерс.

– Черт возьми, неудивительно, что я тоже принял ее за миссис Стен. Конечно, я узнал ее. Эта женщина приходила ко мне вместе с Кери. А кто она такая?

– Это некая Ирис Джемс, кузина Пат, дочь сестры ее матери. Натуральная блондинка. Родилась в Голдене, штат Колорадо.

– Моя кузина Ирис? – подскочила Пат.

– Да, это она, Пат. Когда ты видела ее в последний раз?

– Я никогда ее не видела. Мы изредка переписывались, но никогда не встречались.

Я тут же поправил ее:

– Ты ее видела и часто с ней разговаривала. Но ты ее не узнала, потому что она была блондинкой с веснушками и называлась Мира Белл.

Пат так и осталась с открытым ртом.

– Одна из телефонисток нашего дома?!

– Совершенно верно. Она устроилась туда, чтобы лучше выяснить наш образ жизни и наши привычки. Этим и объясняется, что ни ты, ни я ни разу не столкнулись с ней, когда она выдавала себя за тебя. Ирис отлично знала, где находится каждый из нас в тот или иной момент времени.

Я повернулся к инспектору Греди.

– А вы... сэр? – я нарочно сделал паузу, прежде чем сказал «сэр». – Вы заявили мне, что встречали Пат в компании с Кери и не один раз...

Греди не нужно было смотреть на носилки с трупом. Он видел ее до и после работы лаборантов. Старик развел руками.

– Выходит, и я ошибался.

Я постарался пролить бальзам на его старое сердце.

– Она обманула вас, так же как и меня, я многих других. Но хуже всего она поступила с Кери.

Она совершенно извела его. Он считал себя шикарным парнем, который посягнул на собственность большого и злого детектива, а на самом деле играл в любовь с неизвестной женщиной, которая только и мечтала убить его, чтобы выполнить задуманное и отправить Пат на электрический стул. Ирис знала это с самого начала. Вполне возможно, что это придавало особую пикантность их интимным отношениям.

Я закурил следующую сигарету от окурка, который стал жечь пальцы.

– И так происходит с девятью людьми из десяти. Все считают себя очень хитрыми. Так как Пат была моей женой, они боялись просто убить ее, и тогда возникла их гениальная идея. Они устроили представление: якобы Пат любовница Кери и она убила его, потому что он хотел ее бросить. Они считали: я приду в такую ярость, что мне все станет безразлично и я не буду вмешиваться в это дело. Они рассчитывали, что гнев помешает мне рассуждать спокойно. И действительно, могло произойти именно так.

Я глубоко затянулся дымом, не спуская взгляда с инспектора Греди.

– Весь день на все лады вы кричали о мотиве преступления. Понятное дело. Теперь я знаю этот мотив и расскажу вам о нем. Вся история началась не так давно, с одного открытия, сделанного одним из здесь присутствующих. Этот человек, роясь в старых бумагах, наткнулся, можно сказать, на золотую жилу. Но самое неприятное заключалось в том, что эта жила принадлежала не ему.

– А кому?

– Пат! Во всяком случае, она единственная имела на нее права. Тогда этот человек нашел Ивера Парка, директора приюта, в котором воспитывалась Пат, и они, посмотрев бумаги, обнаружили, что у нее есть кузина. Оказалось, что это ее единственная родственница. Но вся эта афера требовала много времени и стоила немалых денег. Вот почему они привлекли к делу Рега Хоплона – чтобы он финансировал мероприятие. Он вылетел в Денвер, чтобы получить согласие Ирис на участие в этой игре. И ему не пришлось долго ее уговаривать. Она прилетела в Нью-Йорк вместе с Хоплоном и проработала несколько месяцев в качестве телефонистки нашего дома. Она точно подобрала краску для волос, и иногда выдавала себя за Пат. И все это, чтобы подвести к тому, что случилось вчера вечером. Когда все уже было подготовлено, Ирис заставила Симона усыпить Пат, а старая и очень приятная дама, случайно оказавшаяся в баре, помогла Пат выйти и посадила ее, потерявшую сознание, в свою машину. После короткой поездки они перенесли Пат в квартиру Кери.

Я заметил, что грудь Пат бурно колыхается в такт дыханию.

– Ну конечно, теперь я вспоминаю. Я почувствовала себя совсем обессиленной, и какая-то старая дама...

– ...повела тебя на свежий воздух, – закончил я за нее. – Ты не узнаешь ее среди присутствующих, дорогая?

Пат внимательно оглядела всех сидящих в кабинете.

– Ну да, я узнаю ее. Вон та дама с седыми волосами. – Пат удивленно раскрыла рот. – Но ведь именно ей я отдала свои ненужные вещи! Миссис Свенсон!

Старушка подняла голову и с негодованием выпрямилась.

– Вы ошибаетесь, милочка. Я пришла сюда только потому, что сопровождаю своего мужа.

– Ну конечно! – перебил я ее. – По требованию капитана Пурвиса. И дело обстоит так, что вы скоро потребуетесь своему мужу.

– Почему? – спросил Свенсон.

– Потому что вы убийца. Это вы тот тип, который обнаружил золотую жилу. Это вы влезли по пожарной лестнице, убили Кери, а потом первый же подняли тревогу. – Я приблизился к Свенсону, схватил его за ворот и заставил встать. – Ну, вставай и признавайся, мерзкая скотина! Все остальное я еще могу как-то переварить, но когда я думаю о том, что ты сделал с Пат, мне хочется раздавить тебя под прессом! Пат была совершенно беззащитна, и ты не смог удержаться и доставил себе гнусное удовольствие. – Я стукнул его головой об стену. – Ты овладел ею, когда она находилась без сознания.

Пат покраснела и спрятала лицо в руках.

Я еще раз потрянул эту гнусную тварь. С каким наслаждением я размазал бы его по стене, но мне этого не позволят, а жаль! Я постарался овладеть собой.

– И кто же, как не вы, предупредили Хоплона, что вышло не совсем так, как вы ожидали, и вместо того, чтобы ослепнуть от ярости, я поднялся на защиту чести Пат. Вот поэтому вы следили за мной с того момента, когда я покинул Чарлз-стрит и остановился на Таймс-сквер, чтобы попросить Ника Казараса помочь мне найти Симона.

– Глупые выдумки, – пробормотала миссис Свенсон.

– Чудовищная ложь! – возмутился мистер Свенсон.

– Нет, это не выдумки, – возразил Або Фитцел. – Я навел о вас справки и выяснил, что вас пять раз привлекали к ответственности. Это сообщили мне в отделе нравов. Вероятно, именно тогда вы и познакомились с Регом Хоплоном. Вас интересовали курочки высокого пошиба.

Миссис Свенсон застонала. Я спросил присутствующих, здесь ли представитель страховой компании. Со своего места поднялся сухощавый человек среднего роста. Або познакомил нас:

– Мистер Липкин, детектив Стен.

Мы пожали друг другу руки.

– Рад познакомиться с вами, – улыбнулся он.

– Я тоже. Скажите, вы знаете Свенсона?

– Не под этим именем. Тогда он называл себя Стерлинг, в те времена, когда работал у нас. Мы уволили его несколько лет назад...

– По какой причине?

– За подделку в отчетах.

Я раздавил сигарету и спросил:

– Я могу задать вам один вопрос, мистер Липкин?

– Конечно.

– Вы произвели проверку описи поземельной собственности, о которой вам говорил Або?

– Да. Четверо моих служащих потратили на это целый день.

– А что означает: эстакада № 15, на полдороге по направлению на восток, в секторе 40, зоне 63 Аннекс, Гауванус Ви?

– Это касается участка земли, приблизительно с полгектара, которая принадлежала некогда фирме Эгана. Там расположены и основные строения фермы.

– И кому это все принадлежит?

Улыбка Липкина стала откровенно насмешливой.

– По правде говоря, боюсь, я не смогу назвать настоящего владельца поместья.

– Почему? Скажите об этом инспектору Греди.

– Потому что он есть и его нет. Я говорю о настоящем владельце земли. Я сам лично проверил все акты передачи и наследования и должен признаться, что вследствие ошибки, вкравшейся в запись, сделанную в 1879 году, собственность, о которой идет речь, оказалась приписанной владельцу соседнего участка. И до сего времени об этом никому не было известно.

– Значит, в действительности эта земля никому и никогда продана не была?

– Нет никаких доказательств, что эта сделка была совершена.

– Другими словами, это поместье принадлежит наследникам Эгана?

– Вне всякого сомнения!

– И какова стоимость этой земли?

Мистер Липкин почесал лысину и откровенно рассмеялся.

– Это трудно сказать, мистер Стен, но как представитель адвокатской фирмы «Эрис», я был бы счастлив иметь клиентами наследников Эгана, не считаясь ни с какими затратами и трудностями, связанными с восстановлением их законных прав.

Я повернулся к Греди.

– Как, по-вашему, инспектор, дело теперь прояснилось?

– Похоже на то, – признался он. – Если бы Пат перестала существовать, все ее права перешли бы к Ирис.

Он потряс мою бляху и протянул ее мне. Я небрежно сунул ее в карман.

– Благодарю вас, сэр.

И тут же взял Пат под локоток, ощутив тепло ее тела.

– Теперь все, моя любовь. Давай исчезнем отсюда и направимся в наше гнездышко.

– Но послушай, Герман, есть еще целая куча вопросов, – запротестовал Джим.

Я выложил ему все одним духом.

– Хорошо, если ты такой нетерпеливый. Симон убил Ника Казараса, а Хоплон – Симона. Ивера Парка пристрелила Ирис, но случайно. Перед смертью Парк успел застрелить Ирис, но уже не случайно. Ирис пыталась убить и меня, но у нее сорвалось. Ну, про Свенсона все

понятно. Что тебе еще надо? Чтобы я все завернул в пакет и перевязал красивой ленточкой?

Джим рассмеялся.

– О'кей, Герман, убирайся. Полагаю, теперь мы справимся и без тебя.

Я вышел вместе с Пат в ночь, которая пахла весной. Спустившись вниз, я заметил, что она плачет.

– Забудь про все, моя любовь. Будем вести себя так, будто ничего не случилось.

Отойдя на несколько шагов в сторону, я снова приблизился к Пат и снял шляпу, как будто мы встретились впервые.

– Добрый вечер, малютка!

Глаза у Пат заблестели, как звезды на ночном небе после освежающего дождя.

– Вот как, полиция! Салют, дружок!

Она протянула мне губы. И это был долгий поцелуй, без пыла, но полный нежности. И мы поняли, что любовь не ушла от нас. Она существует и всегда будет существовать, пока мы живы.

А потом мы уселись в машину и направились домой.

Примечания

1

Имеется в виду война, которую вели североамериканские штаты с южноамериканскими рабовладельческими штатами за освобождение негров от рабства (1861-1863).